

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Самарский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

Царькова Ольга Александровна

**СЕМАНТИКА, СИНТАГМАТИКА И ПРАГМАТИКА РЕЧЕВЫХ
АКТОВ СО СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТОЙ «ВЛАСТЬ» В
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Б. ОБАМЫ И Д. ТРАМПА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ)**

Специальность 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор А. Н. Морозова

САМАРА 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ	16
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	16
1.1. Содержательные и типологические особенности политического дискурса 16	
1.2. Воздействие в политическом дискурсе.....	27
1.3. Тактико-стратегический подход к изучению политического дискурса	34
1.4. Теория речевых актов и ее значимость.....	45
для исследования политической коммуникации	45
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	53
ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ВЕРИФИКАЦИЯ НА МАТЕРИАЛЕ КЛЮЧЕВЫХ ТЕРМИНОВ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ»	56
2.1. Понятийная и языковая интерпретация власти как ключевого концепта политического дискурса	56
2.2. Принципы синтагматического анализа текста.....	64
2.3. Синтагматическое описание реализации термина “power”	73
2.4. Синтагматическое описание реализации термина “authority”	88
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	105
ГЛАВА III. ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВЫХ АКТОВ СО СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТОЙ «ВЛАСТЬ» В ДИСКУРСЕ БАРАКА ОБАМЫ	108
3.1. Интерпретационно-ориентационная стратегия	110
3.2. Информационная стратегия	120
3.3. Побудительная стратегия.....	126
3.4. Интеграционная стратегия	131
3.5. Агональная стратегия.....	134
3.6. Средства акцентуации и их функционально-прагматическая специфика ..	137

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III	146
ГЛАВА IV. ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВЫХ АКТОВ СО СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТОЙ «ВЛАСТЬ» В ДИСКУРСЕ ДОНАЛЬДА ТРАМПА	150
4.1. Интеграционная стратегия	151
4.2. Агональная стратегия	157
4.3. Побудительная стратегия	164
4.4. Интерпретационно-ориентационная стратегия	168
4.5. Информационная стратегия	174
4.6. Функционально-прагматическая специфика средств акцентуации речи Дональда Трампа	177
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	191
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	197

ВВЕДЕНИЕ

Политическая коммуникация как феномен общественной жизни является предметом повышенного интереса в научных исследованиях, что обусловлено самой природой политической деятельности. Политика, представляющая собой процесс борьбы за достижение, сохранение и перераспределение власти, оказывает непосредственное влияние на жизнь людей, формируя общественное мнение, ценностные ориентиры и идеалы. В этом контексте центральная роль принадлежит публичной речи первых лиц государства, которые выступают основными источниками идеологических установок и векторов политического курса.

Особую значимость в этой связи приобретает американский политический дискурс. В последние десятилетия США вышли на позиции ведущей экономической и политической державы, что закономерно потребовало выработки идеологического обоснования, реализуемого, прежде всего, через публичную речь. Претендуя на мировое господство, Америка последовательно проводит доктрину «глобального доминирования», которая открыла перед Соединенными Штатами возможность оказывать масштабное и целенаправленное воздействие на ход международных отношений. Изучение того, каким образом политическое влияние осуществляется через используемые в публичной речи президентов языковые и дискурсивные средства, требует обращения к речевым актам, в которых отражаются представления политиков о власти и их отношении к власти. Речевые акты со смысловой доминантой «власть» можно считать диагностическими, поскольку именно в них напрямую вербализуется понимание политиком собственного места в системе властных отношений, его представлений о легитимности, суверенитете и механизмах управления. Постановка задач, связанных с лингвистическим изучением таких речевых актов, связана, в первую очередь, с вопросом о методологии и методах, позволяющих раскрыть механизмы воздействия, оказываемые политиком на аудиторию.

Политическая коммуникация сегодня является объектом исследований, которые проводятся в рамках целого ряда лингвистических направлений, таких как критический дискурс-анализ, контент-анализ, когнитивистика, прагмалингвистика, риторика и др. Значительное место в исследовательском поле занимают работы, в которых осуществляется сопоставительный анализ национальных вариантов политического дискурса и его функционально-стилевых разновидностей. В центре внимания при этом оказывается логико-понятийное осмысление ключевых политических концептов (в частности, концепта «власть»), осуществляемое в отрыве от их вербального воплощения, или же фиксация и описание лексико-семантической структуры языковых единиц, репрезентирующих данные концепты. Иначе говоря, исследования, в основном, фокусируются на общем описании стратегического плана различных дискурсивных пространств без детального анализа их языковой реализации, либо на фрагментарном рассмотрении отдельных форм приёмов вне системы целостного дискурсивного воздействия. Подобный подход не позволяет дать целостную картину того, каким образом используемые в речевом произведении языковые средства позволяют реализовать целевую установку говорящего, а интенциональные структуры трансформируются в конкретные вербальные формы, обеспечивающие реализацию функции воздействия в политической коммуникации.

Актуальность настоящего диссертационного исследования определяется тем, что несмотря на значительный объём литературы, посвящённой прагматическому аспекту англоязычной политической коммуникации вообще, и американскому политическому дискурсу, в частности, методологию изучения средств речевого воздействия, реализуемого в публичной речи, нельзя считать достаточно разработанной. Особую значимость приобретает разработка комплексной методики, позволяющей определить характер имплицитного воздействия на когнитивную сферу адресата и объяснить механизмы его реализации через систему конкретных языковых средств, раскрыть взаимосвязь между интенцией политического актора и теми вербальными средствами, которые объективируют индивидуальную модель политического мировоззрения.

Объект настоящего диссертационного исследования – языковые и дискурсивные средства актуализации концепта «власть» в политических речах Барака Обамы и Дональда Трампа.

В качестве **предмета** исследования выступают речевые акты со смысловой доминантой «власть», рассматриваемые в единстве их семантических, синтагматических и функционально-прагматических характеристик.

В основу исследования была положена **гипотеза** о том, что создание интегративной модели анализа, учитывающей диалектическую взаимосвязь всех существенных компонентов политической коммуникации, требует обращения к следующим параметрам:

тип речевого акта, поскольку именно иллокутивная сила высказывания эксплицирует интенциональную направленность речи и позволяет соотнести языковую форму с коммуникативным намерением политика;

тактико-стратегическую организацию речи, которая даёт возможность выявить макроинтенции говорящего и системные способы их достижения через конкретные речевые действия;

морфо-синтаксические и лексико-фразеологические свойства синтагм, входящих в структуру текста, поскольку именно в линейном соположении языковых единиц, их комбинаторике и коллокационных связях формируется имплицитный подтекст, содержащий тот идеологический посыл и персуазивный потенциал, посредством которого осуществляется целенаправленное воздействие на аудиторию.

Также было выдвинуто предположение о том, что анализ речевых актов с учетом их тактико-стратегической и синтагматической организации позволит выявить идейное содержание, опосредующее репрезентацию властных отношений в публичной речи и оказывающее персуазивное воздействие на аудиторию. При этом целесообразным представляется проведение сравнительного анализа дискурса политиков с контрастными коммуникативными стилями, что позволит охарактеризовать как индивидуальные, так и универсальные закономерности в дискурсивных практиках американских политиков.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении механизмов речевого воздействия в политическом дискурсе американских президентов через анализ синтагматической и тактико-стратегической организации речевых актов, содержащих смысловую доминанту «власть».

Цель исследования определила **задачи**, которые состоят в следующем.

- 1) систематизировать сведения о содержательных, типологических, функциональных особенностях политической коммуникации и об основных направлениях в изучении политического дискурса;
- 2) определить исследовательский инструментарий, направленный на описание языковых и дискурсивных средств актуализации концепта «власть» и обеспечивающий использование интегративной модели исследования, основанной на взаимосвязи интенционального и языкового уровней и системном характере дискурсивного воздействия в политической речи;
- 3) описать структурные, семантические и функционально-прагматические характеристики синтагм, включающих ключевые термины концепта «власть» в дискурсе Барака Обамы и Дональда Трампа, и систематизировать выявленные признаки с учетом политико-идеологического контекста;
- 4) на материале публичных выступлений этих политиков осуществить анализ речевых актов со смысловой доминантой «власть» с целью выявления системных связей между типологическими характеристиками речевых актов, коммуникативными стратегиями и избираемыми для их реализации речевыми тактиками, и используемыми языковыми средствами.

Теоретическую базу диссертации составили исследования в области политологии и политической лингвистики (У. Липман, Г. Лассуэлл, Л. Пай, П. Норрис, Л. Р. Посикера, А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, А. Н. Баранов, Е. И. Шейгал, Л. В. Минаева, Е. Р. Левенкова, О. Л. Михалёва, О. Н. Паршина, Н. А. Арутюнова, Д. Попова и И.А. Стернин, А. А. Дегтярёв), теории дискурса

(Дж. Лакофф, Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Дж. Бломмаэрт, У. Бенуа, В. И. Карасик, О. Н. Паршина, И. И. Чиронова), теории синтагматики (В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, Т. Г. Добросклонская, С. Г. Тер-Минасова, Н. Б. Гвишиани, А. Н. Морозова), теории речевых актов (Л. Витгенштейн, Дж. Л. Остин, Дж. Серль, Г. Г. Почепцов, А. И. Смирницкий, Т. В. Юдина), лингвопоэтического анализа текста (Р. Барт, Ю. М. Лотман, В. Я. Задорнова, О. С. Ахманова, А. Ю. Морозов), вопросов речевого воздействия (Т. Г. Добросклонская, О. С. Иссерс, В. Е. Чернявская, Д. Леви, М. Маккомбс, Д. Шоу).

Для достижения цели и решения поставленных задач были использованы следующие **методы исследования**: анализ научной литературы по вопросам методологии и методов анализа дискурса; лингвопрагматический анализ; анализ словарных дефиниций; лексико-семантический анализ; синтагматический анализ; лингвостилистический анализ; лингвопоэтический анализ; сопоставительный и дискурсивный анализ, осуществляемый с позиции тактико-стратегического подхода и теории речевых актов, контент-анализ; количественный анализ; приём сплошной выборки.

В качестве **материала** исследования были использованы стенограммы публичных выступлений 44-го президента США Барака Обамы (2004-2018 гг.), представленные в репозитории American Rhetoric, и выступлений 45-го президента Дональда Трампа (2017-2021 гг.), доступные в базе Factbase, общим объёмом 1927 текстовых фрагментов. Выбор данного материала обусловлен тем, что публичная речь представляет собой основной канал политической коммуникации, позволяющий анализировать стратегии и тактики воздействия на аудиторию в различных политических контекстах.

Новизна диссертационной работы определяется тем, что в ней впервые:

1. Продемонстрирована роль синтагматического анализа для выявления способов языковой интерпретации власти как ключевого концепта политического дискурса.

2. Предложена интегративная методика, позволяющая установить взаимосвязь между интенциями политического актора (уровень стратегий),

выбором конкретных речевых актов (уровень коммуникативного действия) и реализуемыми языковыми средствами.

3. Выявлены инвариантные и вариативные признаки индивидуальных дискурсов политиков в аспекте тактико-стратегической и речеактовой организации публичного выступления, позволяющие охарактеризовать политико-мировоззренческие различия через описание используемых ими моделей речевого воздействия.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в ней теоретически обоснована и практически подтверждена целесообразность комплексного анализа тактико-стратегической организации политической речи с позиции теории речевых актов и теории синтагматики и разработана оригинальная методика лингвистического анализа публичной политической речи, которая обеспечивает системное описание механизмов языкового воздействия на массовое сознание.

Результаты исследования дополняют сведения о специфике реализации функции воздействия в политической коммуникации США и призваны внести определённый вклад в исследования современного политического дискурса. Они дополняют представления о соотношении трех аспектов политической речи – всеобщего (язык политики как инструмент социальной власти), особенного (политический дискурс отдельно взятой страны) и индивидуального (речевой портрет политика как отражение его имиджа.) Адаптация метода лингвопоэтического анализа к материалу политических выступлений расширяет методологический инструментарий политической лингвистики и позволяет выявить ранее не раскрытые закономерности вербализации власти в англоязычном дискурсе.

Материалы и результаты работы могут быть востребованы в исследованиях, проводимых в области медиалингвистики, функциональной стилистики и прагмалингвистики.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания языковых и

политологических дисциплин, а именно в лекционных курсах и на семинарских занятиях по дисциплинам, направленным на изучение вопросов политической коммуникации, а также при подготовке курсовых и выпускных квалификационных работ. Результаты исследования и его эмпирический материал могут найти применение в разработке учебных материалов, направленных на формирование навыков и умений, необходимых при подготовке публичных речей на иностранном языке.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Продуктивным способом описания политического дискурса в контексте языковой актуализации концепта «власть» является синтагматический анализ, осуществляемый в единстве морфо-синтаксического и лексико-фразеологического аспектов. Значительную функциональную нагрузку в вербализации этого концепта несут лексемы *power* и *authority*, которые объективируют, соответственно, силовые и институциональные основания власти, и языковая репрезентация которых служит диагностическим маркером политико-мировоззренческих различий между политическими деятелями. В дискурсе Барака Обамы синтагмы, включающие данные единицы, направлены на выражение кооперативной гегемонии через международную легитимность и на актуализацию нормативно-институционального характера власти. В дискурсе Дональда Трампа они выступают как средство выражения идеи суверенного могущества через национальные интересы и связаны с административно-территориальными аспектами власти.

2. Раскрытие механизмов персуазивного воздействия, оказываемого политиком посредством публичной речи, способствует использование интегративной методики, позволяющей установить взаимосвязь между интенциями политического актора (уровень стратегий), выбором конкретных речевых актов (уровень коммуникативного действия) и языковыми средствами, центральное место среди которых занимает словосочетание как основная единица речи. Системное взаимодействие стратегических установок, прагматики речевых актов и конкретных дискурсивных маркеров обеспечивает формирование

идеологических смыслов, и приобретает особую актуальность для сравнительного анализа речей политиков, демонстрирующих контрастные модели речевого воздействия.

3. Ключевую роль в выражении стратегических интенций политика и вербализации властных отношений в англоязычном политическом дискурсе играют речевые акты, содержащие смысловую доминанту «власть», репрезентантами которой являются лексемы *power* и *authority*. Данные термины обладают значительной семантической ёмкостью, дискурсивной функциональностью и способностью выступать в качестве смысловых узлов, обеспечивающих сообщение взаимосвязанных метасемиотических смыслов, совокупность которых создает идейное содержание, отражающее политический курс президента.

4. В публичных выступлениях Б. Обамы и Д. Трампа инвариантными признаками являются реализуемые типы речевых актов и их количественное соотношение, а также состав коммуникативных стратегий. Стратегии политической коммуникации в индивидуальных дискурсах президентов реализуются через избирательное использование типов речевых актов: репрезентативы доминируют в интеграционных и информационных стратегиях (осуществляя легитимацию через фактологию), директивы и комиссивы играют ключевую роль в реализации побудительной стратегии (осуществляя мобилизационную функцию), декларативы являются средством создания агональной стратегии (конструирование бинарных оппозиций «свой/чужой»).

5. Вариативные черты индивидуальных дискурсов обнаруживаются в частотности используемых стратегий и в наборе тактик, посредством которых реализуется каждая из стратегий. Характерное для обоих политиков системное использование бинарных оппозиций у первого служит для создания сложной системы аргументации, в то время как второй редуцирует политическую реальность до простых дихотомий. Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует два принципиально разных подхода к политической коммуникации: рационально-аргументативный в речи Барака Обамы и эмоционально-

популистский в речи Дональда Трампа, что находит отражение в выборе и комбинации языковых средств реализации стратегий.

Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается всесторонним анализом научной литературы по проблемам диссертационной работы; достаточным объёмом использованного фактического материала, отобранного в соответствии с чётко обозначенными критериями; репрезентативностью анализируемого языкового материала; использованием качественных методов и процедур анализа, адекватных поставленной цели.

Апробация работы. Основные результаты исследования изложены в докладах на XIII межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания» в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург, 2024), IV Международной междисциплинарной научной конференции «Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций поколения» в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (Москва, 2024), всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Методологические и лингводидактические аспекты изучения языка и речи» (Самара, 2024, 2023, 2022, 2018, 2017); отражены в публикациях в сборниках научных статей «Язык в пространстве и времени», (Самара, 2021) и научных журналах «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов, 2022, 2024), «Филологический аспект» (Нижний Новгород, 2023), «Мир науки. Социология, филология, культурология» (Москва, 2022), «Теоретическая и прикладная лингвистика» (Благовещенск, 2021), «Поволжский педагогический вестник» (Самара, 2021, 2022, 2024), «Технологизация социо-экономической сферы» (Тольятти, 2026), представлены в ежегодных отчётных докладах аспирантов кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков в Самарском государственном социально-педагогическом университете (Самара, 2018-2021).

По материалам диссертации опубликовано 10 статей, а том числе 4 статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (Благовещенск, 2021; Москва, 2022; Тамбов, 2022, 2024).

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендована к защите: диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки): 9. Текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран. 10. Методы исследования языковых единиц и категорий: структурные и функциональные исследования конкретного языка или языковой семьи, корпусные исследования языка или языковой семьи, когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка или языковой семьи; вопросы перевода различных единиц лексического, грамматического, стилистического уровней с одного языка на другой. 11. Исследование уровневой и культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний, в том числе, в разных языковых сообществах представителей конкретного языка или языковой семьи.

Структура и основное содержание работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографического списка источников на русском и английском языках.

Во **введении** определяются объект и предмет исследования, обосновывается актуальность диссертации и её научная новизна, формулируется теоретическая и практическая значимость, цель, задачи, методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Речевая коммуникация в сфере политики как объект лингвистического исследования» включает четыре раздела и содержит обзор работ, освещающих политическую коммуникацию, структуру и модели политической коммуникации. Осуществляется системное обобщение сведений о структуре и свойствах политического дискурса, а также существующих в современной

лингвистике направлениях исследования политического дискурса. Рассматривается понятие воздействия в политическом дискурсе, а также понятие «коммуникативная власть», приводится обзор наиболее значимых работ в данной области. Кроме того, в главе подробно освещаются теоретические основы тактико-стратегического подхода к анализу политической коммуникации и специфика применения теории речевых актов в исследовании политического дискурса.

Вторая глава «Теоретико-методологические основы исследования» содержит описание понятия власти как ключевого концепта политического дискурса, а также обзор различных подходов, применяемых при изучении данного понятия. Кроме того, глава содержит описание теоретических принципов синтагматического анализа и лингвопоэтического анализа текста. Третий параграф данной главы носит практический характер и посвящён синтагматическому анализу репрезентации концепта «власть» через лексемы power и authority в дискурсе Б. Обамы и Д. Трампа. В параграфе раскрываются колигационные и коллокационные особенности синтагм, содержащих термины “power” и “authority”, а также анализируется их роль в концептуализации понятия «власть».

Третья глава «Тактико-стратегические и языковые средства речевых актов со смысловой доминантой «власть» в дискурсе Барака Обамы» и **четвёртая глава** «Тактико-стратегические и языковые средства речевых актов со смысловой доминантой «власть» в дискурсе Дональда Трампа» содержат анализ фрагментов публичных выступлений президентов с позиции типа речевого акта, тематического плана и языковых средств, которые, являясь средством реализации тактик и стратегий, одновременно представляют собой средства создания определённого идейного содержания высказывания, которое формулируется в конце соответствующих глав.

В **заключении** работы обобщаются результаты и формулируются выводы, полученные в ходе исследования, а также намечаются перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

В библиографическом списке приводятся работы, составляющие теоретическую базу исследования (202 единицы): 191 источник теоретической

литературы (из них 39 источников на иностранных языках), лексикографических материал (11 наименований), интернет-сайты и источники фактического материала (6 источников).

ГЛАВА I. РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Содержательные и типологические особенности политического дискурса

В последние десятилетия учёные-лингвисты всё чаще обращаются к изучению вопросов, связанных с теорией и практикой политической коммуникации. В зарубежной лингвистике вопросы изучения политической коммуникации поднимались еще в начале XX века, хотя в тот период времени исследования не носили системный характер. Так, в 1920-е годы вышла работа Уолтера Липмана, в которой изучаются механизмы «замалчивания» информации в политической коммуникации. Исследователь ввел понятие «процесс установки повестки дня» (agenda-setting process), означающее стратегическую актуализацию одних вопросов в политической среде при одновременном вытеснении других на периферию общественного внимания. Липман показал, как медиа и политические акторы через селективный отбор тем, и частотность их упоминания формируют у аудитории искажённую «псевдосреду» (pseudo-environment) восприятия реальности. Это исследование стало первой систематизированной теорией языковой манипуляции, поскольку впервые раскрыло механизм символического конструирования политической реальности через язык и продемонстрировало, как управление информационными потоками определяет границы публичной дискуссии; У. Липман был первым, кто применил метод контент-анализа для исследования общественных представлений о политической картине мира [W. Lippmann, 1920], заложив основы критического дискурс-анализа и медиалингвистики. Его работа предвосхитила современные исследования фрейминга и прайминга, показав, что политическая власть осуществляется в первую очередь через контроль над языковыми ресурсами и семантическими структурами.

Однако политическая лингвистика как отдельная дисциплина оформилась лишь в период после Второй мировой войны – с 50-х годов XX века происходит

резкий рост интереса ученых к вопросам языка политики, языка власти и власти языка. Одним из первых ее исследователей был американский политолог Г. Лассуэлл, чьи труды легли в основу политической лингвистики как науки. Он определял политическую коммуникацию как «императивный, побудительный процесс: каков запрос отправителя, таков ответ адресата, по принципу «каков стимул, такова реакция» [Lasswell, 1948: 216].

Сегодня политическая коммуникация является объектом интереса учёных в России и за рубежом. В зарубежной лингвистике существуют два подхода к описанию сути политической коммуникации. Некоторые учёные, в числе которых американский исследователь Л. Пай, рассматривают политическую коммуникацию в широком смысле, включая в данное понятие «все виды неформальных, коммуникационных контактов в обществе, оказывающих самое разнообразное воздействие на политику» [Pye, 1978]. Другие учёные понимают политическую коммуникацию как процесс передачи информации внутри политической системы, благодаря которому информация циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой, в результате «идет непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях» [Шварценберг, 1992: 179]. На наш взгляд наиболее полная и актуальная трактовка политической коммуникации была предложена англо-американским политологом Пиппой Норрис в издании *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*: политическая коммуникация представляет собой «интерактивный процесс передачи информации среди политиков, новостных СМИ и аудитории». Исследователь отмечает направленность процесса коммуникации, который осуществляется «сверху вниз, от управляющих политических институтов к гражданам, горизонтально между различными политическими институтами и снизу вверх, от публичного мнения к властям»¹ [Norris, 2011: 355]. Данное определение учитывает современную специфику политического процесса, его интерактивный характер и возможность осуществлять

¹ В оригинале цитата дана на английском: *interactive process concerning the transmission of information among politicians, the news media, and the public*. Здесь и далее перевод наш – прим. авт.

коммуникацию в разных направлениях, что становится возможным только при наличии СМИ и Интернет-технологий массовой коммуникации.

В российской лингвистике изучение политической коммуникации активно ведётся с 1990х годов, что объясняется ходом исторического процесса и поворотом политического курса нашей страны в сторону демократических идей, поскольку «политическая коммуникация является неотъемлемой частью демократического политического процесса и обеспечивает его» [Посикера, 1994: 24].

Большинство исследователей рассматривают коммуникацию как процесс циркуляции политической информации внутри политической системы (Л.Р. Посикера, М. Ю. Гончаров, Г. А. Белов и В. П. Пугачев и др.). В «Новейшем политологическом словаре» политическая коммуникация определяется как «процесс взаимодействия между социально-политическими субъектами, элементами политической системы, самой политической системой и обществом путем обмена информацией непосредственно или с помощью телевидения, радио, прессы, сети интернет и пр.» [Новейший политологический словарь, 2010]. Политическая коммуникация оказывает влияние на общественные отношения – между классами, нациями и государствами, являясь инструментом, «информационного обеспечения политических процессов в обществе» [Минаева, 2007: 8].

Многие исследователи описывают структуру политической коммуникации, представляя её в виде моделей передачи информации участникам коммуникации через различные каналы связи. Среди наиболее известных моделей политической коммуникации можно выделить модель К. Шеннона и У. Уивера, согласно которой политическая коммуникация представляет собой однонаправленный процесс, включающий в себя источник, сообщение, передатчик, сигнал, канал, шум (коммуникационный барьер), приемника и получателя [Shannon, Weaver, 1949s].

Модель У. Шрама и П. Осгуда отличается тем, что исследователи одни из первых обратили внимание на необходимость обратной связи для политической коммуникации. В основе этой модели лежит циркулярный характер коммуникации, когда участники поочерёдно исполняют роли коммуникатора и адресата,

интерпретируя полученное сообщение, или кодируя новое сообщение в ответ. Наличие обратной связи позволяет избежать неправильного толкования сообщения и позволяет оценить, насколько успешным оказалось воздействие на получателя, и соответствует ли оно изначальным коммуникативным целям коммуникатора [Schramm, 1954].

Информационно-кибернетическая модель политической системы Карла Дойча [Deutsch, 1966] рассматривает политическую коммуникацию в рамках коммуникационного подхода: успех коммуникации зависит от качества потоков информации, которые как поступают из внешнего мира или формируются внутри коммуникационной среды, и на основании которых принимаются политические решения. Процесс передачи информации включает в себя четыре стадии:

- 1) получение и отбор информации;
- 2) обработка и оценка информации;
- 3) принятие решений;
- 4) осуществление решений с учетом обратной связи.

Голландские исследователи Й. Бордвиг и Б. ван Каам предложили несколько моделей политической коммуникации, которые описывают всё разнообразие случаев взаимодействия субъектов и объектов политической деятельности [Бордвиг, ван Каам, 1982: 16-21]. В частности, исследователи отмечают необходимость распространения информации из центра к периферии (модель вещания), важность отсутствия посредников в случаях, если имеет место очная коммуникация между двумя участниками политического процесса (диалоговая модель). Коммуникация может быть направлена от периферии к центру (консультационная модель), когда избирателю требуется информация по определённым событиям.

Российский исследователь А. П. Чудинов, описывая структуру политической коммуникации, выделяет следующие уровни, составляющие ядро политической коммуникации:

1. Аппаратная политическая коммуникация, «ориентированная на общение внутри государственных или общественных структур», иными словами,

это общение между элементами политической системы (внутри государственных структур и политических организаций).

2. Политическая коммуникация в публичной политической деятельности, которая составляет профессиональную и общественную деятельность политических лидеров (дебаты, предвыборные кампании, публичные выступления и т.д.). Важным моментом здесь является тот факт, что данный тип политической коммуникации рассчитан на массовую аудиторию.

3. Политическая коммуникация, осуществляемая журналистами и при посредстве журналистов. Этот тип политической коммуникации также рассчитан на массового реципиента, однако его отличие заключается в том, что журналисты не являются прямыми участниками политического процесса (не являются политической элитой), однако способны привлекать внимание аудитории к проблемам, предлагать способы решения и помогать политикам осуществлять политическую деятельность.

4. Политическая речевая деятельность «рядовых» граждан. Такая коммуникация осуществляется непрофессионалами, которые, однако, принимают участие в политической жизни посредством участия в митингах, демонстрациях, собраниях и т.д. [Чудинов, 2006: 36-37].

Анализ литературы о структуре политической коммуникации показал, что исследования политической коммуникации демонстрируют эволюцию от линейных к сложным многоуровневым моделям, отражающим её системный характер. Если ранние модели рассматривали коммуникацию как однонаправленный процесс с акцентом на технические аспекты передачи информации, то последующие разработки ввели принципиально важные элементы – обратную связь, циркулярность и кибернетические принципы обработки информации. Особую значимость приобретает дифференциация типов политической коммуникации [Бордвиг, ван Каам, 1982], где особое внимание уделяется направленности информационных потоков манипулятивному потенциалу СМИ. Российская традиция (в частности, А. П. Чудинов) дополняет эти модели структурно-функциональным подходом, выделяя уровни коммуникации в

зависимости от участников (от аппаратной до массовой) и их роли в политическом процессе [Чудинов, 2006].

Развитие науки о коммуникации и тенденция к рассмотрению языка как мыслительного процесса привели к тому, что в лингвистике стал популярным подход, в рамках которого коммуникация рассматривается как совокупность коммуникативных событий, связанных между собой контекстом общения и различными характеристиками коммуникантов, вступающих во взаимодействие [Патюкова, 2010: 127]. В этом отношении важным для коммуникации становится понятие дискурса, как «конкретного коммуникативного события, фиксируемого в письменных текстах и устной речи» [Чернявская, 2009: 143].

А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич понимают под политическим дискурсом «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич, 1991: 6].

А. Н. Баранов впоследствии уточнил это определение, выдвинув на первый план участников коммуникации и их ментальные процессы и определил политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов, 2003: 245, 246].

Е. И. Шейгал определяет политический дискурс как «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное» [Шейгал, 2004: 5]. В реальном измерении дискурс понимается как «текст в конкретной ситуации политического общения», а в виртуальном – как вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере [Шейгал, 2004: 16].

С. Н. Колесникова обращает внимание на ролевую составляющую в деятельности участников политической коммуникации, определяя её как «вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом

контексте, в которой отправитель и получатель наделяются определенными социальными ролями, согласно их участия в политической жизни» [Колесникова, 2011: 69].

Разграничивая понятия «дискурс» и «текст», многие исследователи, [например, Л. В. Минаева, 2019: 6] понимают под дискурсом когнитивный процесс, а под текстом – конечный результат такого процесса.

Таким образом, в современном языкознании политический дискурс трактуется как комплексный феномен, интегрирующий институциональное, социальное и когнитивное измерения политической коммуникации. Он представляет собой не просто корпус политических текстов, а динамическую систему конструирования и трансляции смыслов, в которой языковые практики неразрывно связаны с экстралингвистическими условиями — отношениями власти, социальными позициями коммуникантов и общим культурно-историческим фоном. Важнейшей особенностью политического дискурса выступает его двойственная природа: будучи инструментом политической коммуникации, он одновременно служит средством формирования политической реальности, легитимации власти и воздействия на общественное сознание. Современные исследования подчеркивают процессуальный характер политического дискурса, который проявляется во взаимодействии когнитивных структур участников, социальных практик и конкретных речевых произведений.

Анализируя особенности политического дискурса, многие исследователи выделяют институциональность (или статусно-ориентированность) как базовое свойство, характерное для данного типа дискурса (Т. ван Дейк, В. И. Карасик, Е. Р. Левенкова, Е. В. Кобец, Е. А. Углова, О. Н. Паршина). Под институциональностью понимают такой характер взаимодействия, при котором коммуникация происходит между представителями социальных групп, или институтов, реализующих свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов [Карасик, 2002: 277]. Институциональность считается системообразующим признаком политического дискурса [Е. И. Шейгал, 2010] и раскрывается через ролевые характеристики

участников общения, через ритуальный характер коммуникации, а также через тексты, через клишированность используемого языка [Карасик, 2000: 8-12; Левенкова, 2011: 21–22].

Кроме того, многие исследователи указывают на оценочность и агрессивность политического дискурса (Демьянков, 2002; Чудинов, 2003; Е. С. Кара-Мурза, 2009), «идеологизацию всего, о чем говорится», эффективность как созвучность образов и символов, используемых политиком, массовому сознанию: «политик должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании» [Демьянков, 2002: 37], преобладание массового адресата, преобладание фатического элемента, опосредованность коммуникации, ее театральность, динамичность языка политики [Шейгал, 2000].

Всесторонняя характеристика политического дискурса дана в монографии Е.Л. Левенковой, где, вслед за В. И. Карасиком, исследователь предлагает выделять четыре группы базовых признаков: 1) конститутивные (включающие участников, условия коммуникации, её организацию и материал общения), 2) признаки институциональности (фиксирующие ролевые характеристики участников, общепринятые ритуалы и речевые клише), 3) типологические характеристики институтов, вовлечённых в коммуникацию, 4) нейтральные признаки (включающие в себя обще дискурсивные характеристики) [Левенкова, 2011: 21-22].

Структура политического дискурса может быть рассмотрена через призму различных критериев — от лингвистических уровней организации текста до функциональных типов коммуникации.

Т.А. ван Дейк предлагает выделять следующие уровни дискурса, систематизируя их по принципу релевантности, основанном на особых условиях производства и восприятия текстов и на их коммуникативных функциях [ван Дейк 1989: 133]:

1) локальные структуры (микроструктуры): грамматика, морфология, семантика и лексика, синтаксис, структура последовательностей, реляционный синтаксис, реляционная семантика;

2) глобальные структуры (семантические макроструктуры – топики, темы; формальные суперструктуры - схемы);

3) знания и представления о мире (социокультурные сценарии, пропозиции, социальные, личностные и когнитивные характеристики автора) [ван Дейк 1989: 134, 138-139].

Ж. В. Зигманн предлагает структурировать политический дискурс по жанровому своеобразию существующих в нем текстов, выделяя три гипержанра: политические документы, предвыборную агитацию и политические дебаты [Зигманн, 2003: 5].

С. Н. Плотникова разграничивает дискурс политиков и дискурс реагирования. Под «дискурсом реагирования» исследователь понимает любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика [Плотникова, 2005, 22–26].

Э. В. Будаев и А. П. Чудинов развивают понимание политического дискурса, предложенное Т. ван Дейком, выделяя институциональный политический дискурс, включающий в себя тексты, созданные политиками (парламентских стенограмм, политических документов, публичных выступлений, интервью лидеров политических партий и др.), и масс-медийный политический дискурс, который содержит тексты, созданные журналистами и транслируемые в прессе, на телевидении, по радио и в интернете [Будаев, Чудинов, 2011: 198].

Л. В. Минаева выделяет ряд субдискурсных типов – агитационно-политический, профессионально-политический, административно-политический, медиаполитический, внутривполитический, политико-бытовой субдискурсы [Минаева, 2019: 9-10], различающиеся своей функцией, составом участников и целями, которые они преследуют, вступая в коммуникацию. Так, для агитационно-политической, административно-политической и медиаполитической разновидностей субдискурса коммуникатором выступает профессиональный политик, а реципиентом – «непрофессиональный носитель политического языка», т.е. люди и институты, для которых политическая деятельность не является профессиональной. Профессионально-политический и внутривполитический типы субдискурса отличаются тем, что и коммуникатор, и реципиент являются

профессиональными носителями политического языка, а для политико-бытового субдискурса характерна коммуникация между непрофессиональными носителями политического языка. При этом ситуация общения может быть официальной (для профессионально-политической, административно-политической, медиаполитической разновидностей) и неофициальной (характерна для внутривполитического и политико-бытового субдискурсов), либо варьироваться в зависимости от акта коммуникации (агитационно-политический субдискурс). Также исследователь разграничивает опосредованный и непосредственный характер коммуникации, который может проявляться, в зависимости от речевого акта, во всех типах субдискурсов, кроме медиаполитического типа, для которого характерна опосредованная коммуникация, и внутривполитического типа, для которого характерен непосредственный характер коммуникации [Минаева, 2019: 9–10].

Сегодня исследования в рамках политической лингвистики приобретают преимущественно междисциплинарный характер: сложность и многомерность объекта исследования обуславливают необходимость применения методологического аппарата, интегрирующего подходы политологии, психологии, социологии, экономики, культурологии, этнографии, истории и собственно лингвистики, а также статистических и математических методов анализа.

Э. В. Будаев выделяет четыре основных направления исследования в современной политической лингвистике:

– критический анализ политического дискурса (Т. ван Дейк, Дж. Бломмаэрт, Т. ван Лейвен, М. В. Гаврилова, В. Kazemian, S. Hashemi и др.) – направление, исследующее процесс производства и злоупотребления властью, в результате которого возникает социальное неравенство. В рамках данного направления проводятся исследования «тоталитарных дискурсов» и способов языкового сопротивления тоталитарному режиму (Вайс 2007, 2008, 2009; Червиньски 2008а, 2008б, 2009; Schoenhals 2007; Xing 2004 и др.);

– контент-анализ политического дискурса (Л. Бразеаль, А. Клюковски, В. МакХейл, П. Пир, В. Уэллс, А. Харткок, Н. И. Шварцман, В. В. Кондрачук, Т.В. Забело и др.) – направление исследования качественных характеристик политической коммуникации на основе количественных данных. Исследователи анализируют массивные корпуса текстов, выявляя закономерности в построении определённых тактик и стратегий, различные акцентуации прошлого, настоящего и будущего, а также особенности выражения как личностных характеристик политика, так и особенности описания различных социальных проблем;

– риторический анализ политического дискурса (Г. Стелцнер, К. Берк, Т.А. Борхерс, К. Фосс, п. Уондер и др.). Исследования в рамках данного направления сосредоточены на выявлении того, как посредством речи происходит трансляция культурных символов и стереотипов, идеологии, личной интенции говорящего и т.д.;

– когнитивное исследование политического дискурса (Дж. Лакофф, У. Чейф, М. Тёрнер, Ч. Филлмор, В.И. Карасик, А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, И.А. Стернин, Н.Д.Арутюнова и др.), основной задачей которого является познание окружающей действительности, а также описание инструментов познания. Важным элементом в процессе познания выступает метафора как ментальная единица (J. Charteris-Black, M. J. Landau).

Расширение предметных областей исследований политической коммуникации исследователи обычно связывают с французской школой дискурс-анализа (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.), представители которой пытались устранить недостатки контент-анализа, применявшегося в то время в гуманитарных науках, особенно в Соединенных Штатах. Французские исследователи не фокусировались на изучении какого-либо конкретного текста, они исследовали множество текстов с учетом исторического и социального контекста, а также с учетом интенции автора, анализируя не только интрадискурс автора (то есть все высказывания данного автора по определенной проблеме), но и интердискурс (высказывания других лиц по той же проблеме) [Серио, 1999: 11–17]. Внимание исследователей привлекало изучение политической речи в различных

ситуациях ее функционирования – при предвыборной агитации, в ходе дебатов и т. д. Как справедливо отмечает Т. Г. Добросклонская, к завершению XX столетия в языкознании сформировалась универсальная модель коммуникации, интегрирующая её фундаментальные элементы: адресанта и адресата сообщения, канал передачи, обратную связь, само сообщение, процедуры его кодирования и декодирования, а также коммуникативный контекст [Добросклонская, 2006: 22].

Современные исследования политического дискурса характеризуются междисциплинарным подходом, объединяющим методы лингвистики, политологии, социологии, когнитивистики и других наук. В политической лингвистике сформировались четыре ключевых направления: критический анализ, контент-анализ, риторический и когнитивный подходы, каждый из которых раскрывает разные аспекты политической коммуникации — от властных отношений и идеологических манипуляций до метафорического моделирования реальности. Развитие этих направлений демонстрирует эволюцию от изолированного анализа текстов к комплексному изучению политической коммуникации как динамического процесса, где язык становится инструментом конструирования социальной реальности.

1.2. Воздействие в политическом дискурсе

Политическая коммуникация, как правило, осуществляется в ситуации публичности, когда любое действие и высказывание либо имеет массового реципиента (избиратели, граждане страны, участники ассамблеи и пр.), либо, будучи направленным на конкретного участника коммуникации, все же нацелено на то, чтобы вызвать определенную реакцию масс (например, высказывание одного политика относительно оппонента в процессе дебатов), и как следствие, оказать воздействие на мнение аудитории. Ещё в 70-80-е годы XX века вопрос воздействия посредством языка интересовал учёных, занимающихся исследованием политической коммуникации. В этот период времени появляются национальные

научные школы, которые сосредотачивают внимание на изучении коммуникативной практики в ряде западных демократических государств с позиции того, какие методы коммуникативного воздействия являются наиболее эффективным инструментом борьбы за власть. Здесь можно выделить исследования теории и практики политической аргументации [Klein 1984; Kopperschmidt 1976], функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы [Clyne 1979; Wolff 1976], а также исследования, связанные с механизмом подмены понятий в политическом дискурсе. В этот период в научной среде освещаются вопросы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания Второй мировой войны [Т. Адорно, 2011; Г. Маркузе, 2011; М. Хоркхаймер, 2011].

Ввиду обострения геополитической обстановки того времени (Холодная война и гонка вооружений) всё больше исследователей интересуется феноменом «ядерного языка» (Nukespeak), [Chilton, 1982], который используют политики для оправдания возможного применения ядерной бомбы, а также для эвфемизации катастрофических последствий применения ядерного оружия. Появляется интерес к изучению политической метафоры, поскольку всё больше политиков используют метафорические образы для описания политической ситуации: «ядерная зима», «атомный апокалипсис», «поджигатели войны» и др.

С развитием средств массовой коммуникации, в особенности Интернета, уровень публичности, присущий сфере политики, только растет. В современном мире любое слово, сказанное политиком, не просто транслируется на массовую аудиторию, но становится доступным множеству людей во множестве стран. В связи с этим изучение политической коммуникации приобретает особую важность. Многие исследователи сходятся во мнении, что средствами политической коммуникации осуществляется «информационное воздействие политических авторов друг на друга и окружающую социальную среду (общество)» [Грачев, 2004: 27]. Как отмечает А. П. Чудинов, политическая коммуникация представляет собой «речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим

действиям» [Чудинов, 2006: 6], и в этой связи любой политический текст содержит в себе скрытую оценку. О. Л. Михалёва трактует политический дискурс как «феномен, конструируемый коммуникантами и формирующий социальные отношения» посредством воздействия одних участников коммуникации на других. Воздействие такого рода реализуется через набор речевых тактик и стратегий, которые выбираются говорящим в соответствии с манипулятивными целями говорящего, реализуемыми с помощью языковых средств лексического, морфологического и синтаксического характера [Михалёва, 2004: 75-89].

З. И. Демьянков называет внушение главной целью политического дискурса, подразумевая как навязывание определённых действий, так и формирование оценок относительно некоторых личностей и событий в массовом сознании [Демьянков, 2002: 32].

Исследователи обращают внимание, тот факт, что различные «языковые единицы формируют, вербализуют и интерпретируют индивидуальное и коллективное знание о мире» [Ефименко, 2019: 321], осуществляя манипуляцию общественным сознанием. Для того, чтобы реализовать персуазивный потенциал политического текста, необходимо учитывать «систему взглядов потенциального интерпретатора с целью модифицировать намерения и мотивировку действий аудитории» [Демьянков, 2002: 36-37]. Следовательно, значительный объём исследований отечественных и зарубежных лингвистов сосредоточен на анализе языковых механизмов воздействия на аудиторию в политическом дискурсе [Шейгал, 2000, 2002; Бокмельдер 2000; Иванова, 2010; Левенкова, 2011; van Dijk, 2008; Bataineh, 2019; Moody, Zohreh, 2020; Nisar et al., 2020; Salayo, 2020]. В рамках этих работ исследуются, в частности, различные тактики (апелляция к биографическим фактам политика, использование обещаний, многословие и др.), стилистические приёмы (повторы, гипербола, метафора, метонимия, сравнения) и частотные словообразовательные модели, такие как номинализация (субстантивация).

Изучая вопросы воздействия посредством языка, голландский исследователь Т. ван Дейк, предложил термин «коммуникативная власть» (или «дискурсивная

власть»). В своей работе «Дискурс и власть» ван Дейк выдвигает идею о том, что «властвовать сегодня означает обладать не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять (описывать, объяснять, прогнозировать, конструировать) текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности» [ван Дейк, 2013: 8]. По мнению исследователя, в современной политике власть принадлежит тем, кто владеет публичным дискурсом, контролирует его.

Как отмечалось в параграфе 1, в лингвистике появилось целое направление, получившее название «критический дискурс-анализ», которое занимается исследованиями вопросов нелегитимного использования дискурсивной власти, иными словами, «использование нелегитимного влияния с помощью механизмов дискурса» [ван Дейк, 2013: 255]. В рамках критического дискурс анализа важную роль играет взаимосвязь между языком, идеологией и властью. В работах английского исследователя Норман Фэркло выдвигается мысль о том, что, речь политиков отражает социальную действительность и является индикатором изменений, происходящих в обществе. Изучение политических текстов, в этом отношении, является способом исследования социальных практик и критического разоблачения закодированных в текстах случаев злоупотребления социальной властью. Н. Фэркло предлагает фокусироваться, в первую очередь, на описании социального измерения дискурсивной среды: взаимодействия таких элементов как семиотических образов, жанров, и дискурсов как способов толкования мира, а также учитывать позицию участников общения, и присущие им характеристики (модальность, переходность, язык тела и визуальных изображений), и необходимо принимать во внимание интердискурсивность, роль дискурса в обществе и влияние на процессы общественных изменений [Fairclough, 2013].

Тённ ван Дейк выдвигает идею о том, что манипуляция представляет собой форму словесной интеракции, в рамках которой манипулятор осуществляет контроль над людьми, как правило, против их воли или интересов, и в результате манипулятивного воздействия «у манипулируемого создается иллюзия добровольного принятия самостоятельного решения» [Агапова, 2017: 29]. Т. ван

Дейк описывает манипулятивное воздействие как манипуляцию человеческим сознанием, подразумевающую злоупотребление властью [ван Дейк, 2013: 254]. Манипуляция в этом смысле отличается от «легитимного» убеждения тем, что объект манипуляции не имеет возможности выбирать, как поступить, играя пассивную роль «жертв» манипуляции. Зачастую это происходит потому, что объект манипуляции не в состоянии распознать истинные намерения говорящего. В этом случае можно говорить, что манипуляция носит имплицитный характер.

Скрытый характер манипулятивного воздействия отмечают многие исследователи (Е. Л. Доценко (1997), В. В. Знаков (2000), и В. П. Шейнов (2000), С. Г. Агапова (2017) и др.). Все они понимают под манипуляцией скрытое воздействие на поведение, действия и психологическое состояние реципиента, реализуемое посредством различных методов и способов.

Развивая идеи критического дискурс-анализа, Т. ван Дейк разрабатывает теорию, согласно которой, правящие элиты реализуют свою власть посредством контроля СМИ и других форм публичного дискурса. Исследователь называет такую власть коммуникативной. «Властные группы в этом отношении – все те, кто имеет особый доступ к публичному дискурсу (политики, журналисты, учителя, чиновники, владельцы масс-медиа корпораций)» [ван Дейк, 2013: 32].

Идеи Т. ван Дейка получают своё развитие в работах других учёных. Так, В. Е. Чернявская определяет коммуникативную власть как «возможность широкого социального управления и манипулирования, при котором особым образом «канализируются» теории, идеи, оценки, взгляды, суждения, посткоммуникативные действия различных субъектов/коллективов» [Чернявская, 2006: 133]. Данное определение справедливо по той причине, что политический дискурс имеет выраженный характер борьбы за власть (А. Н. Баранов, Е. Р. Левенкова, Л. В. Минаева, Е. И. Шейгал). Поскольку в современном мире власть, в основном, осуществляется через вербальные каналы (такие как СМИ, публичные выступления, агитация и пр.) путём влияния на сознание реципиента, можно говорить о коммуникативной власти, как о власти дискурса.

Коммуникативная власть может служить средством поддержания порядка в обществе и решения социальных проблем. С другой стороны, она имеет целью политическое просвещение граждан о ситуации в стране и за её пределами.

Важной является идея о том, что манипуляция и доминирование осуществляются только теми социальными группами, которые имеют доступ к общественным формам дискурса, т.е., обладающими дискурсивной властью, поскольку в политике именно статус говорящего определяет его экспертность и «весомость» его слова.

Кроме того, социальные реалии таковы, что доступ к общественному дискурсу ограничен. Конечно, ситуация меняется с развитием интернета, поскольку социальные сети позволяют транслировать мнение обычных граждан, не имеющих доступа к политическим ресурсам, посредством блогов и социальных сетей. Однако подобная ситуация характеризуется ростом объёма политической информации, что может негативно сказываться на качестве восприятия информации людьми, поскольку «большой объём ежедневно получаемой индивидом информации затрудняет её анализ, что приводит к восприятию как истинной той картины действительности, которая предоставляется СМИ» [Гаврилов, 2011: 154]. Таким образом, слово, сказанное в СМИ, приобретает характер истинности и воспринимается гражданами как соответствующее действительности, а значит, формирует действительность.

Эта идея берёт своё начало в agenda-setting theory (теория установления повестки дня), которая была предложена американскими исследователями М. Маккомбсом и Д. Шоу в работе “The Agenda-Setting Function of Mass Media”. Согласно данной теории, средства массовой информации оказывают значительное влияние на общественность посредством отбора тех событий, которые они освещают, задавая приоритетность этим событиям, в зависимости от частоты упоминания [McCombs, Shaw, 1972]. По мнению исследователей, СМИ представляют информацию таким образом, что аудитория воспринимает некоторые события как более важные, чем другие. Таким образом происходит социальное конструирование реальности. Идеи М. МакКомбса и Д. Шоу получают развитие в

работах зарубежных и российских исследователей. В частности, на основании теории установления повестки дня была разработана политическая технология, суть которой заключается во влиянии на политические действия граждан через информацию, транслируемую в СМИ, поскольку «вынося свои суждения, люди обычно исходят не из всестороннего анализа сложившегося положения вещей (как предполагается в теории рационального выбора), а из интуиции и при этом опираются на наиболее доступную им информацию» [Дьякова, 2003: 117], а значит, то, какую информацию человек потребляет из СМИ, определяет его политические действия.

Однако следует сделать оговорку, что не все исследователи поддерживают идеи М. МакКомбса и Д. Шоу относительно того, что СМИ формирует единую повестку дня для всех потребителей контента. По мнению ряда исследователей для каждого представителя аудитории конструируется собственная повестка дня, которая создаётся посредством «комбинации алгоритмических технологий социальных сетей, микротаргетинга рекламодателя и собственных предпочтений медиапотребителя» [Kampes, Brentel, 2020; Варганова, 2022; Дунас, Салихова и др., 2022]. В. Н. Колесников утверждает, что «сама природа сетевой информации исключает формирование единой повестки дня, поскольку она формируется и управляется каждым субъектом сетевого контента самостоятельно» [Колесников, 2017: 12-13].

В зарубежной лингвистической литературе процесс установки повестки дня традиционно рассматривается в контексте процесса акцентирования определенных аспектов реальности с целью организации восприятия и интерпретации сообщений, который получил название фрейминг [Entman, 2010]. Одна из основных задач СМИ, для которой используется процесс фрейминга – «связать представителя аудитории с идеологией, предложив пространство для коммуникации, участники которой разделяют общие ценности» [Дунас, Салихова и др., 2022: 49]. Как отмечают исследователи, это возможно благодаря использованию определённых лексических единиц и их сочетаний, позволяющих «актуализировать тот или иной фрейм» [там же]. Кроме того, в современных медиа и социальных

сетях существуют системы модерации и цензуры, которые служат цели фильтрации идей и мнений в соответствии с актуальной политической повесткой.

Вопросы языковой манипуляции в политическом дискурсе и на сегодняшний день остаются объектом пристального внимания учёных. В частности, средства создания языковой манипуляции, характерные для американского политического дискурса рассматриваются в работах О. Н. Торговановой и А. Е. Шибановой [Торгованова, Шибанова, 2016], И. А. Дьяченко, Т. А. Королёвой и О. П. Петрухина [Дьяченко, Королёв, Петрухина, 2020]. Подобный интерес обусловлен особой ролью языка в политической коммуникации как инструмента скрытого воздействия на сознание реципиентов, позволяющего формировать необходимые политическому субъекту представления о действительности, навязывать определённые модели поведения и ценностные ориентиры без открытой аргументации.

1.3. Тактико-стратегический подход к изучению политического дискурса

В исследовании политического дискурса тактико-стратегический подход занимает одно из центральных мест, что обусловлено спецификой языка политики, и, в первую очередь, манипулятивным характером политической коммуникации (D. Levy, Л. А. Бутахина, А. В. Филлипова, Н. Б. Зазаева, А. П. Чудинов, К. В. Кучеренко и др.). Поскольку ключевая цель политической коммуникации — оказание воздействия на массовую аудиторию, то применяемые для этого языковые средства целенаправленно отбираются и планируются политиком или его командой спичрайтеров, воплощаясь в системе конкретных коммуникативных стратегий и тактик. Этот отбор происходит с учётом прагматических задач — формирования определённого общественного мнения или достижения запланированного эффекта, стоящих перед политиком, партией или государством (Т. Ван Дейк, А. В. Олянич и др.).

На современном этапе развития науки представлено значительное количество дефиниций терминов «тактика» и «стратегия». Однако исследователи, анализирующие политическую коммуникацию в рамках тактико-стратегического подхода, демонстрируют принципиальное единство в понимании содержательного наполнения данных базовых категорий. Большинство исследователей определяют стратегию как «общий мотив действия», «глобальную цель», «сверхзадачу» [Верещагин 1992], некую организацию последовательности речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей говорящего [Д. Леви, 1979, Т. ван Дейк, 1989; М.Л. Макаров, 2003; Е. В. Ключев, 2002; О. Л. Михалёва, 2009; Г. А. Копнина, 2018; Е. В. Бочаров, 2024 и др]. Сама по себе политическая коммуникация является стратегическим процессом, так как существует необходимость выработки «оптимальных решений для системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные (последующие) действия» [ван Дейк, 1989: 274]. В этом отношении коммуникативная стратегия является «частью коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели» [Кашкин, 2000: 39].

Тактика, по мнению большинства исследователей, представляет собой совокупность конкретных речевых действий, подчинённых достижению коммуникативной цели говорящего. Согласно Т. А. ван Дейку тактика представляет собой речевой прием, позволяющий достичь поставленных целей в конкретной ситуации. [Дейк 1989: 270]. Ж. В. Зигманн определяет тактику как конкретный путь к решению сверхзадачи (т. е., реализации стратегии), который изменяется в процессе речевого взаимодействия [Зигманн 2003: 100]. Стратегия может быть реализована несколькими тактиками, однако она не представляет собой просто сумму тактик [Аникин, 2006], тактики не предшествуют стратегии, [Иванова, 2003: 8], а являются средством её реализации.

Ряд исследователей, поднимая вопрос о соотношении тактик и стратегий, опираются на идеи коммуникативного подхода, предложенные такими исследователями, как Т. ван Дейк и О. С. Иссерс. В работах данного направления выделяется понятие коммуникативного хода (Е. В. Клюев, В. Б. Кашкин, М. Л. Макаров, В. Е. Чернявская и др.). Коммуникативный ход понимается как структурно-функциональная единица коммуникативной тактики, и именно совокупность коммуникативных ходов составляет реализацию тактики в речи. Коммуникативный ход имеет реляционный характер [ван Дейк, 1987], то есть, определяется предшествующим и последующим речевым действием, тем самым, обеспечивая когерентность коммуникативного процесса и последовательность в достижении говорящим коммуникативной цели.

Отношение между понятиями стратегия, тактика и коммуникативный ход можно представить в виде трёхуровневого единства, где стратегия является наиболее общим уровнем, относящимся к достижению коммуникативной цели. При этом способы достижения цели могут различаться, что отражается в наборе тактик, используемых говорящим. Реализация каждой тактики достигается через разнообразные коммуникативные ходы. При этом большинство исследователей, работая в рамках когнитивного подхода, концентрируются на исследованиях коммуникативных ходов, не уделяя достаточного внимания собственно языковым средствам реализации стратегий и тактик.

В нашем исследовании мы придерживаемся подхода, предложенного О.С. Иссерс, в рамках которого выделяются определённые маркеры коммуникативных стратегий: семантические (клише; фреймы и сценарии; референции, а также имплицитные компоненты высказывания такие как пресуппозиции и установки), лексические (включающие в себя эксплицитное использование перформативов, стилистическая маркированность используемой лексики и экспрессивность), различные синтаксические показатели (включающие фразеологические схемы, модели аффективного синтаксиса и транспозицию синтаксических структур) и прагматические показатели (реализующиеся через

ответы оппонентов или посредством определённых коммуникативных ходов, а также в контексте речевой ситуации) [Иссерс, 2008: 130-138].

При таком подходе набор возможных языковых средств ограничивается существующими в языке средствами, обусловленными грамматическим строем, лексическим составом и фонетической организацией речи, и отличие одной тактики от другой может заключаться в использовании сочетаний различных приёмов из общего числа существующих. Мы предполагаем, что, частота использования различных приёмов зависит от контекста общения и индивидуальных дискурсивных особенностей коммуникантов. Анализ тактико-стратегической организации речи требует обязательного учёта конкретных условий коммуникации и личностных характеристик её участников, поскольку идентичное сообщение может получать различную интерпретацию в зависимости от контекста ситуации, а также социальных (статус, роль, должность) и индивидуальных (пол, возраст, происхождение, психологические особенности) атрибутов коммуникантов. Важно также и то, как коммуниканты воспринимают партнёра по общению [Веретенкина, 2001: 177], поскольку от этого будет зависеть выбор средств реализации стратегии и то, насколько успешным окажется воздействие, оказываемое говорящим.

Продуктивность тактико-стратегического подхода в описании политического дискурса подтверждена целым рядом исследований различных национальных вариантов англоязычного политического дискурса—британского [И. Р. Ахмадеев, 2023], американского [А.Ю. Хлопотунов, 2022], ирландского [R. Alonso, 2016], австралийского [C. Creegan, 2015] и шотландского [K. Wright, 2024], а также сопоставлению тактик и стратегий в различных национальных дискурсах [Е. Р. Левенкова, 2011].

Объектом многих исследований является прагматический аспект тактико-стратегической организации политического дискурса в целом (М. J. Burton, Е. И. Шейгал, Ю. М. Иванова, О. В. Гайкова) и американского политического дискурса в частности (Д. Р. Акопова, А. А. Конашенко, Д. С. Гальчук, Т. Ю. Колосова и А. А. Маренич и др.). Работы данного направления фокусируются

на раскрытии способов и механизмов воздействия на мнение реципиента путём использования определённых тактик и стратегий.

Большое число исследований посвящено изучению отдельных тактик и стратегий. М. Хусам АР анализирует стратегию убеждения в политическом дискурсе на материале выступлений британских, российских и арабских политиков [Хусам АР, 2018], Я. Ю. Хлопотунов и Д. С. Храмченко анализируют конфронтационные стратегии американского политического дискурса [Хлопотунов, Храмченко, 2020]. А. Н. Морозова исследует интеграционную стратегию в американском политическом дискурсе, в частности, синонимическую конденсацию как наиболее явный маркер описываемой стратегии на метасемиотическом уровне [Морозова, 2020].

Ряд работ фокусируется на тактико-стратегическом составе различных жанров политического дискурса: Н. В. Степанова изучает стратегии и тактики в современном англоязычном и франкоязычном политическом интервью [Степанова, 2019]. О. В. Братанич [Братанич, 2016] и Л. С. Чикелева, А. Г. Сергеева [Чикелева, Сергеева, 2020] дают описание тактико-стратегического плана в жанре англоязычных парламентских дебатов.

Некоторые исследователи проводят сопоставительный анализ тактик и стратегий в различных языках. Х. А. Муслех проводит анализ стратегий убеждения в русскоязычном, англоязычном и арабоязычном политическом дискурсе [Муслех, 2018]. Н. С. Рядовая рассматривает аргументативные тактики и стратегии в описании кризисных ситуаций в русскоязычном и англоязычном дискурсах [Рядовая, 2018].

Среди работ, посвящённых исследованию тактик и стратегий в индивидуальном дискурсе американских и британских политиков, можно отметить работы Д. А. Скулимовской и В. В. Гурина. На материале выступлений Барака Обамы Д. А. Скулимовская [Скулимовская, 2017] выделяет такие стратегии, как стратегия позиционирования (направленная на формирование положительного имиджа), стратегия дискредитации (нацеленная на снижение репутации оппонентов) и стратегия театрализации (акцентирующая демократические

ценности). В. В. Гурин [Гурин, 2017] исследует идиодискурс Дэвида Кэмерона, фокусируясь на наиболее частотных стратегиях, включая самопрезентацию и борьбу за власть, а также анализирует тактики их реализации.

В рамках изучения функциональной эффективности американского политического дискурса российские исследователи, в частности М. А. Семкин, на материале предвыборных дебатов американских политиков исследуют персуазивный потенциал коммуникативных тактик и стратегий. Анализ языковых средств позволил исследователю сделать вывод о том, что продуманное применение стратегий и тактик сыграло ключевую роль в победе Барака Обамы на президентских выборах [Семкин, 2021].

В зарубежной лингвистике популярно рассмотрение используемых политиками тактик и стратегий в рамках критического дискурс-анализа [Gadalla, 2012; Alweldi, 2024; Qaiwer, 2021; Awawdeh, 2021].

В настоящем исследовании тактико-стратегический подход используется как инструмент раскрытия целевой установки говорящего, определяющей идейно-этическое содержание текста – мы анализируем, какие языковые средства отражают целевые установки высказывания и как скрытый смысл реализуется в речи. Подобная задача не ставилась в предшествующей лингвистической литературе. Проведённый обзор исследований показал, что работы на материале публичных выступлений Барака Обамы и Дональда Трампа сосредоточены в основном на другом: на связи стратегий с имиджем политика [Чернобровкина, 2013; Гальчук, 2021], на языковых средствах тактик и стратегий в отдельных жанрах — например, в прощальном обращении [Каган, 2022] или инаугурационной речи [Двойнина, 2017] — либо на выделении базовых тактик и стратегий без учёта их языкового воплощения [Прокопенко, 2015].

В то же время при детальном анализе работ предшественников обнаруживается определённая непоследовательность в отношении определения понятий «тактика», «стратегия», «приём реализации». Это связано с тем фактом, что метаязык лингвистики отличается открытостью терминологических систем, «которая подразумевает ее постоянное пополнение новыми метаязыковыми

единицами» [Жучкова, 2016: 19], а также трудностью определения единых критериев, на основании которых осуществляется выделение коммуникативных тактик и стратегий.

Метаязык т.е., язык, на котором говорят о языке-объекте, должен представлять собой универсальную упорядоченную систему, средствами которой представляется возможным описать языковые явления во всём их разнообразии, «объективизируя» их и отражая их структуру [Кобозева, 2000: 266]. В отношении исследований тактико-стратегической организации речи выполнение этого требования является скорее исключением, чем правилом. Данная ситуация, по всей видимости, в значительной степени объясняется относительной новизной политической лингвистики как научного направления, в рамках которого единая система терминов ещё не успела окончательно сложиться. Как следствие, в её метаязыке зачастую фиксируются единицы, фактически дублирующие по значению уже устоявшиеся и общепринятые в научном сообществе понятия. Однако несомненным является тот факт, что обеспечение последовательности и системности в использовании «мета-знаков» описания стратегий и тактик является необходимым условием для результативности исследования данной функционально-стилевой разновидности речи. Ниже мы охарактеризуем наиболее значимые несоответствия и случаи несистемности в метаязыке исследований коммуникативных тактик и стратегий.

В первую очередь, непоследовательность в теории тактико-стратегического подхода касается существенных различий в признаках, на основании которых авторами выделяются стратегии, тактики и языковые средства их реализации. Отметим, прежде всего, что в ряде исследований обнаруживается противоречие в соотношении понятий «тактика» и «стратегия». Например, согласно классификации О. Л. Михалёвой, стратегия на повышение может быть реализована посредством тактики саморепрезентации [Михалёва, 2009], в то время как О. Н. Паршина считает, что саморепрезентация может носить как тактический, так и стратегический характер [Паршина, 2005: 8]. Другой пример подобного несоответствия можно наблюдать относительно интенции побуждения, которую

Е. Р. Левенкова выделяет как стратегию [Левенкова, 2011: 44], в то время как О. Л. Михалёва рассматривает как тактику, реализуемую в рамках театральной стратегии [Михалёва, 2009: 61].

Кроме того, в научной литературе наблюдается терминологическая вариативность при описании одних и тех же явлений: в отдельных исследованиях определённый объект может интерпретироваться и как коммуникативная тактика, и как языковое средство. В качестве примера можно привести слова-лозунги, которые в работе М. Р. Желтухиной анализируются в рамках «тактики ключевых или лозунговых слов» [Желтухина, 2003: 182], тогда как Т. М. Бережная рассматривает их в качестве языковых средств, составляющих основу приёма «блистательной неопределённости» [Бережная, 1986: 147], который помогает оратору сделать акцент на существующих в обществе политических реалиях.

Таже наблюдается отсутствие единого подхода как к количеству, так и к составу выделяемых коммуникативных стратегий и тактик. Например, Б. ван Рулер в рамках стратегического анализа коммуникации ограничивается четырьмя основными стратегиями: информирования, согласия, диалога и убеждения [Ruler, 2004: 123-143]. В свою очередь, О. Л. Михалёва выделяет три стратегии: «игры на понижение», «игры на повышение» и театральную, где первые две определяются интенцией говорящего (дискредитировать оппонента или возвысить себя), а третья — ориентацией на аудиторию [Михалёва, 2009]. Между тем, классификация О. Н. Паршиной насчитывает уже семь стратегий, причём только аргументативная стратегия представлена двумя разновидностями — собственно аргументативной (с тактиками конструктивного анализа, видения перспективы и др.) и агитационной (реализуемой через тактики обещания и призыва) [Паршина, 2005: 12-13]. Как видно из примеров, непоследовательность обусловлена отсутствием единых критериев для выделения стратегий.

Некоторые современные исследователи (Г. А. Копнина, С. Г. Кара-Мурза, И. В. Диманте) выделяют речевые стратегии, основываясь на видах речевого воздействия: например, речевую стратегию с опорой на образы; стратегию с опорой на знаковые системы; речевую стратегию с опорой на роли; речевую стратегию с

опорой на метод эксплуатации личности адресата; обращение к жизненным или духовным ценностям [Диманте, 2015: 11-13]. Иными словами, стратегии выделяются на основании того, к каким фактам реальности апеллирует говорящий для достижения своей цели.

О. С. Иссерс разграничивает основные (значимые с точки зрения иерархии мотивов и целей на данном этапе коммуникации, связанные с воздействием на адресата, на его ценностную систему и поведение) и вспомогательные стратегии (способствующие эффективной организации взаимодействия между говорящим и адресатом) [Иссерс, 2008: 54]. В данной классификации на передний план выходит функция стратегии в процессе коммуникации.

В лингвистической литературе уже предпринимались попытки найти причины подобной несистемности метаязыка. С. Г. Агапова и Л. В. Гущина (2017) связывают отсутствие единого мнения в отношении классификаций манипулятивных тактик и стратегий с отсутствием универсальной теории манипуляции. [Агапова, Гущина, 2017: 28]. О. В. Иссерс относит к числу причин, затрудняющих создание типологии стратегий, сходство номинацией речевых тактик и речевых актов, наличие речевых действий, которые трудно подвести под какой-то определенный тип речевого акта или речевого жанра. Исследователь предлагает разграничивать общие и частные стратегии: к частным стратегиям относятся те способы речевого поведения, которые в описании политической коммуникации, как правило, трактуются как тактики (обвинение, оскорбление, насмешка). В то же время просьба и угроза определяются в этой работе как речевые тактики [Иссерс, 2008: 113].

Идентификация и выделение коммуникативных стратегий и тактик осуществляются на основе анализа интенций говорящего и характера планируемого воздействия на аудиторию. Данный тезис может быть проиллюстрирован на примере агональной стратегии, носящей конфликтный характер и целенаправленно ориентированной на дискредитацию оппонента. Агональная стратегия отражает интенцию «борьбы идей, которые защищают соперничающие стороны, причём борьбы азартной, страстной» [Михальская 2000:

68]. Некоторые исследователи рассматривают агональность как базовую характеристику, свойственную природе политического дискурса в целом [Шейгал, 2004: 229], [Михалёва, 2009: 41]. Как дискурсивная универсалия, агональность связана с основополагающей интенцией политического дискурса – борьбой за власть, и имеет своей целью получение превосходства над оппонентом [Шейгал, Дешевова, 2009: 145-147] путём создания негативных ассоциаций, либо выдвижения на передний план отрицательных с точки зрения общества характеристик.

По мнению О. Н. Паршиной, агональность как свойство коммуникации находит выражение в нескольких стратегиях, включая дискредитацию и нападение, манипуляцию и самозащиту [Паршина, 2005: 63]. Так, стратегии дискредитации и нападения реализуются через тактики обвинения и оскорбления; манипулятивная стратегия — через демагогические приёмы и манипулятивные тактики; а в рамках стратегии самозащиты автор выделяет тактики оправдания, оспаривания и критики [Паршина, 2005: 73]. Е. Р. Левенкова выделяет тактики обвинения, оскорбления, критики и дискредитации как реализующие агональную стратегию [Левенкова, 2011: 264]. Как видно из приведённых выше фактов, взгляды исследователей на агональность в политическом дискурсе различаются. С другой стороны, Е. Р. Левенкова рассматривает тактики обвинения, оскорбления, критики и дискредитации как составляющие единой агональной стратегии [Левенкова, 2011: 264]. Таким образом, подходы исследователей к описанию агональности в политическом дискурсе демонстрируют существенные различия. Данная терминологическая непоследовательность объясняется тем, что в научной литературе понятие агональности интерпретируется двояко: и как общий характер коммуникации, воплощаемый через различные стратегии и тактики, и как конкретная стратегия с определённой коммуникативной целью. Однако, на наш взгляд, целесообразно говорить именно об агональной стратегии, поскольку использование вербальной политической агрессии в целях обвинения, унижения или критики политического оппонента представляет лишь один из множества способ реализации коммуникативной цели говорящего. Иными словами, несмотря

на то, что в политическом дискурсе всегда присутствует некоторая агрессия, связанная со стремлением политика сформировать отрицательное отношение аудитории к оппонентам политического актора, либо явлениям общественной жизни, которые политик считает неприемлемыми, не всегда эта агрессия выражается вербально.

Примером системного описания стратегий и тактик политического дискурса может быть классификация, которую предлагает Е. Р. Левенкова в работе «Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ» [Левенкова, 2011]. Исследователь выделяет пять стратегий:

- Информационную, которая «базируется на фактологической аргументации» и выполняет одну из «наиболее значимых функций национального политического дискурса – информирование масс о положении дел в обществе» [Левенкова, 2011: 207-208]. Информационная стратегия реализуется посредством тактик авторитетного источника, автоцитации, а также документирующей тактики.
- Интерпретационно-ориентационную (тактики предостережения, проективная, дидактическая и идентифицирующая), выполняющую функцию «переосмысления, переакцентуации смысла и его экстраполяции» [Левенкова, 2011: 218].
- Агональную (тактики дистанцирования, обвинения, критики и угроз), которая «отражает интенцию борьбы за власть [Левенкова, 2011: 225].
- Интеграционную (выражаемая с помощью фатической, инспиративной тактик и тактики сплочения), связанную с интенцией сплочения и воодушевления приверженцев общей идеи [Левенкова: 2011: 233].
- Побудительную стратегию (тактики призыва и предписания), направленную на манипуляцию общественным сознанием и связанную с «стимулированием действий электората» [Левенкова, 2011: 254]. Побудительная стратегия в высказываниях, адресованных обычным гражданам, транслирует призыв к совершению политических действий,

например голосование на выборах, поддержку реформ, и др., а в высказываниях, адресованных политическим деятелям – призыв к использованию власти и полномочий, некоторым образом, выгодным говорящему.

Именно эта классификация была взята за основу в настоящем исследовании. В отличие от многих других подходов, акцентирующих внимание на абстрактных моделях построения стратегий, предложенная ею типология фокусируется на целевой установке говорящего, что позволяет более чётко связать коммуникативные намерения с их языковой реализацией. Такой подход оказывается созвучным теории речевых актов, которая также центрирована на интенциональности и прагматической цели высказывания, что будет подробно рассмотрено в следующем разделе.

1.4. Теория речевых актов и ее значимость

для исследования политической коммуникации

Как уже было сказано выше, тактики и стратегии коммуникации представляют собой способы речевых действий, направленные на достижение определённой цели говорящего, и, в этом смысле, естественно предположить связь данного подхода с теорией речевых актов (ТРА), которая направлена на описание языка как деятельности. В рамках нашего исследования мы рассматриваем речевой акт как минимальную единицу коммуникативного хода, поскольку выбор конкретного типа РА (директив, комиссив, декларатив или репрезентатив) становится осознанным тактическим решением в реализации стратегических целей политика.

В соответствии с методологией теории речевых актов, речь рассматривается как процесс социального действия, развивающийся во времени, и как нечто, создаваемое человеком в конкретных условиях общения.

ТРА была предложена Дж. Л. Остином в работе “How to do things with words” [Остин, 1962]. Исследователь считал, любое высказывание имеет деятельностную природу: «Сказать что-либо и есть сделать что-либо или, говоря что-либо, мы тем самым делаем это, и даже посредством самого говорения мы делаем что-либо» [Остин, 1986: 84]. Методологической основой данного подхода послужили идеи Л. Витгенштейна, который рассматривал язык как деятельность и как особую форму общественного существования [Витгенштейн, 1985], поскольку слова приобретают смысл только в процессе их использования в процессе коммуникации.

Теория речевых актов представляет собой «логико-философское по исходным интересам» учение [Кобозева, 1986: 12], которое описывает язык в рамках прагматического подхода, когда любое высказывание рассматривается как «способ осуществления целенаправленных действий с помощью языковых средств в процессе речепроизводства» [Беляева, 1992: 5].

Понятие речевого акта трактуется как «выбор одной из многочисленных альтернатив, образующих семантический потенциал языка» [Halliday, 1970: 142]. Речевой акт считается сложным явлением, в котором «когнитивные функции сочетаются с межличностными в рамках соотнесённости с конкретной речевой ситуацией» [Юдина, 2001: 24], а сам речевой акт может быть «состоявшимся или несостоявшимся» [там же] с точки зрения целеполагания.

Основными компонентами любого речевого акта являются адресант, адресат, высказывание, цель высказывания, внутренняя организация речевого акта, контекст и ситуация общения [Остин, Дж., 1986, Дж. Серль, 1986]. Кроме того, необходим учёт ряда условий, к числу которых относят существование договорённостей об условиях коммуникации, наличие соответствия между коммуникативной ситуацией и участниками коммуникации, соблюдение участниками коммуникации принятых правил общения, наличие у участников коммуникации намерения и целей, которых они желают достичь посредством коммуникации [Остин, 1986]. Таким образом, в рамках теории речевых актов важными аспектами коммуникации становятся участники общения, ситуация, которой происходит коммуникация, а также намерения и цели говорящего.

Дж. Остин считал речевой акт трёхсоставным образованием, выделяя в структуре три «пласта»: локуцию, иллокуцию, перлокуцию. Под локуцией исследователь понимал значение высказывания в его фонетическом (звучащем), фактическом (грамматический аспект соединения лексем) и ретическом (смысловое наполнение речи) аспектах. Иллокутивный аспект включает в себя коммуникативную цель, условия успешности коммуникации, социальный статус говорящего, интенсивность иллокутивной силы, условия искренности говорящего, а также средства достижения коммуникативных намерений. Перлокуция представляет собой аспект, ориентированный на слушающего, содержащий в себе информацию о воздействии, оказываемом на говорящего [Остин, 1986]. Именно иллокутивный и перлокутивный аспекты речевого акта представляют для нас наибольший интерес, поскольку содержат в себе информацию о целевых установках и позволяют проследить, какими средствами данные установки достигается эффект политической речи.

Развивая идеи Дж. Остина, французский исследователь Дж. Серль вводит понятие интенциональности, разграничивая то, что говорится и то, что при этом говорящий имеет в виду. По Серлю, основное различие между иллокутивными речевыми актами кроется в интенции говорящего [Серль, 1986: 225]. Например, высказывание «Отдай мне этот предмет» может одновременно выражать просьбу, приказ и угрозу, в зависимости от того, какой смысл вкладывает в него говорящий, а также в зависимости от того, в какой ситуации происходит коммуникация и какие взаимоотношения существуют между говорящими.

В зависимости от иллокутивной цели, Дж. Серль предлагает собственную таксономию речевых актов, состоящую из пяти основных типов: репрезентативы, директивы, комиссивы, декларативы и экспрессивы [Searl: 1975]. В группу репрезентативов учёный относит различные утверждения, сообщающие о реальном положении дел и имеющие ориентацию «слова-реальность». Репрезентативы выражают веру говорящего в истинность утверждения и направлены на говорящего. Директивные речевые акты включают в себя побуждения, которые выражают желание говорящего и направлены на адресата

(побуждение к действию). Директивы имеют ориентацию «слова-мир». К группе комиссивных речевых актов Дж. Серль относит высказывания, выражающие обещания говорящего взять на себя обязательства по выполнению определённых действий. Комиссивы направлены на говорящего, так как выражают психологическое состояние принятия обязательств, и имеют ориентацию «слова-мир». К декларативным речевым актам относятся различные институциональные действия, такие как вынесение приговоров, назначения на должность и т.д. Декларативы направлены на говорящего и имеют двустороннюю ориентацию «слова-мир» и «мир-слова», поскольку говорящий берёт на себя ответственность за последствие осуществляемого речевого действия. Последний, пятый тип речевых актов – экспрессивы, выражает то, какие эмоции испытывает говорящий относительно ситуации. У экспрессивов отсутствует ориентация, однако речевые акты данной группы направлены на говорящего, поскольку отражают его чувства и эмоции [Серль, 1986: 170-194].

В дальнейшем таксономия речевых актов подверглась уточнению и расширению. Были выделены такие типы как сатисфактивы (извинения, благодарности, ответы, обоснования, оправдания), ретрактивы (взятие назад обещания, корректировка утверждения, разрешения), вокативы (оклики, призывы, обращения) [Wunderlich, 1980], констативы и речевые акты признания [Bach, 1979: 56-94], промиссивы (предложения-обещания), менасивы (предложения-угрозы), перформативы (поздравления, благодарности, извинения, гарантии, назначения), директивы двух видов: инъюнктивы (предложения-приказы) и реквестивы (предложения-просьбы), квеситивы (вопросительные предложения). [Почепцов, 1981]. При этом, в типологии Г. Г. Почепцова речевые акты называются прагматическими типами предложения, опираясь, в первую очередь, на анализ коммуникативно-функционального назначения предложений.

Б. Фрейзер предлагает классификацию, в основе которой лежит характер коммуникативной интенции говорящего. Для описания характера интенции исследователь предлагает следующие параметры: назначение речевого акта, отношение между его интенцией и содержанием, отношение между статусами

адресата и адресанта, отношение участников коммуникации к пропозициональному содержанию высказывания и успешность реализации коммуникативного намерения. Исходя из описанных критериев, Б. Фрейзер выделяет речевые акты утверждения, оценки, отражения отношения говорящего, обуславливания, просьбы и власти [Fraser, 1975: 192].

Классификация Дж. Н. Лича основана на риторических принципах кооперации, вежливости и иронии. Исследователь классифицирует иллокутивные функции речевых актов с ориентацией на принцип вежливости, выделяя следующие типы речевых актов: конкурирующий, в котором иллокутивная цель конкурирует с социальной целью (распоряжение, просьба, приказ, мольба), компанейский, в котором иллокутивная цель совпадает с социальной (предложение, приглашение, приветствие, выражение благодарности, поздравление), коллаборативный, направленный на сотрудничество (утверждение, отчёт, объявление, инструктаж) и конфликтный, когда иллокутивная цель конфликтует с социальной целью (угроза, обвинение, проклятие, выговор) [Leech, 1983].

ТРА широко применяется как инструмент исследования в рамках когнитивной теории прагматики, направленной на выявление «характера связей между различными когнитивными (концептуальными) системами и условиями успешности речевых актов в конкретных ситуациях» [ван Дейк, 1989: 12-14], в дискурсивных исследованиях коммуникации. Объектом исследования является высказывание, рассматриваемое в его семантическом, функциональном, структурном и паралингвистическом аспектах.

Речевой акт следует отличать от произведения речи. Если речь – это процесс, то речевое произведение представляет собой нечто уже созданное и то, что может быть рассмотрено в отвлечении от процесса развития речи. Разные акты речи могут быть реализацией одного и того же произведения речи.

Вопрос разграничения понятий речевого акта и речевого произведения связан с проблемой установления формальных границ речевого акта. Исследователи, в основном, фокусируются на анализе отдельного предложения или его смысловой

части, однако, как отмечал А. И. Смирницкий, «при выделении составных частей из такого акта речи, который является лишь одним предложением, мы обычно уже не получим настолько законченных и ясных по своей целевой направленности отрезков речи, чтобы их можно было признать отдельными актами речи» [Смирницкий, 1956: 8]. В этом отношении, для определения границ речевого акта необходимо учитывать такие параметры, как тематическое единство, синтаксическую связанность предложений, коммуникативную цель говорящего и средства, используемые при вербализации данной цели.

В этом отношении принципиально важным представляется вопрос о составе языковых уровней, вовлекаемых в анализ речевых актов. Как демонстрирует обзор существующих классификаций, традиционная теория речевых актов Остина и Серля фокусируется преимущественно на лексическом уровне, используя глагольные лексемы в качестве ключевого критерия типологизации. Однако для нашего исследования, анализирующего комплексные коммуникативные стратегии политиков, такой подход требует существенного расширения. Полноценный анализ речевого акта должен учитывать лексико-грамматические средства, синтаксические паттерны и стилистические маркеры (эмотивная лексика, риторические фигуры). Такой подход позволяет нам не просто классифицировать отдельные речевые акты в дискурсе Обамы и Трампа, но и выявить системные различия в их коммуникативных стратегиях.

Следует сказать, что ТРА уже показала свою состоятельность в качестве инструмента изучения политической коммуникации. Целесообразность применения данного подхода обусловлена, прежде всего, тем фактом, что в политическом дискурсе любое заявление политического деятеля приобретает значение поступка, совершаемого не только от лица политика, но и от лица политической организации или государства. Основная цель участников политической коммуникации – это оказать воздействие на реципиента, изменить его эмоциональное состояние и отношение к тем или иным событиям с целью завоевания, удержания или реализации власти. Как пишет Т. В. Юдина в своей работе «Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи»,

ситуация выбора тех или иных языковых средств достижения коммуникативной цели и следование определённым языковым паттернам «формирует политические речевые стили, аргументативные модели и модель оратора» [Юдина, 2001: 24]. По этой причине рассмотрение политической речи в аспекте теории речевых актов способствует более успешному выявлению смысла речевого сообщения политика и понимания глубинных мотивов, лежащих в основе высказывания. Раскрытие процессов речевого взаимодействия предполагает, прежде всего, обращение к иллокутивному уровню (намерение говорящего, зависимость намерения от экстралингвистических факторов).

Однако не все учёные разделяют идею о том, что теория речевых актов является подходящим инструментом для описания политической коммуникации. Л. В. Минаева в работе «Речевая коммуникация в политике», говоря о важности исследования прагматического аспекта политической речи, отмечает, что данный подход является спорным, поскольку идея рассмотрения речевого акта как индивидуального действия противоречит тезису о том, что «в своей речевой деятельности люди ограничены социальными условностями», и, следовательно, теория речевых актов «переоценивает степень манипуляции языком для достижения стратегических целей» [Минаева, 2007: 39].

На наш взгляд рассмотрение политической речи через призму теории речевых актов целесообразно в том случае, если данная теория используется как вспомогательный инструмент для раскрытия целевой установки говорящего, отражающей намерение спикера и, таким образом, раскрывающей характер оказываемой манипуляции.

Похожий подход уже использовался в исследованиях, посвящённых описанию прагматического аспекта отдельных типов речевых актов. Фокус внимания учёных сосредоточен на описании таких типов как речевой акт опровержения [Рябцева, 2009], репрезентативный речевой акт [Нефёдова, Любавина, 2009], менансивный речевой акт [Эпштейн, 2010], речевой акт обещания [Стексова, 2011], возмущения [Соловьева, 2013], комиссивный речевой акт [V.L. Nguyen, T.T. Thanh, 2022]. Однако несмотря на тот факт, что различные учёные

продолжают обращаться к теории речевых актов как к эффективному инструменту исследования прагматического аспекта политической речи, основное внимание исследователей фокусируется на когнитивном и прагматическом аспектах коммуникации, а вопрос о собственно языковых средствах, за счёт которых реализуется коммуникативное действие, остаётся недостаточно освещённым. Кроме того, в современной науке отсутствуют системные сравнительные исследования, посвящённые языковым особенностям различных типов речевых актов в рамках политического дискурса. В нашем исследовании предпринята попытка описать основные особенности речевых актов в речи американских политиков Барака Обамы и Дональда Трампа и выявить системные инвариантные и вариативные особенности речи президентов. В основу исследования положена классификация Дж. Серля, поскольку, на наш взгляд, она представляет собой системное описание речевых актов с позиции целевой установки высказывания. В результате анализа публичных речей американских политиков мы исключили из классификации экспрессивные речевые акты, так как специфика официальной политической речи не подразумевает использования экспрессивов, характерных для обиходно-бытового стиля общения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

В настоящее время политическая коммуникация, которая является объектом лингвистического исследования с 20-х гг. XX века, представляет повышенный интерес для учёных разных областей знания. Описывая неоднородную природу политической коммуникации, исследователи выделяют в ее структуре различные уровни, модели и типы. В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет политическая коммуникация, осуществляемая политиками в их публичной деятельности, поскольку именно в ней особенно ярко проявляется манипулятивный потенциал политической речи, обусловленный стремлением политиков произвести определённое впечатление на электорат, легитимизировав таким образом, свою политическую программу.

Именно средства языковой манипуляции и способы раскрытия воздействия на массовое сознание посредством языка являются сейчас основными задачами таких научных направлений, как критический дискурс-анализ, контент-анализ, когнитивистика, риторический анализ. Центральным понятием этих исследований становится политический дискурс, который рассматривается как сложное многомерное явление, объединяющее институциональные, социальные и когнитивные аспекты, и который служит в качестве инструмента конструирования политической реальности и осуществления через язык того, что вслед за Тённом ван Дейком исследователи называют коммуникативной властью. Эта власть определяется возможностью описывать, объяснять, прогнозировать, конструировать текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости, и осуществлять манипуляцию массовым сознанием, которая и определяет такие качества политической речи как идеологическая насыщенность, театральность, оценочность, агрессивность, насыщенность разнообразными средствами реализации воздействующей и фатической функций.

Одним из наиболее продуктивных подходов к раскрытию средств реализации воздействия в политической коммуникации можно считать тактико-стратегический

поход, в рамках которого речь рассматривается как инструмент для достижения коммуникативных целей говорящего. Существующие на сегодняшний день работы в русле исследования тактико-стратегической организации англоязычной политической речи включают изучение тактик и стратегий, характерных для национальных вариантов англоязычного дискурса (R. Alonso, C. Creegan, K. Wright, А.Ю. Хлопотунов,); анализ идиодискурса политиков с выявлением характерных для них средств реализации тактик и стратегий (В. В. Гурин; Д. А. Скулимовская); исследование композиционных, функциональных и языковых особенностей конкретных тактик и стратегий (Е. Р. Левенкова; А. Н. Морозова; Т.А. Сухомлина; Я. Ю. Хлопотунов; М. Хусам АР).

Однако при том значительном месте, которое занимает в современных исследованиях данный аспект политической коммуникации, существуют, на наш взгляд, методологические проблемы, которые ждут своего решения. Во-первых, понимая под стратегией макроинтенцию, определяющую речевое поведение говорящего и его способ достижения коммуникативной цели, а под тактикой набор действий по достижению цели, исследователи существенно расходятся в интерпретации количественного и качественного состава выделяемых стратегий и тактик, а также в самих принципах их разграничения. Во-вторых, недостаточное внимание уделяется изучению вопроса о том, какие языковые средства составляют инструментарий определённых тактик и стратегий и как их прагматический потенциал служит цели оказания воздействия на аудиторию.

В основу изучения тактико-стратегических характеристик публичных выступлений Б. Обамы и Д. Трампа в нашей работе положена классификация, Е. Р. Левенковой, которая описывает политический дискурс в терминах информационной стратегии (тактики авторитетного источника, автоцитации, документации, самопрезентации, констатации фактов и обещания), интерпретационно-ориентационной стратегии (тактики предостережения, проективная, дидактическая, идентифицирующая тактики, тактика самопрезентации), агональной стратегии (тактики дистанцирования, обвинения, критики и угроз), интеграционной стратегии (фатическая и инспиративная тактики,

тактика сплочения) и побудительной стратегии (тактики призыва и предписания, дидактическая тактика).

Поставив задачу установить взаимосвязь между целевыми установками говорящего и выбираемыми им для достижения коммуникативных целей языковыми средствами, мы обратились к теории речевых актов, полагая, что рассмотрение политической речи в аспекте теории речевых актов способствует более успешному выявлению смысла речевого сообщения политика и пониманию глубинных мотивов, лежащих в основе высказывания.

В лингвистике уже предпринимались отдельные попытки исследования прагматического потенциала политической речи с позиции речевых актов (А. Ю. Любавина, Л. А. Нефёдова; И. Г. Рябцева; Е. В. Соловьева; Т. И. Стексова, О. В. Эпштейн; V.L. Nguyen, T.T. Thanh), однако системное описание различных типов речевых актов в англоязычном политическом дискурсе до сих пор не предпринималось. В основу решения данной задачи положена таксономия речевых актов Дж. Серля. Избранные в качестве объекта исследования типа речевых актов – репрезентативы, директивы, комиссивы и декларативы – отражают ключевые интенции говорящего в сфере политической коммуникации: информирование, побуждение, обещание и заявление соответственно.

ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ВЕРИФИКАЦИЯ НА МАТЕРИАЛЕ КЛЮЧЕВЫХ ТЕРМИНОВ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ»

2.1. Понятийная и языковая интерпретация власти как ключевого концепта политического дискурса

Одним из основных направлений в исследовании политического дискурса является рассмотрение концептуального мира политики, при этом лингвисты фокусируют своё внимание на описании языковой картины мира политики и выявления различных средств её вербализации, анализируя не только содержательную сторону отдельных концептов, но также их взаимосвязь и динамическое развитие во времени, а также сопоставляя концептосферу политического дискурса в различных языках. Как отмечает Н. А. Шехтман, анализируя различные подходы к исследованию этой проблематики, концепты, представленные в политическом дискурсе, осмысляются в контексте политической онтологии, идеологии и аксиологии, в аспекте дискурсообразующих единиц, определяющих содержательно-тематическое ядро и жанровую специфику политической коммуникации [Шехтман, 2005: 24]. Анализ концептосферы политического дискурса позволяет структурировать содержательное пространство политической коммуникации и выделить наиболее важные ценностно-идеологические составляющие политической деятельности отдельных субъектов, либо политической жизни страны в целом.

Развивая идеи Э. Рош, Е.В. Рахилиной, Л.О. Чернейко и др., З. Д. Попова и И.А. Стернин предложили полевою модель концепта, которая легла в основу методологии анализа структуры концепта в политической лингвистике (в работах Т. Д. Фоминой, С. А. Дедовой, С. Б. Токаревой, К. А. Кокориной, О. Ю. Бойцовой, Е.О. Шевелевой и др.). Согласно идеям З. Д. Поповой и И. А. Стернина, по аналогии с семантической структурой слова (имеющего архисему как ядерный компонент, дифференциальные семы на ближней периферии и скрытые семы на дальней) концепт тоже имеет структуру поля. При этом в ядре концепта находится

прототипический слой, содержащий чувственно-наглядные первичные образы, а более абстрактные образы и признаки составляют периферию концепта [Попова, Стернин, 20016].

В. В. Колесов представляет концепт в виде трёхчастного единства, составляющего последовательность из образа, понятия и символа, где образ представляет психологическую основу знака, понятие отражает логические функции сознания, а символ – общекультурный компонент словесного знака [Колесов, 2002: 42].

Борьба за власть как основа политической коммуникации определяет тот факт, что центральное место в концептуальной области политической онтологии отводится концепту «власть». Описанию семантической структуры данного концепта посвящено большое количество работ, в которых исследователи ориентируются, в первую очередь, на имя концепта, которое подвергается анализу в плане смысловой структуры слова, парадигматических и синтагматических связей с другими лексическими единицами, контекстуально и социокультурно обусловленных особенностей реализации. В этом отношении нельзя не упомянуть работы Е. И. Шейгал, которая заложила основы методологии исследования концепта «власть» в политическом дискурсе, указав на необходимость обращения к лексикографической интерпретации имени концепта, его синонимическим связям, образным переосмыслениям, ассоциативным реакциям, сочетаемости, паремиологии [Шейгал, 2000, с. 93, 94].

Именно Е. И. Шейгал выдвинула идею о том, что «существительное является выразителем подавляющего большинства политических концептов» [Шейгал, 2000: 343]. Развивая данный тезис, мы полагаем, что имя концепта представляет не просто номинирует явление, но также выступает лингвистическим аналогом определённой предметной области. Декодируясь в сознании реципиента, имя концепта способствует пониманию как поверхностного сообщения, так и глубинного метасодержания, заключённого в речевом произведении. В политическом дискурсе обращение к имени концепта приобретает особую

важность, поскольку речь политика отражает позицию не только говорящего, но и политического института или страны, которую представляет автор сообщения.

Кроме того, Е.И. Шейгал поднимает вопрос соотношения языка и власти и исследует два аспекта данной проблемы – то, как власть концептуализируется языком и то, как власть проявляется через язык. Исследователь предлагает метод описания содержания концепта через раскрытие ассоциативных связей между элементами концептосферы, таким образом, подчёркивая важность анализа парадигматических связей. В своей работе Е. И. Шейгал приводит ряд ассоциативных цепочек, характеризующих власть в русском политическом дискурсе: «власть (царь) – прокладывание границ – прямая линия – справедливое», «власть – магия, чудо», «власть – превосходство», «власть – говорение» и т.д. Образ власти в массовом сознании раскрывается на основе свободного ассоциативного эксперимента. По результатам эксперимента, большое число ассоциаций отражает ядерные признаки концепта «власть» (порядок, правление, повиновение, парламент, правительство, закон, государство, царь, президент и т.п.). Большую часть приведённых ассоциаций составляют стандартные синтагматические реакции, близкие к клише (местные, официальные, здешние власти; власть имущие; советская, демократическая власть; свергнуть, спасти, держать власть и т.д.). Большое число реакций соотносится с компонентом «сила» – сила, твердость, жесткая, могучая, неограниченная, твердость, кулак, танк, насилие, кровь, диктатура, подавление. Власть также оказывается связанной с понятием «деньги».

Анализируя имя концепта «власть» в политическом дискурсе, Е. И. Шейгал подчёркивает важность синтагматических связей, обращаясь к словосочетаниям, в которых употребляется лексическая единица-имя концепта и которые позволяют раскрыть не только содержательную сторону концепта, но и выявить оценочный компонент. Обращаясь к анализу оценочных характеристик имени концепта, Е. И. Шейгал отмечает, что оценочные характеристики власти в русском политическом дискурсе отрицательные. По мнению исследователя, «в массовом сознании осуждение вызывают злоупотребление властью (тирания, вседозволенность), коррупция (продажная, мафия), недееспособность (бездействие, марионетки,

колебание, слабая), негуманность (жестокость, беспощадная), лживость властей (врут, обманули, хитрость, интриги)» [Шейгал, 2000: 44].

Предложенный Е. И. Шейгал алгоритм находит отражение в работах многих исследователей. Например, О. В. Иванова, анализируя концептосферу американского политического дискурса на материале транскриптов речей политиков Б. Обамы, Дж. Буша мл. и Дж. Маккейна и комментариев к ним, использует методы дефиниционного, сопоставительного и компонентного анализа. Исследователь рассматривает в качестве ключевых концептов американского политического дискурса такие концепты, как *power*, *war*, *terrorism*, *crisis*, «находящие различные способы репрезентации в языке и выступающие как особые политические понятия, с одной стороны, и как концепты в собственном смысле слова, обладающие широкой ассоциативной сферой, – с другой» [Иванова, 2010: 4]. Делается вывод о том, что в американском политическом дискурсе свойства ключевых концептов «в значительной степени обусловлены идеологической спецификой», что связано с необходимостью «выражения в языке на уровне реализации конкретных смыслов в зависимости от специфики содержащих данные языковые реализации контекстов». [Иванова, 2010: 107-110]. В структуре центрального концепта политического дискурса «власть» исследователь выделяет два измерения: власть в абстрактном смысле и «конкретные представители власти». Отмечаются существенные различия в компонентном составе «первичных текстов» выступлений политиков и «вторичных» текстов, т.е. комментариев к выступлениям. Так, в первичных текстах концепт «власть» представлен компонентами *people*, *military*, *strength*, *government*, *value*; а во «вторичных текстах» – компонентами *patriotism*, *heroes*, *change* [Иванова, 2010: 14-16].

А. А. Шибанова, анализируя концепт «власть» в англоязычном политическом дискурсе, включает в его структуру не только нарицательные существительные, но и широкий спектр имен собственных (антропонимы, топонимы, а также другие названия организаций и должностей), которые репрезентируют прагматический признак концепта «власть»/”power”. Также исследователь называет прилагательные – признаки власти (*authoritarian*, *judicial*, *legislative*, *executive*).

Морально-этический признак концепта «власть»/”power” выражается, по мнению исследователя, именами существительными (honesty, integrity, kindness.) и прилагательными (hard-working, strong, trusting) [Шибанова, 2011].

Е. Р. Левенкова анализирует структуру концепта «власть», через ядерный компонент power. Проведённый исследователем сопоставительный анализ словарных дефиниций лексемы “power” как эквивалента содержания концепта по двум лексикографическим источникам — британскому Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English и американскому American Heritage Dictionary выявляет существенные расхождения в степени детализации семантической структуры данного слова. Так, британский словарь фиксирует 7 базовых значений лексемы *power*, тогда как американский — 15. Подобная вариативность обусловлена различиями в лексикографических традициях и критериях выделения лексико-семантических вариантов. Однако, как отмечает исследователь, в фокусе политического дискурса оказываются лишь четыре значения:

- 1) власть как господство полномочия (authority/control);
- 2) власть как способность, возможность (ability);
- 3) власть как сила, мощь (strength/might);

4) власть как держава (country) [Левенкова, 2011: 56]. Сложность структуры данного концепта объясняется тем фактом, что, он является абстрактным, а у подобных концептов «отсутствует основа в материальном мире, а значит, в ядре концепта отсутствует образный прототип». [Левенкова, 2011: 56].

Вслед за А. А. Дегтярёвым, Е. Р. Левенкова описывает два подхода к интерпретации понятия “power”, на которых строится языковая реализация концепта: атрибутивно-субстанциональный (трактующий власть как атрибут, свойство предмета, вещь) и реляционный подход (при таком подходе власть понимается как социальные отношения). По мнению исследователя, в целом, в англоязычном политическом дискурсе превалирует атрибутивно-субстанциональный подход.

Сопоставляя структуру концептосферы американского и британского политического дискурса, автор делает вывод о том, что в обоих вариантах дискурса

присутствуют базовые онтологические концепты “power”, «state», «nation». Различия обнаруживаются в концептах “politics”, “leadership”, которые характерны для британского политического дискурса, но отсутствуют в американском.

В группе концептов, принадлежащих ментальному полю «субъекты и объекты политики» БПД демонстрирует большее разнообразие – сюда входят 11 концептов – “politician”, “government”, “the British people”, “Europe”, “New Labour party”, “Parliament”, “opposition”, “community”, “society”, “al Quaeda” (запрещённая в РФ организация), “the Talibian movement” (запрещённая в РФ организация), в то время как АПД характеризуется наличием 8 концептов: “people”, “community”, “president”, “Congress”, “Democrats”, “Republicans”, “liberals”, “fellow-citizens”. Различия также обнаруживаются в группе концептов, принадлежащих ментальному полю «политические системы и формы государственности». В БПД это концепты “monarchy, empire”, а в АПД – “republic, tyranny” [Левенкова, 2011: 67, 74].

Что касается американского политического дискурса, обращает на себя внимание работа И. В. Игнатовой, в которой анализируется смысловое наполнение концепта “power”, на материале публичного выступления Б. Обамы на саммите ЕС в 2014 году. Власть рассматривается с двух позиций – «власть над», как характерная для государств с диктаторским строем, и «власть для» как демократический идеал власти. Репрезентация аспекта «власть для» осуществляется через лексемы right, law, strength, power, responsibility, которые характеризуют демократический характер власти, противопоставляя его «власти над», для описания которой характерно использование лексем sovereign, leadership, government, не носящие оценочного компонента [Игнатова, 2015: 153-155].

Ряд исследований посвящён сопоставительному анализу репрезентации концепта «власть» в англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе. В фокусе подобных исследований находится смысловое наполнение концепта, его семантическая структура и различия, обусловленные культурно-историческим опытом различных наций. Л. А. Рыбакова рассматривает особенности перевода и адаптации лексем, входящих в ядро и периферию англоязычного концепта

«власть». Используя методы сопоставительного анализа, исследователь приходит к выводу, что ядро концепта вербализуется в обоих языках через схожие имена концепта. Данный факт объясняется тем, что «способы осмысления концепта «власть» как основной лингвокультурной составляющей политического дискурса имеют сходные черты в американском и русскоязычном политическом дискурсе» [Рыбакова, 2013: 801]. Различия обнаруживаются на периферии концепта, поскольку в американском политическом дискурсе наблюдается «смещение акцента от «государства» (“state”) в сторону «правительства» (“government”) и от «силы» (“power”) к «контролю» (“control”)». Автор объясняет данную тенденцию различиями в национальных языковых картинах мира, сформированных в силу различного культурно-исторического опыта нации.

И. И. Чиророва анализирует смысловое наполнение концепта «власть» в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе. Опираясь на трёхслойную модель Ю.С. Степанова, исследователь выделяет в структуре концепта понятийное ядро, «содержащее набор базовых денотативных характеристик», а также ближнюю и дальнюю периферии, «на которых находятся дополнительные признаки в виде ассоциативно-образных и ценностных элементов содержания» [Чиророва, 2014: 1724]. В фокусе внимания исследователя находится семантическое наполнение концепта «власть», выраженное через лексические единицы «власть» в русском и “power” и “authority” в английском языке [Чиророва, 2014: 52]. На основании дефиниционного анализа лексем автор выделяет следующие компоненты значения:

- «власть»: господство-владычество-повелевать, могущество – влияние – сила, и управление;
- “power”: способность, контроль, законная возможность действовать;
- “authority”: право/возможность; способность влиять, авторитет; человек, обладающий властью;

В результате сопоставления трёх имён концепта делается вывод о том, что основным отличием в структуре концепта «власть» является тот факт, что в

русскоязычном дискурсе власть воспринимается как обладание полномочиями и возможность повелевать и управлять, в то время как в англоязычном политическом дискурсе доминирует семантический признак «быть способным совершать властные действия». Кроме того, в работе отмечается, что некоторые компоненты значений *authority* и *power* являются взаимозаменяемыми («контроль, могущество», «право и возможность управления», «способность влиять»), а такие компоненты значения концепта *authority*, как «органы управления», «должностные лица» и «авторитет», являются уникальными и не получают языковой реализации через лексему *power*.

В фокусе учёных находятся не только семантическое наполнение концепта «власть», но также и прагматика различных уровней языка, реализуемая через супрасегментные единицы, вербализующие анализируемый концепт. Так, в работе М. А. Деминой и Е. О. Шевелевой, на материале аудиозаписей публичных выступлений британских политиков на парламентских дебатах, исследуются прагматические особенности единиц фонетического, морфемного и синтаксического уровней, которые служат для репрезентации концепта «власть». Считая центральной лексической единицей, выражающей данный концепт в английском языке, лексему *power*, исследователи на основании результатов комплексного лингвистического анализа делают вывод о вариативности просодических характеристик речи, объективирующих концепт *power*, которая выражается в наличии определенных маркеров восприятия и интерпретации голосового сигнала, присутствующих в каждом супрасегментном параметре: темпе, громкости, мелодике [Демина, Шевелева, 2016: 203].

Л. В. Постникова исследует просодическую реализацию концепта «власть» в американском политическом дискурсе на материале аудиозаписей речей президентов. В исследовании сделан вывод о различиях в экспрессивности и мелодике, обусловленных типом выступления (ритуальная или демократическая речь) [Постникова, 2010].

Изучив опыт исследования ключевого для политической коммуникации концепта «власть», мы пришли к выводу, что в исследованиях, проведённых на разнообразном материале, включающем в себя тексты политического дискурса разных жанров, в центре внимания оказываются семантическое наполнение концепта «power/власть» и, в первую очередь, сама лексическая единица “power”, трактуемая как эквивалент смыслового содержания концепта. В число единиц, которые составляют ядро концепта «power/власть», принято включать лексему “authority”. В работе Г. А. Осипова authority рассматривается как идеологема, т. е., лексическая единица, представляющая собой «когнитивно-прагматический инструмент идеологии» [Осипов, 2012]. Ряд других исследований затрагивает вопрос о том, является ли authority самостоятельным концептом, или же входит в состав структуры концепта power. О. В. Любимова, В. Б. Крячко рассматривают authority как отдельный концепт и сравнивают репрезентацию концептов «власть» и “authority” в русской и английской лингвокультурах, не обнаруживая существенных расхождений на понятийном уровне, однако подчёркивая ценностный характер различий анализируемых концептов [Любимова, Крячко, 2012]. Л. В. Постникова включает лексему authority в ядерную часть концепта «власть» [Л. В. Постникова, 2010], рассматривая её как одну из ключевых номинаций, наряду с такими лексемами, как control, strength, force, right, government.

2.2. Принципы синтагматического анализа текста

В качестве методологической базы исследования использованы концептуальные основы теории синтагматики и ее понятийно-терминологический аппарат. Под синтагматикой понимается «область языкознания, которая занимается изучением линейного соположения слов и морфем в речи, а также исследует различные типы словосочетаний» [Добросклонская, 2009: 45].

Современные исследования синтагменной организации речи, осуществляемые на материале английского языка, восходят к трудам классиков отечественного языкознания. Л. В. Щерба, определил понятие синтагмы как «простейшее синтаксическое целое», обладающее смысловым единством и фонетической целостностью [Щерба, 1963: 86]. Важным аспектом его концепции является положение о творческом характере синтагмообразования, осуществляемого в соответствии с языковыми нормами, но не детерминированного ими жестко.

Теоретическое обоснование синтагматического анализа восходит к работам В. В. Виноградова, акцентировавшего системную взаимосвязь синтагмы со смежными языковыми уровнями [Виноградов, 1957: 231]. Ученый подчеркивал, что именно в закономерностях синтагмообразования наиболее полно раскрывается национально-культурная специфика языка [Виноградов, 1957: 4].

Сегодня под синтагмой как единицей описания текста понимается минимальная смысловая единица речевой цепи, представляющая собой структурно-семантическое единство, обладающая целостным фонетическим оформлением и выполняющая определенную коммуникативную функцию [Тер-Минасова, 1981; Добросклонская, 2009; Власова, 2019]. Синтагма занимает промежуточное положение между словом, как единицей языка, и предложением, как единицей речи. Как обоснованно отмечает С. Г. Тер-Минасова, синтагма выступает «строительным материалом» для предложения и является диагностическим признаком функционального стиля, особенности которого наиболее рельефно проявляются при применении процедуры синтагматического анализа [Тер-Минасова, 1981: 45]. Если говорить о соотношении понятий синтагма и словосочетание, следует отметить, что в концепции В.В. Виноградова словосочетание рассматривается как минимальная синтаксически организованная единица, обладающая номинативной функцией и выступающая строительным материалом для предложения. Однако следует учитывать тот факт, что словосочетание и синтагма представляют собой единицы разных уровней абстракции: словосочетание относится к языку как номинативная единица,

организованная по грамматическим законам и существующая вне конкретного речевого акта [Виноградов, 1975; Ахманова, 2014], тогда как синтагма принадлежит речи, являясь результатом актуального синтагматического членения высказывания в зависимости от коммуникативного задания и интонационно-смыслового единства [Щерба, 1963; Тер-Минасова, 1981], что особенно значимо при анализе политического дискурса, где одно и то же словосочетание может получать различное синтагматическое членение в зависимости от интенции говорящего и контекста [Добросклонская, 2009].

Согласно концепции Т. Г. Добросклонской, полное синтагматическое описание текста предполагает многоуровневый анализ, включающий морфо-синтаксический, лексико-фразеологический и культуро-идеологический уровни. Особую значимость для настоящего исследования приобретает уровень культуро-идеологического контекста, поскольку именно он позволяет выявить внеязыковые факторы, определяющие соположение слов в речи и формирующие идеологическую модальность текста. Данный аспект оказывается чрезвычайно важным для раскрытия механизмов реализации функции речевого воздействия и экспликации метасодержания политического дискурса [Добросклонская, 2009: 56].

В основе современных исследований в русле синтагматики лежит принцип единства коллигации и коллокации (С. Г. Тер-Минасова, Н. Б. Гвишиани), в соответствии с которым составные номинативные единицы изучаются в неразрывной связи их морфосинтаксических (коллигация) и лексико-фразеологических (коллокация) характеристик с учётом всей совокупности языковых и экстралингвистических факторов. Подобный интегративный подход даёт возможность раскрыть системные закономерности построения высказываний в различных функциональных стилях и жанрах. Рассмотрение синтагматики в аспекте двулинейности речи обусловило понимание синтагмы, с одной стороны, как линейного соотношения единиц в речевой цепи, а с другой — как членения речи на отрезки, осуществляемого с помощью просодических средств [А.Н. Морозова, 2010].

Другим принципом, составляющим методологический фундамент данного подхода, является принцип дифференциации текстов по доминирующей языковой функции – сообщения или воздействия, находящихся в диалектическом единстве [Тер-Минасова, 1981: 43]. Эта дихотомия получила терминологическое закрепление в оппозиции «текст-сообщение» / «текст-воздействие» [Чаковская, 1986: 8], наиболее рельефно проявляющейся при контрастивном анализе научного и художественного дискурсов. Данный тезис восходит к идеям В. В. Виноградова, который одним из первых обратил внимание на необходимость разграничения текстов по принципу главенствующей функции текста – сообщение, воздействие и общение. Как следствие, учёным была предложена классификация текстов разных жанров по сферам их употребления (то есть, на основе функционально-стилевого признака) – исследователь выделяет обиходно-бытовой стиль, обиходно-деловой, официально-документальный, научный, публицистический и художественно-беллетристический. Именно в двух последних разновидностях, по мнению учёного, реализуется функция воздействия [Виноградов, 1954: 6-7]. М. С. Чаковская определяет воздействие как «поэтическую или эстетическую функцию» языка, когда говорящий или пишущий [...] стремится так представить сообщаемое, так выбрать и соединить между собой слова, чтобы у слушателя или читателя возникли определенные эмоции, определенное оценочное отношение к сообщаемому» [Чаковская, 1986: 8].

Эмпирические исследования подтвердили диагностическую ценность синтагматического анализа для идентификации функциональных стилей. Установлено, что в текстах с доминированием функции сообщения (научный стиль) синтагматическая организация тяготеет к клишированным моделям, тогда как в художественном дискурсе наблюдается тенденция к семантической автономизации лексических единиц, «преодолевающих границы словосочетания» [Тер-Минасова, 1998: 18-19].

Применительно к медиадискурсу Т. Г. Добросклонская разработала типологию функциональных стилей, выделив официально-информативный (с преобладанием функции сообщения) и репортажно-развлекательный (с

доминированием функции воздействия) стили [Добросклонская, 2009: 77]. Её изыскания выявили комплекс специфических синтагматических характеристик, отличающих тексты разных жанров англоязычного медиадискурса. Так, например, особенностями синтагменной организации новостных текстов являются: превалирование глагольных словосочетаний с пассивными конструкциями, высокая частотность лексических соединений поликомпонентной структуры, доминирование рестриктивных прилагательных в атрибутивных синтагмах. [Добросклонская, 2020: 62]

Тот факт, что определение отличительных свойств синтагматики речевых произведений содействует установлению текстологических признаков речевых произведений определенной функционально-стилевой и жанровой принадлежности, убедительно подтверждается в исследовании Л. В. Власовой, осуществленном на материале англоязычных медиатекстов жанра “features” [Власова, 2019].

Таким образом, синтагматический анализ представляет собой эффективный методологический инструмент, позволяющий выявлять как системные закономерности языковой организации, так и индивидуально-авторские особенности речевой реализации. В то же время следует отметить, что тексты публичных выступлений американских политиков до сих пор не были предметом специального изучения в аспекте синтагматического анализа.

Однако для полноценного раскрытия механизмов речевого воздействия недостаточно ограничиваться изучением линейных связей языковых единиц — необходимо также обращаться к глубинным смысловым уровням текста, на которых формируется идейное содержание сообщения. Политический дискурс Барака Обамы и Дональда Трампа уже привлекал внимание исследователей с точки зрения экспликации глубинного смысла, однако немногочисленные работы в этом направлении либо сосредоточены на средствах одного уровня (например, В.А. Захарова (2017) анализирует особенности использования лексем-ассоциантов; Н.А. Сумарокова и О.Е. Карачина (2023) рассматривают просодические средства воздействия), либо затрагивают отдельные аспекты механизмов воздействия, такие

как экспрессивность (Порческу, Рублёва, 2019). Системный подход к решению данной задачи может быть реализован, на наш взгляд, при обращении к лингвопоэтическому анализу, методологические основания которого были заложены в трудах Р. Барта и Ю. М. Лотмана.

В 1960-е годы французский семиолог Р. Барт предложил концепцию, согласно которой знак в своей целостности (единстве означающего и означаемого) может выступать в роли нового означающего для вторичного смысла (Барт, 1987). Развивая эту мысль, Ю. М. Лотман указывал, что такой механизм активируется при отклонении от нормы употребления знака; и если подобные отклонения приобретают системный характер, они формируют основу индивидуального авторского стиля [Лотман, 1978: 19]. Таким образом, анализ речевых особенностей коммуниканта даёт возможность декодировать общий замысел высказывания и выявить имплицитный «подтекст», вкладываемый говорящим в сообщение.

Эти идеи легли в основу метода лингвопоэтического анализа, который первоначально использовался при исследовании текстов функционального стиля, в котором наиболее полно реализуется функция воздействия, а именно, словесно-художественного творчества. В соответствии с этим подходом языковые средства создания воздействия рассматриваются в совокупности с авторским замыслом, или, в терминологии В. Я. Задорновой, с «идейно-художественным содержанием» текста, при этом авторский замысел включается в семантическую структуру текста как её «высший уровень» [Задорнова, 1984: 13].

Метод лингвопоэтического анализа включает три уровня анализа текста – семантический, метасемантический и мета-метасемантический. На первом уровне (семантическом) рассматриваются языковые средства «как таковые, в их прямом значении», при этом исследователь отмечает, что на данном уровне «языку присущи определённые закономерности, независимо от того, пользуются ли им в художественных целях или как средством повседневного общения» [Задорнова, 1984: 8]. В фокусе внимания исследователей на данном уровне находится семантика конкретных слов как базовый элемент, несущий в себе информацию о содержании.

Содержание и выражение языковых единиц на семантическом уровне становится планом выражения некоего нового, образного, эмоционально-экспрессивно-оценочного содержания на втором, метасемиотическом уровне. Как отмечает В. Я. Задоронова, анализ на семантическом уровне – это «подготовка к собственно лингвостилистическому исследованию текста» [указ.соч.: 8-11], которое начинается при переходе на метасемиотический уровень. На этом уровне фокус внимания смещается на способы сочетания лексических единиц в словосочетания и предложения, а также предложений в текст, ключевой идеей становится выявление коннотаций, которые создаются за счёт сочетания различных языковых единиц в контексте. Производится анализ используемых стилистических средств, позволяющий раскрыть эмоции, оценочность и экспрессию, не входящие в буквальное значение языковых единиц [указ.соч.: 112].

Из элементов первого и второго уровней «выстраивается» третий, мета метасемиотический уровень, заключающий в себе идейно-художественное содержание текста. На этом уровне в фокус исследователя попадает общий план содержания текста и его идейное содержание и делается вывод о том, какой эффект данный текст оказывает на читателя/слушателя.

Данный метод был положен в основу исследований художественной литературы разных жанров [В. Я. Задоронова, 1984; А. Н. Морозова, Т. Г. Никитина, А. С. Сидоренко, 2016; Н.С. Болотнова, 2007; Е. Б. Борисова, 2010; А. С. Викулина, 2013; А. Т. Грязнова, 2018 и др.], как инструмент раскрытия идейно-художественного содержания текста и средство создания эффекта эстетического воздействия на читателя. При этом объектом анализа художественного текста были такие аспекты как соотношение авторской речи и речи персонажа [Ешмамбетова, 1984], проблемы перевода как словесно-художественного творчества [Борисова, 1989] отдельно взятый образ в литературе (например, образ слуги) [Козеняшева, 2006].

На сегодняшний день исследователи выделяют несколько методов лингвопоэтического анализа: собственно метод трёхуровневого анализа, лингвопоэтика художественного приёма, лингвопоэтическое сопоставление и

лингвопоэтическая стратификация [Карпова, 2009: 36], которые различаются предметом исследования.

Последующие исследования в русле лингвопоэтического анализа показали, что данный метод может быть продуктивным и для нехудожественного текста. А. Ю. Морозов применил метод лингвопоэтического анализа для раскрытия способов реализации воздействия, оказываемого рекламными текстами [Морозов, 2009]. Рекламный текст схож с художественным в том отношении, что основной функцией рекламы является оказание воздействия. В рекламе воздействие носит идейно-этический характер, однако механизмы реализации данной функции близки к тем, которые отличают художественный текст. Гипотеза исследования состояла в том, что, поскольку основной задачей рекламного текста является «воздействие на потребителя», «все вербальные и невербальные средства, составляющие текст, должны быть подчинены выполнению конкретной задачи», а значит, рекламный текст имеет трёхуровневую структуру, как и художественный. [Морозов, 2011: 42-43]. Важной представляется идея исследователя о том, что для раскрытия идейно-этического содержания текста целесообразно рассматривать не отдельные рекламные тексты, а рекламные серии – подборки текстов, «объединённых на основе формальных признаков экстралингвистического плана», поскольку все тексты серии обнаруживают сходство «в плане композиционно-стилистического решения, лингвистических характеристик и, что особенно важно, в плане мета-метасодержания» [Морозов, 2011: 140]. Такой подход обеспечивает системность, необходимую для выявления особенностей механизма оказания воздействия на аудиторию.

А. Н. Морозова приходит к выводу, что использование метода лингвопоэтического анализа является продуктивным и для текстов политического дискурса [Морозова, 2021], поскольку политический дискурс, как и рекламный, главным образом, направлен на осуществление воздействия на аудиторию, создание определённого эффекта, либо формирование определённого мнения политического деятеля/реформы. Как и рекламная серия, серия политических текстов, принадлежащих одному политику, либо затрагивающих одну и ту же тему,

содержит общие черты в языковом, структурном, а также содержательном плане. Рассмотрение серии политических текстов позволяет раскрыть идейно-этическое содержание, заложенное политиком, и характер оказываемого воздействия. Как отмечает А. Н. Морозова, «воздействию свойственны характеристики системного процесса: наличие адресата и адресанта, направленность, явное целеположение, наличие задач» [Морозова, 2021: 66]. Очевидно, что в политическом тексте названные элементы играют ведущую роль, в виду того, что в сфере политики «текст является не просто высказыванием, а актом политической деятельности» [Рассинская, 2015: 412], поэтому рассмотрение серии политических текстов сродни рассмотрению политического курса политика – каждый отдельный текст соотносится с одним политическим действием, а серия политических текстов аналогично политическому курсу.

Опираясь на тезис А. Н. Морозовой о целесообразности использования лингвопоэтического анализа в исследовании политического дискурса [Морозова, 2020], настоящая работа представляет его практическую реализацию. Применение метода, разработанного для художественных текстов, оказалось эвристически ценным в силу функциональной общности данных типов дискурса, а именно доминирования в них воздействующей функции. Трехуровневая модель анализа (семантический – метасемантический – мета-метасемиотический уровни) позволяет выявить системный характер речевого воздействия в политической коммуникации, где отдельные тексты, объединенные общей стратегической направленностью, образуют целостный дискурсивный комплекс. Такой подход дает возможность вскрывать глубинные механизмы конструирования политической реальности через язык, что особенно важно для понимания стратегий легитимации власти и формирования общественного мнения.

2.3. Синтагматическое описание реализации термина “power”

Как уже отмечалось выше, центральное место в концептуальной области политической онтологии отводится концепту, номинируемому в английском языке как “power”. Семантика термина-концепта “power” получила в лингвистической литературе достаточно полное описание. И. И. Чиророва выделяет три «признака лексико-семантического поля концепта power»: 1) способность действовать или влиять на что-то, оказывать воздействие на субъект; 2) сила, мощь, политическая сила; 3) субъект, наделенный властными полномочиями (держава). В частности, отдельные авторы исключают такое значение, как «должностные лица, наделённые властными полномочиями» [Чиророва, 2014: 51-52]. О. В. Иванова также выделяет три основных лексико-семантических варианта концепта “power”: 1) influence; 2) authority; 3) control [Иванова, 2010: 10-11]. Показано, что, в отличие от русского языка, в котором лексема «власть» этимологически связывается с обладанием, смысловым инвариантом значений лексемы power является компонент ability «способность, возможность». Е.Р. Левенкова приходит к выводу о том, что для политической коммуникации значимыми являются аспекты понятия, отражённые в таких лексико-семантических вариантах: «власть как господство, полномочия» (control, authority); «власть как возможность, способность» (ability); «власть как сила, мощь» (strength, might); «власть как держава» (country) [Левенкова, 2011: 79-80].

Анализ материала настоящего исследования свидетельствует о том, что рассматриваемая лексическая единица реализуется как способ выражения следующих аспектов концепта: «власть как держава», «власть как сила», «власть как господство, полномочия». Существенным наблюдением выступает отсутствие случаев синтаксической автономии данной единицы: анализируемая лексема реализуется в составе именных и глагольных словосочетаний. Методологический подход настоящего исследования предполагает комплексное рассмотрение коллигационных и коллокационных характеристик указанных синтагм с обязательным учетом контекстуальных параметров высказывания и его прагматической направленности. Такой анализ позволяет выявить системные

закономерности вербализации концепта «власть» в политическом дискурсе через призму синтагматических связей изучаемой лексемы.

«Власть как держава»

Прежде всего отметим, что использование слова в значении «держава» отличается высокой степенью коллигационной ограниченности: оно зафиксировано только в составе субстантивных синтагм с препозитивным прилагательным (Adj + N). Входящие в состав синтагм прилагательные относятся к семантическому полю «величие, превосходство»: *major powers*, *super powers*, *a colonial power*, либо к семантическому полю «агрессия, угроза, соперничество»: *assertive powers*, *revisionist power*, *rival powers* и т. д.:

(1) *In the next century, when **imperialist powers** threatened this region, the United States pushed back at great cost to ourselves.* (D. T. Addresses APEC CEO Summit – November 10.11. 2017)

(2) *But if you look at the track record, as you say, America was not born as a **colonial power**...* (B.O. – Al-Arabiya Television Interview With Hisham Melhem, 26.01.2009)

(3) *For unlike the **great powers of old**, we have not sought world domination.* (B.O. –Afghanistan War Troop Surge, 01.12.2010)

Используемые двумя президентами словосочетания различаются как в количественном, так и в качественном отношении. Количество примеров реализации слова в значении «держава» в речах Барака Обамы в два раза превышает число реализаций в текстах Трампа. Следует также сказать, что в указанном значении термин “power” раскрывает реляционный аспект власти. У Барака Обамы в более чем половине случаев, речь идет о крупнейших державах мира, состав которых не ограничен Америкой и Россией:

(4) *This is a deal between Iran, the United States of America, and **the major powers in the world** – including some of our closest allies.* (B. O. – Iran Nuclear Agreement, 2.04.2015)

(5) *In those days, the risk was a catastrophic nuclear war between two super powers.* (В.О. – Iran Nuclear Accord Announcement, 14.07.2015)

В высказываниях Дональда Трампа страны, номинируемых термином “power”, ограничиваются противниками политического курса 45го президента США – Россией и Китаем, при этом номинация осуществляется через атрибутивные словосочетания с прилагательным с пейоративной коннотацией:

(6) *Here in the Western Hemisphere, we are committed to maintaining our independence from the encroachment of expansionist foreign powers.* (D. T. Addresses the 73rd Session of the United Nations 25. 09. 2018)

(7) *And we know that American patriots don't bow down to foreign powers, we don't back down from left-wing bullies, and the only authority we worship is our God.* (D. T. – Address at the Dream City Church in Phoenix, 23. 06. 2020)

Барак Обама транслирует идею единства как базовой ценности американского общества. Важную роль здесь играют лексические единицы с семантикой совместного действия, сотрудничества (to partner, mutual, partnership, dialogue, diplomacy, together и др.):

(8) *America partners with Kenya in areas where you're making enormous progress, and we focus on what Kenyans can do for themselves and building capacity...* (В. О. – Address to the People of Kenya, 26.07.2015)

(9) *I made this decision with an appreciation of history – how the United States, as a Pacific power, has been a stabilizing presence here for seven decades. [...] And deeper partnerships with our allies and partners in this region can help us meet global challenges, including terrorism. So I put forward a vision of the future our nations can build together: A future of mutual security and peace where international law and norms are upheld and where disputes are resolved by dialogue and diplomacy.* (В. О. – ASEAN Business and Investment Summit Address, 21.11.2015)

В речи Дональда Трампа в каждом из высказываний четко прослеживается оппозиция «свои / чужие», дистанцирование Америки с присущими ей качествами

(American influence, values, and wealth; independence) от противников, которые угрожают безопасности и процветанию страны:

(10) *We also face rival powers, Russia and China, that seek to challenge **American influence, values, and wealth**.* (D. T. – Speech on National Security Policy, 18.12.2017)

Номинация противников всегда осуществляется посредством прилагательных, обладающих негативной коннотацией и использованием термина “power” в форме множественного числа (powers). Пейоративная коннотация отличает и другие компоненты высказывания. Например, в примере (11), словосочетание revisionist powers выступает в составе цепочки однородных, объединенных общностью коннотации и сходством сегментной структуры членов предложения: rogue regimes, terrorism, and revisionist powers.

Пейоративная коннотация используемых лексических единиц усиливается благодаря многочисленным средствам акцентуации – фонетическим и лексическим повторам, синтаксическому параллелизму:

(11) *To make the world safer from rogue regimes, terrorism, and revisionist powers, we are asking our friends and allies to invest in their own defenses and to meet their financial obligations.* (D. T. Addresses the World Economic Forum – 26.01. 2018)

(12) *Who is signing them? Who's signing them? What, are they signed on the kitchen table and sent in? Will they be counterfeited by groups inside our nation? Will they be counterfeited, maybe by the millions, by foreign powers who don't want to see Trump win because nobody has been tougher on trade or making our country great again?* (D. T. – Address at the Dream City Church in Phoenix, 23.06. 2020)

Отдельно следует сказать об использовании приёма противопоставления, который был зарегистрирован в речах обоих президентов. В высказываниях Дональда Трампа страны, представляющие угрозу национальной безопасности США и выступающие как противники курса Дональда Трампа противопоставляются ценностям демократического общества:

(13) *Authority and authoritarian powers seek to collapse the values, the systems and alliances that prevented conflict and tilted the world toward freedom since World War II. (D. T. Addresses the United Nations General Assembly ,19.09. 2017)*

В качестве объекта противопоставления в речи Барака Обамы выступают события, процессы, временные периоды и типы государственного устройства, а также характеристики политических процессов. Большая часть (две третьих) подобных высказываний затрагивают внешнеполитические вопросы, которые связаны с помощью другим странам – Сирии, Кении, Ирану, странам Африки и Вьетнаму в разрешении их внутривнутриполитической ситуации и установлении демократического государственного строя. В подобных высказываниях чётко прослеживается разница в оценочности, заложенной Баракком Обамой. Понятия, ассоциируемые с демократией, систематически наделяются позитивной семантической окраской (*growth, progress, peace, liberty*). В то же время номинации, референтно связанные с режимами, квалифицируемыми как диктаторские, аккумулируют негативные коннотации, отражающие социально-опасные явления (*threat, regression, tyranny*):

(14) *It's that spirit – a faith in reason, and enterprise, and the primacy of right over might – that allowed us to resist the lure of fascism and tyranny during the Great Depression; that allowed us to build a post-World War II order with other democracies, an order based not just on military power or national affiliations but built on principles – the rule of law, human rights, freedom of religion, and speech, and assembly, and an independent press. (B. O. – Farewell Address, 10.01.2017)*

Таким образом, лейтмотивом высказываний Барака Обамы, содержащих термин “*power*” в значении «держава», является необходимость сотрудничества и кооперации с другими странами, в то время как Дональд Трамп создаёт отрицательный образ главных соперников Америки на политической арене – России и Китая, концентрируясь на том, какую угрозу они несут для национальной безопасности США.

«Власть как сила»

В значении «сила» лексическая единица *power* реализуется в субстантивно-предложных словосочетаниях: *power + of (in) + N*. Общей особенностью речей двоих президентов является то, что в данном значении *power* употребляется в сочетаниях со словами, имеющими общую семантику американских ценностей и демократических идеалов: *power of persistence / hope / freedom / democracy / ideals*. Подобные словосочетания служат средством объективации реляционного аспекта власти, где сила коррелирует с абстрактными понятиями, обладающими позитивной аксиологической маркированностью в американском социокультурном контексте.

Реализация слова в данном значении гораздо более характерна для Б. Обамы (число примеров более чем в два раза превышает количество реализаций данного значения в речах Д. Трампа). Контексты содержат идею национальной идентичности, основанной на общих для нации ценностях:

(15) *Tonight, we've proved once more that the true **strength of our nation** comes not from the might of our arms or the scale of our wealth, but from the **enduring power of our ideals: democracy, liberty, opportunity, and unyielding hope**. (Barack Obama – President-Elect Victory Speech, 04.11.2008)*

(16) *...because these things that we stand for, **these ideals that we hold dear** are bigger than any one person or party or politician. (B.O. – Eulogy for Senator Daniel Ken Inouye, 21.12.2012)*

(17) *We will support those revolutions **with fidelity to our ideals, with the power of our example, and with an unwavering belief that all human beings deserve to live with freedom and dignity**. (Barack Obama – Afghanistan Troop Reduction Address to the Nation, 22.06.2011)*

Политик транслирует глубокую убеждённость в том, что демократические идеалы американского общества, на которых строится политическая система США со времён его основания, являются лучшей формой государственного устройства,

которое может обеспечить свободу, процветание и благополучие, и что Америка в этом отношении является «страной возможностей».

Базовые ценности американского общества находят отражение в речи Барака Обамы в используемых отсылках к мечте отцов-основателей, «американской мечте» о процветающей нации:

(18) *If there is anyone out there who still doubts that America is a place where all things are possible; who still wonders if the dream of our founders is alive in our time; who still questions the power of our democracy: Tonight is your answer.* (B.O. – President-Elect Victory Speech, 04.11.2008)

В приведенном примере номинация "the dream of our founders" («мечта отцов-основателей») функционирует как контекстуальный семантический эквивалент концепта "democracy", аккумулируя в себе ценностные коннотации базового идеологического конструкта американского общества. Тем самым подчёркивается историческая преемственность демократических принципов, восходящих к моменту основания американской государственности. Демократия занимает центральное место в аксиологической системе политика, что подтверждается ее высокой частотностью как при прямом номинировании, так и через семантически эквивалентные синтагмы ("the great American ideal", "destiny is written by us"). Второстепенные позиции в иерархии ценностей занимают концепты liberty, opportunity, hope, security и unity, вербализуемые через развернутые перифрастические конструкции.

Использование интертекстуальных включений в формате цитирования Декларации независимости в речи Б. Обамы актуализирует историческую преемственность и легитимирует современную политическую программу через апелляцию к базовым ценностям американской государственности:

(19) *Tonight, we gather to affirm the greatness of our Nation – not because of the height of our skyscrapers, or the power of our military, or the size of our economy. Our pride is based on a very simple premise, summed up in a declaration made over two hundred years ago: **We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their***

Creator with certain inalienable rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness. (B.O. – 2004 Democratic National Convention Keynote Address, 27.07.2004)

В речи Дональда Трампа идея демократических ценностей отождествляется, прежде всего, с деятельностью республиканской партии (которая изначально создавалась в как оппозиционная демократам партия противников рабства). Среди всех демократических идеалов особую важность представляет идея ценности свободы и достоинства:

(20) *We believe in **the dignity of work, the power of freedom**, and we believe in the truth of our national motto...* (D. T. Addresses Ohio Republican Party State Dinner – 24. 08. 2018)

Следует отметить, что в дискурсе обоих президентов наблюдается единство идей демократии и национального могущества, где военная сила концептуализируется как необходимый элемент обеспечения демократических ценностей. Анализ речевых практик выявляет стратегию легитимации применения военной мощи через представление её как инструмента защиты демократических принципов:

(21) *The United States of America is prepared to use all elements of our power, **including military force, to secure our core interests** in the region* (B. O. – 68th Session of the United Nations General Assembly Address, 24.09.2013)

(22) *The United States will **use military force**, unilaterally if necessary, **when our core interests demand it*** (B. O.– United States Military Academy Commencement Address delivered 28.05. 2014)

(23) *Just three and a half years we've **secured our borders, rebuilt the awesome power of the U.S. military** obliterated ISIS caliphate, one hundred percent fix our disastrous trade deals and they were a disaster.* (D. T. Holds a Campaign Rally in Jacksonville, Florida – September 24, 2020)

(24) *American military power helped to free the world from the oppression of communism.* (D. T. Addresses Military Personnel at NAS Sigonella, Italy – May 27, 2017)

На первый взгляд, акцентирование военной силы противоречит либерально-демократическому дискурсу. Однако более детальный анализ коллигаций и коллокаций позволяет выявить глубинный идеологический конструкт: военная мощь репрезентируется не как самодостаточная ценность, а как производная от необходимости защиты демократического устройства.

Таким образом, формируется специфическая аксиологическая иерархия, где «власть как сила» проистекает из приверженности демократическим идеалам, получая своё материальное воплощение в военном потенциале, необходимом для обеспечения национальной безопасности и отстаивания геополитических интересов.

Следует также отметить, что общий эмоциональный тон и патетическая риторика фрагментов, реализующих идею силы и мощи государства, в речи Барака Обамы контрастируют со стилистикой высказываний, в которых слово *power* этого оратора выступало в значении «держава» – высказывания отличаются экспрессивностью и эмоциональностью. Высказывания Дональда Трампа при этом сохраняют высокий уровень экспрессии не зависимо от концептуализируемой идеи.

«Власть как господство, полномочия»

Синтагмы, в которых *power* реализуется в значении «господство, полномочия», в анализируемом используются в речах двух президентов с одинаковой частотностью. Реализация этого значения практически не имеет коллигационных ограничений.

Помимо субстантивных синтагм с препозитивным прилагательным *adj + N* и субстантивных синтагм *N + of + N* широко используются глагольные синтагмы *V + N*, *V + prep + N* и *V + N + to inf*. Рассмотрим каждый из типов более подробно.

Субстантивные синтагмы с препозитивным прилагательным не демонстрируют значительного разнообразия используемых лексических единиц. В

более чем двух третьих случаев в качестве препозитивного прилагательного Барак Обама использует лексическую единицу *American*, а Дональд Трамп – лексему *military*:

(25) *Well, first of all, destroying ISIL is not only a realistic goal, we're going to get it done, and we're going to pursue it with every aspect of **American power** and with all the coalition partners that we've assembled.*
(B. O. – Malaysia Presser Conference, 22.11.2015)

(26) *He will advise me and work effectively to integrate our efforts across the government, so that we are effectively using all elements of **American power** to defeat unconventional threats and promote our values.*
(B. O. – Nomination of Key National Security Team Members 1. 12. 2008)

(27) ***Military power** alone will not bring peace to Afghanistan or stop the terrorist threat arising in that country. But strategically-applied force aims to create the conditions for a political process to achieve a lasting peace.*
(D. T. Delivers Primetime Speech on Afghanistan – 21.08. 2017)

(28) *The entire world understands that the good people of Iran won't change and other than the vast **military power** of the United States that Iran's people are what their leaders fear the most.* (D. T. Addresses the United Nations General Assembly – 19.09. 2017)

При рассмотрении тематического плана высказываний, в которых *power* реализуется в значении «господство, полномочия». было выявлено, что оба президента освещают вопросы внешней политики – в частности, обеспечение национальной безопасности США. Ключевым аспектом обеспечения нацбезопасности для Барака Обамы является борьба с терроризмом, а для Дональда Трампа – установление военного контроля в регионах, представляющих угрозу демократическому строю.

Субстантивные синтагмы N + prep + N характеризуются использованием отглагольных существительных, принадлежащих к семантической группе «действие, совершаемое над объектом» (*armed seizure of power, access to power,*

protection against unchecked power, the use of power) а также лексем с семантикой «жажда, стремление, желание» (*thirst for power, lust for power, contests for power*).

(29) *And they did not engage in an “armed seizure of power.”* (В. О. – Address to the People of Estonia, 3.09.2014)

(30) *So your constitution offers a road map to governance that’s more responsive to the people – through **protections against unchecked power**, more power in the hands of local communities.* (Barack Obama – Address to the People of Kenya, 26.07.2015)

Более половины высказываний освещают вопросы внешней политики. Барак Обама затрагивает роль США в арабо-израильском конфликте, отмечая, что Америка всегда преследовала мирные цели, руководствуясь установлением мира в регионе:

(31) *And as we’ve already seen, calls for change may give way, in some cases, to fierce contests for power. The question before us is what role America will play as this story unfolds. For decades, the United States has pursued a set of core interests in the region: countering terrorism and stopping the spread of nuclear weapons; securing the free flow of commerce and safeguarding the security of the region...* (В.О. – On American Diplomacy in Middle East and Northern Africa 19.05.2011)

Политик делает акцент на том, что Америка стремится обеспечить мир (*countering terrorism and stopping the spread of nuclear weapons*). Для этого используются лексические единицы с семантикой «безопасность» (*securing, safeguarding the security, peace*),

В речи обоих политиков зарегистрировано использование субстантивных синтагм, в которых термин “power” приобретает негативную коннотацию, которая используется для выстраивания оппозиции «свой–чужой». В выступлении на 58-м Национальном молитвенном завтраке (4 февраля 2010 года) Б. Обама актуализирует библейский образ Вавилонской башни в качестве метафоры социальной дезинтеграции. В предложенной концептуализации политический кризис репрезентируется как утрата общенациональной цели – продвижения

демократических идеалов – и подмена её дискуссионными противостояниями и властными амбициями. Данный риторический приём служит целям критики политической разобщённости и артикуляции необходимости консолидации вокруг базовых демократических ценностей:

(32) *We become absorbed with our abstract arguments, our ideological disputes, our contests for power. And in this **Tower of Babel**, we lose the sound of God's voice.* (B. O. – Address at the 58th National Prayer Breakfast, 4.02.2010)

В высказываниях Дональда Трампа под «чужими» понимаются различные политические режимы и силы, не соответствующие демократическим идеалам. По мнению политика, стремление к власти приводит к неправильному её использованию и влечёт за собой негативные последствия для общества:

(33) *Socialism's thirst for power leads to expansion, incursion, and oppression. All nations of the world should resist socialism and the misery that it brings to everyone. In that spirit, we ask the nations gathered here to join us in calling for the restoration of democracy in Venezuela. Today, we are announcing additional sanctions against the repressive regime, targeting Maduro's inner circle and close advisors.* (D. T. Addresses the 73rd Session of the United Nations – 25.09.2018)

В данном отрывке 45ый президент США говорит о негативных последствиях прихода к власти социалистов. Режим Николаса Мадуро, по мнению США, не соответствует демократическому мироустройству (*repressive regime*). Трамп транслирует идею о том, что социализм не способен привести страну к процветанию. Для выражения этой идеи используются слова с пейоративной коннотацией (*expansion, incursion, and oppression*).

В других высказываниях Дональд Трамп говорит о своих политических оппонентах – Демократической партии США, называя их борьбу за власть «трусливым поиском власти» и «жаждой власти»:

(34) *But the radical Democrats are willing to do anything to smear anyone and to lie about everything in their **craven quest for power and money***

and other things, I guess. I don't want to tell you what those other things are, but they're not good. (D. T. Addresses the 2020 Young Black Leadership Summit, 4. 10. 2019)

(35) *And in their **lust for power**, the Democrats have become totally unhinged. They've gone – they've gone crazy. No, they've gone crazy. Now the Democrats – or as some people would says, the Dims – the Dims – who says that?* (D. T. Holds a Political Rally in Council Bluffs, Iowa, 9. 10. 2018)

Как видно из примеров, оппозиция «свой – чужой» играет важную роль в речи обоих политиков, однако в речах Б. Обамы референтом «чужого» становятся внутренние разногласия в обществе, в то время как в речи Дональда Трампа «чужой» представляет собой идеологических противников политического курса президента Америки, а именно социализм и демократическую партию США.

Анализ глагольных синтагм выявил тенденцию к концептуализации понятия власть с позиции объекта обладания и манипуляции. Наблюдается значительное разнообразие глагольных сочетаний с семантикой обладания, распределения и трансфера: (hold power in our hands, use power, transfer power, give power, provide affordable power, building up power, forge power, got back into power):

(36) *We, the people, **hold in our hands the power** to choose our leaders and change our laws, and shape our own destiny.* (B. O. – Commencement Address at the University of Michigan, 01. 05.2010)

(37) *That's true in Yemen, where President Saleh needs to follow through on his commitment **to transfer power**. And that's true today in Bahrain.* (B. O. – On American Diplomacy in Middle East and Northern Africa 19.05. 2011)

(38) *We're here now because tens of millions of Americans have placed their hopes in us **to transfer power** from Washington, D.C. and give it back to the people. So important. Now we have to deliver.* (D. T. – Republican Retreat in Philadelphia – 26.01.2017)

(39) *Fourth and finally, our strategy is to advance American influence in the world, but this begins with **building up our wealth and power** at home. America will lead again.* (D. T. – Speech on National Security Policy – 18. 12. 2017).

Рассмотренные контексты раскрывают различные грани репрезентации атрибутивно-субстанционального измерения власти:

- 1) власть как субъективное право (hold the power), где акцентируется народный суверенитет;
- 2) власть как объект трансфера (transfer power), отражающий процесс перераспределения властных полномочий;
- 3) власть как накапливаемый ресурс (building up our wealth and power), представляющий стратегический подход к усилению государственного могущества.

Примечательно, что оба политика используют одинаковые структурные типы синтагм, однако наполняют их различным идеологическим содержанием. Если Обама актуализирует ценности демократического участия, то Трамп делает акцент на национальном суверенитете и защите интересов нации.

Кроме того, в анализируемых примерах раскрывается критический аспект концептуализации власти, который проявляется через противопоставление легитимной и нелегитимной форм правления:

(40) *I suffer no illusions about Saddam Hussein. He is **a brutal man. A ruthless man. A man who butchers his own people to secure his own power.** He has repeatedly defied UN resolutions, thwarted UN inspection teams, developed chemical and biological weapons, and coveted nuclear capacity.* (B. O. – Speech Opposing the War in Iraq at Federal Plaza, 02.10.2002)

В приведённом примере Саддам Хусейн назван *brutal man, ruthless man*. Ряд однородных глагольных словосочетаний используется для описания действий, противоречащих американскому представлению о либеральных ценностях и демократии (he has defied UN resolutions, thwarted UN inspection teams, developed chemical and biological weapons, coveted nuclear capacity). Как и в остальных подобных высказываниях, данное слово имеет негативную окраску (unchecked power, monopoly of power, grab for power), которая служит для дискредитации оппонента через его отождествление с угрозой базовым ценностям и безопасности.

Во фрагменте речи Дональда Трампа доминирует идея опасности, которую представляет приход к власти оппонентов:

(41) *If the Democrats ever got back into power, they would vote to raise your taxes; release **dangerous** criminals; open your borders; **shut down this great surge** of American energy that is **tremendous** for jobs, **tremendous** for the economic wellbeing of our country, and, frankly, helping the world.* (D. T. Address the National Republican Congressional Committee Dinner – 20.03. 2018)

Обращает на себя внимание то, что избираемые президентом языковые средства аналогичны тем, которые были отмечены в речи его предшественника. Оба президента используют оценочные прилагательные и ряд однородных глагольных синтагм с негативной коннотацией, создавая образ прямой и неизбежной угрозы, исходящей от оппонента. Принципиальное различие заключается в локусе этой угрозы: если Обама актуализирует образ внешнего противника, действия которого противоречат международным нормам, то Трамп фокусируется на внутренней опасности, исходящий от его оппонентов и тех представителей власти, чьи действия направлены на реализацию собственных интересов в ущерб благополучию американского народа.

Данный аспект можно определить как нормативно-оценочный, где власть концептуализируется через призму бинарной оппозиции «легитимная/нелегитимная». Критерием легитимности выступает соответствие американской модели демократии, а нелегитимная власть ассоциируется с угрозой как для собственного населения, так и для международной безопасности. Оба президента, несмотря на различия в риторике, используют сходные лингвистические механизмы для конструирования образа «врага» через дискредитацию его властных полномочий.

Таким образом, анализ глагольных синтагм подтверждает наличие атрибутивно-субстанциональной концептуализацию власти, где она осмысливается как объект обладания, распределения и накопления. При этом выявляется значимый нормативно-оценочный аспект, проявляющийся в бинарной оппозиции «легитимная/нелегитимная» власть. Различия в семантическом наполнении

аналогичных синтаксических конструкций отражают идеологическую дихотомию в понимании природы власти и её легитимации в дискурсе исследуемых политиков: если Обама акцентирует ценности демократического участия и международной легитимности, то Трамп делает акцент на национальном суверенитете и прагматических интересах, используя при этом одинаковые лингвистические механизмы конструирования образа власти. Оба дискурса характеризуются использованием глагольных синтагм, содержащих оценочную лексику с пейоративной коннотацией для делигитимации политических оппонентов через отождествление угрозой базовым ценностям и безопасности.

2.4. Синтагматическое описание реализации термина “authority”

Анализ литературы, посвящённой исследованию понятия «власть» в англоязычном политическом дискурсе, показал, что в отличие от “power”, термин «authority», достаточно редко становился объектом изучения. Очевидно, это объясняется меньшей частотностью данной единицы, что подтверждается и рассматриваемым нами материалом. Число употреблений *authority* в речи Барака Обамы в 4,5 раза меньше, а в речи Дональда Трампа в 5 раз меньше, чем число употреблений лексики *power*. При этом частотность употребления данной лексики в речи Дональда Трампа в 2,5 раза меньше, чем частотность использования *authority* в речи Барака Обамы.

Коллигационные характеристики синтагм, включающих рассматриваемое слово, определяются наличием субстантивных и глагольных синтагм, которые в речах Б. Обамы и Д. Трампа имеют определенные качественные и количественные различия.

Семантика данной лексики описывается в работе И.И. Чироновой, которая выделяет в семантической структуре слова следующие компоненты: «органы управления», «авторитет» (характерны только для термина *authority*) «контроль, господство», «право, возможность управления», «должностные лица» «способность влиять», отмечая при этом, что такие компоненты, как «могущество,

влияние, сила», «форма управления», присущие варианту power, отсутствуют [Чиронова, 2014: 53-54].

Мы считаем, что для раскрытия особенностей реализации данной единицы в контексте семантики, синтагматики и прагматики целесообразно исходить из того, что в анализируемом материале реализуются два значения слова номинативное значение “the power or right to make important decisions and control people”; и номинативно-производное значение “people or organization/institution with power”. Первое связано с семантикой возможности/права оказывать влияние, а второе – с возможностью принуждать других к соблюдению собственной воли.

Далее зарегистрированные типы синтагм будут рассмотрены в аспекте их структурно-семантических и прагматических особенностей.

Субстантивные синтагмы

Субстантивные синтагмы в речи Барака Обамы включают словосочетания с прилагательным в препозиции (Adj + N) – 21,9%; и предложно-субстантивные словосочетания (in / within / under my +N, N + of + N) – 20%; в речи Дональда Трампа зарегистрированы субстантивные синтагмы с препозитивным прилагательным (adj + N) – 57%.

Субстантивные словосочетания с прилагательным в препозиции (Adj + N) используются в высказываниях, содержащих обоснование законности и морального права США диктовать правила внешнеполитической игры в противовес странам, чьё правительство не разделяет демократические идеалы Америки. В таких словосочетаниях наиболее распространёнными определениями являются прилагательные moral и legal. Рассмотрим фрагмент, в котором президент провозглашает гуманность американской власти даже по отношению к преступникам, объясняя своё решение закрыть тюрьму в Гуантанамо.

(1) In America, it is written into our founding documents as "life, liberty, and the pursuit of happiness." In France: "Liberté" – absolutely – "égalité, fraternité." Our moral authority is derived from the fact that generations of our citizens have fought and bled to uphold these values in our nations and others.
(B. O. – Address in Strasbourg Town Hall, 03.04.2009)

Моральное право обосновывается посредством использования интертекстуальных включений (лозунга французской революции, в ходе которых была свергнута абсолютная монархия) и отсылок к традициям американской демократии (цитат из Декларации Независимости), связанных с историческим опытом демократизации. Использование цитат в сочетании с синтагмами, содержащими лексемы, связанные с понятиями морали и власти, помогают политику легитимизировать действия Америки, ссылаясь на предшествующие исторические события, в результате которых в Америке и Франции укоренились демократические принципы управления государством. Барак Обама транслирует образ американского правительства как продолжателей традиций отцов-основателей, создавших первое демократическое государство в современной цивилизации. Приведем примеры.

(2) *But until that happens, there are actions I have the **legal authority** to take as President – the same kinds of actions taken by Democratic and Republican presidents before me – that will help make our immigration system more fair and more just.* (B. O. – Address to the Nation on Redressing U.S. Immigration Policy, 20.11.2014)

В следующем примере синтагма с прилагательным в препозиции входит в состав субстантивного словосочетания N+of+N:

(3) *That is the source, **the moral source of America's authority**. Since the days of Franklin Roosevelt, and the service and sacrifice of our grandparents and great grandparents, our country has borne a special burden in global affairs.* (B. O. – Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan, 01.12.2009)

Для того, чтобы подтвердить легитимность собственной власти, Барак Обама ссылается на предыдущий опыт американских президентов (*the same kinds of actions taken by Democratic and Republican presidents before me*), безотносительно принадлежности к какой-либо партии, ставя процветание американской системы управления выше соперничества между демократами и республиканцами. В политических речах, посвященных внешней политике США, словосочетания,

включающие компоненты *moral* и *legal* приобретают еще большую функциональную нагрузку, связанную с интерпретацией власти как возложенной на эту страну миссии. Демократические страны представлены с позиции имеющих моральное и законное право диктовать «правила внешнеполитической игры», (*the moral source of America's authority*) в противовес странам, чья политика не согласуется с взглядами США на общемировые вопросы.

Тесная связь между властью и демократическими ценностями отчетливо прослеживается во многих речах Обамы, где утверждается мысль о том, что основа демократии – это сочетание различных (а зачастую, и противоречивых) идей, мнений и взглядов, в частности идеи о сочетании военной мощи страны с мирной, гражданской властью:

*(4) We want to build up a strong foundation for national reconciliation, which means reconciliation not just between the different ethnic groups and between different religious groups, but between different ideas – for example, between the idea of **military supremacy** and the idea of **civilian authority over the military**, which is the foundation of democracy. So, we want to exchange views and to come to an understanding with all those who at this. (B. O. – Joint Press Conference with Daw Aung San Suu Kyi, 14.11.2014)*

Словосочетание с лексемой *authority* в этом фрагменте коррелирует с теми с синтагмами, которые объединены идеей взаимопонимания, согласия, сотрудничества (*all of us want is what is best for the country; exchange views, come to an understanding*), что обеспечивает пафосное выражение идеи о стремлении к процветанию Америки.

Субстантивное словосочетание с предлогом *of* представляет собой ещё одну достаточно типичную коллигационную модель реализации слова *authority* в дискурсе Барака Обамы. Реляционный аспект власти находит отражение в словосочетаниях, обозначающих виды и границы власти (*the set of authorities that we have, the limits of my executive authority*).

*(5) But we have the **distribution of authority we have now** in the Congress and what we're going to have in January, and I think this is a much, much better*

agreement than would be reached were we to wait until January. (Barack Obama & William J. Clinton –Press Conference on Tax Cuts, 10.12.2010)

Субстанционально-атрибутивная интерпретация отличает словосочетания, в которых слово *authority* связано с другим полнозначным компонентом фразы не предметными, а процессными отношениями: ядерный компонент словосочетания сохранил в своей семантике значение действия, например: *use of executive authority, loss of authority, the distribution of authority*. Во всех случаях контекст, в котором реализуются словосочетания с атрибутом *moral*, связан с демократическими ценностями или идеалами Америки: власть морально оправдана только если это власть народа или власть, направленная против тирании и диктатуры.

Предложно-субстантивные синтагмы в большинстве своём связаны с реализацией идеи собственной власти президента как права, данного по закону и направленного на благо народа, которому президент служит. Такие словосочетания представляют собой типичный способ выражения реляционного аспекта власти – власть описывается как некое отношение между агентами, при котором один из них оказывает влияние на второго. Можно сделать вывод, что подобная трактовка власти для Обамы раскрывает понятие власти с точки зрения некоего атрибута или ресурса, с помощью которого политик меняет окружающую действительность. Субъектом власти выступает непосредственно президент Обама, который оказывает влияние на различные институты государственной системы (Конгресс, Республиканцы и т. д.) с целью создания или увеличения благ и процветания Американской нации.

Предложно-субстантивные синтагмы представляют собой клишированные словосочетания, ядерный компонент которых, как правило, имеет при себе определение, указывающее на законность власти (*existing, existing legal, moral, lawful, presidential and judicial*), например:

*(6) Until we have a Congress that's in line with the majority of Americans, there are actions within **my legal authority** that we can take to help reduce gun violence and save more lives.* (B. O. – On Reducing Gun Violence and Making Our Communities Safer, 05.01.2015)

(7) *So, I was left with little choice but to take steps within **my existing authority** to make our immigration system smarter, fairer, and more just.* (B. O. – Press Conference on USSC Ruling in U.S. v. Texas, 23.06.2016)

Акцент на законность власти обеспечивается за счет повтора слов с общим корнем -law-, как, например, в нижеследующем примере, где дважды повторяется прилагательное *legal*, синонимичное ему определение *lawful* и однокоренные слова *laws*, *lawyers*, которые обнаруживают фонологическое сходство с целым рядом лексических единиц, включающих фонему [l]:

(8) *I am absolutely convinced this is well within my **legal authority**, Department of Homeland Security's **legal authority**. If you look at the precedent, if you look at the traditional discretion that the executive branch possesses when it comes to applying immigration laws, I am convinced that what we're doing is lawful, and our lawyers are convinced that what we're doing is lawful.* (B. O. – Post G7 Conference Presser, 08.06.2015)

Практически в каждом примере решимость приложить все усилия для решения внутренних проблем американского государства подчеркивается за счет использования предикативных словосочетаний с модальностью намерения и решимости, в которых субъект выражен личным местоимением 1 –го лица единственного числа “I” (*I intend, I'm going to, I feel obliged to do, I was left with little choice but...*):

(9) *So I intend to continue to do what I've been doing, which is where I see a big problem and the opportunity to help the American people, and it is within **my lawful authority** to provide that help, I'm going to do it.* (B. O. – End of Year Press Conference, 19.12.2014)

(10) *...is I feel obliged to do everything I can **lawfully** with **my executive authority** to make sure that we don't keep on making the system worse...* (B. O. – Presser on Republican Midterm Election Victory, 05.11.2014)

Таким образом, использование предложно-субстантивных синтагм, содержащих лексему *authority*, направлено на выражение идеи о том, что власть есть право, данное президенту законом, приносящее благо народу, которому

президент служит, и направленное на реализацию демократических ценностей и свобод.

В дискурсе Дональда Трампа, как уже было сказано выше, субстантивные словосочетания представлены только одним типом (Adj + N).

Практически все словосочетания adj + N представляют собой клишированные единицы с ограничивающими определениями. Подавляющее большинство (более 70% от общего числа атрибутивных синтагм) – это прилагательные, принадлежащие семантическому полю «уровни власти», *local* и *federal*, которые в сочетании с лексической единицей *authority* образуют словосочетания терминологического характера. Около 30% употреблений данных словосочетаний связано с контекстами, в которых речь идёт о кооперации и сотрудничестве между федеральными, местными властями и администрацией президента в ситуациях угрозы внутреннему порядку и стабильности США, а также угрозы демократическим ценностям и свободам. Например, в речи, произнесённой в Индианаполисе 27 октября 2018 года, Д. Трамп упоминает инцидент со стрельбой в синагоге Питтсбурга, произошедший накануне:

(11) *The shooter is in custody and federal authorities have been dispatched to support state and local police and conduct a full and thorough federal investigation. This wicked act of mass murder is pure evil, hard to believe, and frankly, something that is unimaginable. Our nation and the world are shocked and stunned by the grief.* (D. T. – Future Farmers of America in Indianapolis – October 27, 2018)

В другом выступлении, произнесённом в тот же день в городе Мерфисборо, оратор также указывает на то, что федеральные власти делают всё возможное для восстановления порядка и поиска виновных в трагических событиях в Питтсбурге:

(12) *The federal authorities are on the scene and leading an aggressive federal investigation. State and local law enforcement has been incredible. This evil, anti-Semitic attack is an assault on all of us. It's an assault on humanity.* (D. T. – Political Rally in Murphysboro, Illinois – October 27, 2018)

С одной стороны, президент США отчитывается о действиях, предпринятых его правительством для устранения последствий трагических событий, акцентируя внимание публики на оперативность и слаженность действий с помощью словосочетаний, содержащих компоненты, принадлежащие к семантическому полю «государственное устройство и политическая жизнь»: *have been dispatched... to support... conduct a full and thorough federal investigation..., State and local law enforcement has been incredible*. С другой стороны, он использует лексику с пейоративной коннотацией: *wicked, pure evil, unimaginable, assault on humanity* и т. д. Таким образом Дональд Трамп выстраивает оппозицию «свой/чужой». Президент заявляет, что подобные события не являются нормой в демократическом обществе, и правительство делает всё возможное для того, чтобы разобраться в произошедшем и наказать виновных.

Приведем примеры высказываний, связанных с действиями правительства США по преодолению последствий стихийных бедствий.

(13) *We are closely monitoring the situation and **coordinating with local authorities**. It is all the more reason why we must start immediately fixing the infrastructure of the United States. When we're in trouble, we **pull together**, we **pull together like nobody**.* (D. T. – Speech on National Security Policy – December 18, 2017)

(14) *From Texas to Louisiana to Florida, Alabama, South Carolina, the Virgin Islands, and Puerto Rico, we are **coordinating closely with local authorities** to help everyone impacted by these catastrophic storms.* (D. T. – Weekly Address – Washington, DC – September 15, 2017)

(15) *We are working night and day and **cooperation** with territorial and local authorities **to assist those in need, to help** save and sustain lives, and to begin the long recovery and rebuilding effort.* (D. T. – Weekly Address – Washington, DC – September 29, 2017)

Приведём еще один, достаточно типичный, пример того, как президент утверждает важность идеи кооперации и сотрудничества между местными и

федеральными органами власти для успешной реализации поставленных политических целей.

(16) *And I know most of you in this room – I think probably everybody in this room – works brilliantly with our federal authorities. And it's our honor to do it – including funding, by the way – including funding. Thank you. Last week, my administration also provided historic levels of funding to improve school safety.* (D. T. Addresses the International Association of Police Chiefs – October 8, 2018)

Таким образом, в отличие от Барака Обамы, который транслирует идею законности власти, используемой президентом во благо народа и с целью утверждения демократических ценностей, Дональд Трамп выдвигает на передний план образ власти как команды людей, эффективно работающих над решением возникающих проблем. В этом отношении кооперация между местными и федеральными властями является ключевым фактором для обеспечения успеха предпринимаемых действий. Сам президент при этом, выступает как координатор, осуществляющий контроль за процессом решения проблем и обеспечения благополучия американского народа и процветания американского государства.

Глагольные синтагмы

Глагольные словосочетания в речи Барака Обамы (53,5% всех исследуемых синтагм) и Дональда Трампа (40% всех исследуемых синтагм) представлены базовыми структурными типами V+N+inf и V+N. Следует, однако, сказать, что в речи Барака Обамы данные базовые типы подвергаются процессам синтаксического расширения до типов V+adj+inf и V+N+of.

У обоих президентов в глагольных синтагмах понятие власти интерпретируется с позиции инструмента, «объекта отчуждаемой принадлежности» [Шейгал, 2000:100], которой можно обладать, который можно использовать, передавать и т.д., что отражает субстанционально-атрибутивный аспект описываемого понятия. Такая интерпретация власти находит отражение, прежде всего, в семантике используемых глаголов.

Репертуар глаголов в речи Дональда Трампа отличается бóльшим разнообразием (use, give, take, expand, centralize, regulate, detain, reduce, prosecute, tie down, restore, uphold, test) по сравнению с речью Барака Обамы (have, use, exercise, renew, update, transfer, expand, question). Проведенный анализ позволяет выявить различия в концептуализации власти: в дискурсе Барака Обамы власть осмысливается преимущественно через призму легитимного обладания и трансформации (have, exercise, review, update, transfer), в то время как в дискурсе Трампа акцентируется принудительный характер власти и её перераспределение (centralize, regulate, detain, prosecute, take, give)

Общим для обоих политиков остается базовый концепт власти как инструмента воздействия (use, expand), однако их дискурсы принципиально различаются в аспекте легитимации власти: если Обама подчеркивает её производный от институтов характер, то Трамп актуализирует личностно-волевое начало.

Наиболее частотными глаголами, зарегистрированными в глагольных синтагмах в речи Барак Обама, являются глаголы have и exercise:

(17) *We learned that mortgages had been sold to people who couldn't afford or understand them. Banks had made huge bets and bonuses with other people's money. Regulators had looked the other way or didn't **have the authority to stop the bad behavior**. It was wrong. It was irresponsible.* (В.О. – Third Presidential State of the Union Address, 24.01.2012)

В выступлении, посвященном ливийскому кризису при режиме Муаммара Каддафи и общей обеспокоенности европейских стран политической ситуацией в регионе, термин **authority** используется для обозначения легитимной силы международного демократического сообщества:

(18) *And when the civilians of Benghazi were threatened with a massacre, we **exercised that authority**. Our international coalition stopped the regime in its tracks, and saved countless lives, and gave the Libyan people the time and the space to prevail. ...The United States was proud to play a decisive*

role, especially in the early days, and then in a supporting capacity. (B.O. – Speech at United Nations High-Level Meeting on Libya, 20.09.2011)

Акцент в высказывании делается на том, что именно коллективные усилия демократических государств способствовали утверждению демократических принципов в Ливии. При этом Обама особо выделяет решающую роль США в урегулировании кризиса (“a decisive role”). Политик характеризует прежний ливийский режим как «четыре десятилетия мрака», возлагая на него ответственность за подавление свобод и установление диктатуры, основанной на страхе и военной силе. В противоположность этому, по его утверждению, после интервенции Ливию ожидает новый, прогрессивный этап развития (“a democratic Libya, restoring prosperity, Libyan people, this is your choice”). Authority как объект также описывается с позиции ресурса, в котором можно нуждаться, чтобы обеспечить мировую безопасность в борьбе с терроризмом:

(19) We need more resources and authority to strengthen international inspections. We need real and immediate consequences for countries caught breaking the rules or trying to leave the treaty without cause.

(B.O. – Speech at Hradcany Square in Prague, 05.04.2009)

Использование модальности долженствования (need, should) в сочетании с прилагательными real and immediate (consequences), а также личного местоимения первого лица множественного числа служит целью подчеркнуть важность проблемы и убедить общественность в необходимости объединиться в противодействии международному терроризму.

Альтернативная концепция власти находит своё выражение в дискурсе Барака Обамы через использование глаголов review, update, transfer и им подобных. Подобная трактовка соотносится с пониманием власти как «открытого пространства значительной протяженности, в пределах которого существуют и действуют субъекты и объекты политики» [Шейгал, 2000: 101]. В рамках этой модели границы власти рассматриваются как динамические и подлежащие пересмотру: *reviewing the authorities of law enforcement, to update the authorities that law enforcement uses, to expand the authority of courts, we've transferred detention*

authority. При этом пересмотр власти возможен в том случае, когда речь идёт о соблюдении демократических принципов и свобод граждан, а также в целях обеспечения безопасности. В качестве иллюстрации можно рассмотреть высказывание, в котором обосновывается потребность в корректировке полномочий правоохранительных органов:

(20) *That means reviewing the authorities of law enforcement, so we can intercept new types of communication, but also build in privacy protections to prevent abuse. That means that – even after Boston – we do not deport someone or throw somebody in prison in the absence of evidence...* (В. О. – Address on Drones and Terrorism at the National Defense University, 23.05.213)

Наконец, понятие власти интерпретируется как атрибут политического деятеля, его право или компетенция, которая может быть подвергнута сомнению (*question my authority to make our immigration system work better, question the wisdom of me acting where Congress has failed*). В приводимом ниже примере президент подвергает критике представителей обеих партий в Конгрессе США в связи с их разногласиями по вопросу принятия иммиграционного закона. С точки зрения Обамы, партийные противоречия не должны препятствовать достижению общей цели, и в этом контексте президентская власть предстаёт в качестве консолидирующего фактора для правительства США.

(21) *And to those members of Congress who **question my authority to make our immigration system work better**, or question the wisdom of me acting where Congress has failed, I have one answer: Pass a bill.* (В. О. – Address to the Nation on Redressing U.S. Immigration Policy, 20.11.2014)

Очевидно, что политическая и государственная власть, по сути, представляют собой две стороны одного и того же понятия, поскольку политическая власть априори возможна «исключительно в рамках государства и предполагает наличие государства» [Федоровских, 2015: 43]. В дискурсе президента употребление лексических единиц, обозначающих понятие власти, связано со смежными понятиями, которые обозначают атрибуты государства и государственной власти.

Эта связь находит отражение в сочинительных словосочетаниях, где объединяются понятия «власть» и «ресурсы государства». Примерами могут служить фрагменты, в которых утверждается необходимость укрепления военного комплекса Америки и усиления военной мощи страны:

(22) *Tonight, I call on Congress again to give us additional authorities and resources to train and equip these fighters.* (B. O. – Address to the Nation on the Islamic State of Iraq and the Levant, 10.09.2014)

Таким образом, проведённый анализ глагольных синтагм с лексемой *authority* в дискурсе Б. Обамы выявляет комплексную концептуализацию власти, при которой власть осмысливается как легитимный ресурс, реализуемый в рамках правового поля и подверженный трансформации в соответствии с изменяющимися политическими условиями, что отражает прагматический подход к управлению при сохранении демократических принципов.

В синтагмах типа V+N в речи Дональда Трампа власть трактуется как объект приобретения, использования, передачи или утраты (*restore the authority, to use his authority, exercising our full legal authority, they gave us the authority, They've taken the authority away*).

Подобно Обаме, Трамп концептуализирует власть как инструмент политической деятельности, используя глаголы *have* и *use*. Однако его дискурс отличается набором глаголов (*give, centralize, restore, expand, take away*), где центральное место занимают частотные лексемы *centralize* и *take away* (фрагмент 26), составляющие половину всех употреблений. Значимо, что данные глаголы имеют сходную прагматическую функцию, актуализируя критический дискурс в адрес противников политического курса Дональда Трампа, стремящихся, по мнению политика, к дестабилизации ситуации в стране и ухудшению качества жизни граждан:

(23) *For too long, politicians have tried to centralize authority among the hands of a small few in our nation's capital. Bureaucrats think they can run your lives, overrule your values, meddle in your faith, and tell you how*

to live, what to say, and how to pray. (D. T. addresses the Value Voters Summit – October 13, 2017)

Трамп воспринимает это как угрозу демократическим ценностям свободы, о чём свидетельствует номинация субъектов власти, осуществляемая через контекстные синонимы, имеющие пейоративную коннотацию (politicians, beurocrats; anarchists, agitators).

Ряд случаев употребления синтагмы V + authority (с глаголами *restore, vest, have*) связан с описанием власти как суверенного права штатов и граждан, подлежащее восстановлению и передаче на локальный уровень:

(24) *We're also going to do whatever we can **to restore the authority** of the states when that is the appropriate thing to do. We're going to give you back a lot of the powers that have been taken away from states and great people and great governors.* (D. T. Addresses the National Governors Association Meeting – February 27, 2017)

В подобных контекстах власть вербализуется как объект децентрализации и репатриации, что отражает идеологическую установку на возвращение властных полномочий от федерального правительства к штатам и народу.

Ещё одна группа примеров употребления синтагмы V + authority связана с военной и полицейской силой Америки. Здесь используются глаголы *take, use, give, expand*. Для данной группы высказываний характерно то, что политик говорит не только о внутренних органах власти (“*authorities for American armed forces*”, “*take away authority from our police*”), но и о власти других стран:

(25) *The Iranian regime has also intimidated international inspectors into **not using the full inspection authorities** that the agreement calls for.* (D. T. Addresses Iran Strategy – October 13, 2017)

Как и Барак Обама, Дональд Трамп видит угрозу в недемократических режимах, которые не соблюдают «демократические» протоколы ведения политического процесса и препятствуют местным властям в обеспечении демократических прав и свобод граждан. Однако, число высказываний, в которых Дональд Трамп затрагивает внешнюю политику значительно меньше, чем в текстах

Барак Обама – основное внимание политика остаётся сосредоточенным на вопросах внутренней политики США:

(26) *They've **taken the authority away** from our police, our great police. They've taken their authority and their dignity away. We're giving it back, we have to, we have to.* (D. T. Holds a Campaign Rally in Mosinee, Wisconsin – September 17, 2020)

В данном отрывке личное местоимение 3-го лица “*they*” относится к участникам протестного движения, которое развернулось в Америке как реакция на введение коронавирусных ограничений и движения BLM (Black Lives Matter).

Ещё одним типом глагольных синтагм является структура V+ authority + to inf. В синтагмах данного типа власть интерпретируется как инструмент изменения окружающей действительности:

(27) *So what I'm asking Congress to do is **to give us ... the legal authority to detain and promptly remove families together as a unit.** We have to be able to do this. This is the only solution to the border crisis. We have to stop child smuggling.* (D. T. – Delivers a Speech at the Federation of Independent Businesses – June 19, 2018)

При этом четверть всех употреблений синтагмы V+ authority + to inf связана с использованием власти для защиты американской нации и материального благополучия Америки. В основном, данная структура реализуется посредством глаголов и глагольных словосочетаний, с семантикой регулятивного воздействия (*regulate, detain, prosecute, reduce*), силового принуждения (*fight, remove, bring, tie down*), защитных мер (*protect, keep safe, restore*).

Три четверти случаев употребления синтагмы V+ authority + to inf связаны с использованием власти для решения внутренних проблем Америки. Рассмотрим пример, в котором идёт речь о второй поправке к Конституции и праве на ношение оружия:

(28) *My administration has also curtailed the harmful and intrusive use of federal consent decrees, which wrongly **give** meddlesome officials in Washington D.C., immense **authority to tie down** local police departments and*

make it very difficult to do their work. No longer will federal bureaucrats micromanage your local police...(D. T. – Addresses the International Association of Chiefs of Police – October 28, 2019)

По мнению президента, это право позволяет обеспечить необходимую безопасность для граждан США. Дональд Трамп говорит о том, что бюрократия в полицейской системе препятствует эффективному решению проблемы преступности. Единственное решение этой проблемы – *“is to put criminals with firearms behind bars”*, выраженное через фразеологическое сочетание *behind bars*, а также с помощью лексических единиц, обладающих пейоративной коннотацией (*harmful, intrusive, wrongly, meddling*) – тем самым президент Трамп транслирует пренебрежительное отношение к преступникам, демонстрируя, что американское правительство имеет достаточно власти, чтобы изменить законодательную базу США и дать полиции больше власти для борьбы с преступностью.

Другими примерами могут служить контексты, в которых политик затрагивает миграционный кризис:

(29) *...giving us the legal authorities and the resources to detain and remove illegal immigrant families all together* (D. T. Delivers a Speech at the Federation of Independent Businesses – June 19, 2018)

(30) *Heidi was also against us from the very beginning of the travel ban, a common-sense policy to improve our vetting and our national security. And I'm proud to report that, just yesterday, the Supreme Court upheld the travel ban... and our authority to keep America safe. USA! USA! USA!”* (D. T. Holds a Political Rally in Fargo, North Dakota – June 27, 2018).

В данном отрывке речь идёт о запрете на въезд в США для граждан Сирии, Ливии, Йемена, Ирана и Сомали (URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-44619976>). Критикуя точку зрения Хайди Байрих (специалист по вопросам экстремизма и расизма, критиковавшая законы администрации Трампа), Д. Трамп называет свою миграционную политику *“common-sense”* (политика «здравого смысла»), используя прилагательное с мелиоративной коннотацией и прибегая к методу «логического убеждения», и объясняет необходимость данного запрета

возможностью улучшить методы досмотра: *“policy to improve our vetting and our national security”*.

Анализ глагольных синтагм с лексемой *authority* в дискурсе Д. Трампа выявляет важную роль оппозиции «свой–чужой», а также явный акцент на перераспределении властных полномочий. В отличие от Обамы, Трамп последовательно вербализует понятие власти через ограниченный набор синтаксических структур (V+N, V+to inf) с доминированием глаголов с семантикой централизации и экспансии (*centralize, expand, restore, take*), что отражает его установку на ревизию сложившегося баланса власти в пользу исполнительных институтов. Ключевой особенностью становится стратегическое использование данных синтагм для критики политических оппонентов и легитимации собственных властных полномочий через противопоставление «эффективной исполнительной власти» и «бюрократической системы». Власть в дискурсе Трампа осмысливается прежде всего как инструмент силового воздействия и перераспределения, подчинённый логике политической конфронтации.

Таким образом, анализ глагольных синтагм показал, что оба президента используют в речи базовые синтаксические структуры V + N и V + to inf. Однако, наблюдаются различия в составе используемой лексики. В дискурсе Обамы преобладают глаголы с семантикой легитимного обладания и трансформации (*have, exercise, review, update, transfer*). Для Трампа характерны глаголы с принудительной и перераспределительной семантикой (*centralize, detain, prosecute, take, give*). Общим является использование базовых глаголов *have* и *use*, однако их частотность и прагматическое наполнение существенно различаются.

Это свидетельствует о различиях в концептуализации понятия власть. Барак Обама концептуализирует власть как институциональный ресурс, подлежащий адаптации в рамках правового поля. Дональд Трамп осмысливает власть как инструмент силового воздействия и перераспределения полномочий. Общим выступает понимание власти как инструмента политической деятельности, однако различия проявляются в способах легитимации: институционально-процедурных у Обамы против персонально-волевых у Трампа.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Концепт «власть» занимает центральное место в понятийной области политической онтологии. Исследования, проводимые в данном направлении, ориентируются на имя концепта, которое, в свою очередь, подвергается анализу в плане смысловой структуры слова, парадигматических и синтагматических связей с другими лексическими единицами, контекстуально и социокультурно обусловленных особенностей реализации. В центре внимания исследователей оказывается логико-понятийное осмысление концепта «власть», а предметом описания языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, обычно является их семантическая структура. При этом обнаруживается непоследовательность в описании структуры и смыслового наполнения концепта «власть» и набора включаемых в его состав лексических единиц, а также отождествление смыслового содержания концепта с семантикой языковых единиц, репрезентирующих данный концепт. Актуальным представляется вопрос о разработке методики, позволяющей выявить, каким образом речевая реализация языковых единиц, связанных с концептом власти, обеспечивает выражение того идейного содержания, которое определяет целевую установку автора политической речи на оказание определенного воздействия на аудиторию.

В качестве методологической основы при решении этого вопроса в настоящей диссертации избрана теория синтагматики, направленная на изучение составных номинативных единиц в неразрывной связи их морфосинтаксических (коллигация) и лексико-фразеологических (коллокация) характеристик с учётом всей совокупности языковых и экстралингвистических факторов. Синтагматическое описание текста на морфо-синтаксическом, лексико-фразеологическом и культурно-идеологическом уровнях даёт возможность раскрыть системные закономерности построения высказываний и эксплицировать их метасодержание.

Под метасодержанием понимается генеральная идея текста, соотносённая с интенцией говорящего и репрезентирующая ключевой смысл, направленный на оказание воздействия на аудиторию. В основу нашего исследования положена

гипотеза о том, что продуктивным способом раскрытия метасодержания публичных речей в контексте вербализации властных отношений может стать метод лингвопоэтического анализа, который изначально был ориентирован на произведения художественной литературы, но оказался востребованным и в отношении других типов текстов, реализующих функцию воздействия. Эта гипотеза была подтверждена в ходе анализа синтагм, включающих ключевые термины концепта «власть», на материале публичных выступлений американских президентов.

Анализ синтагм, содержащих лексему *power*, свидетельствует о взаимозависимости между структурными типами синтагм и актуализируемыми аспектами понятия власти («власть как держава», «власть как сила», «господство, полномочия»). Также выявлены существенные различия в коллигационных признаках словосочетаний, связанных с реляционным и субстанционально-атрибутивным аспектами власти. Установлено, что последние, интерпретируя власть как объект, отличаются большей частотностью и функциональной значимостью.

Существенные различия между речами президентов обнаруживаются при рассмотрении лексико-фразеологических характеристик синтагм. Обама использует лексические единицы с семантикой величия, превосходства, совместного действия, акцентируя идею многополярного мира и международного сотрудничества. Делая акцент на инструментально прагматическом аспекте силы, он активно использует абстрактные существительные с семантикой американских ценностей, что обеспечивает создание сложной системы ценностных ориентаций на мораль и культуру. Для речей Трампа характерны определения с пейоративной коннотацией, создающие образ стран-оппонентов как источников внешней угрозы и препозитивные словосочетания, актуализирующие идею национального могущества и политические установки республиканской партии. Различаются и способы реализации бинарной оппозиции «свой–чужой»: Обама направляет критику на внутренние разногласия и нарушения международных норм, тогда как Трамп концентрируется на внешних угрозах и политических оппонентах.

Лексема *authority* реализуется в дискурсе обоих политиков в номинативном значении, связанном с семантикой возможности/права оказывать влияние, и номинативно-производном (возможность принуждать других к соблюдению собственной воли). Речь Обамы включает бóльшую по сравнению с Трампом частотность и бóльшее структурное разнообразие синтагм с данным словом, отличается сбалансированным соотношением глагольных и субстантивных словосочетаний. Причины этих количественных и качественных различий заключаются в дискурсивной нагрузке лексемы *authority*. Если синтагмы, содержащие *power*, связаны с силовыми аспектами власти, то синтагмы с *authority* используются для подчеркивания ее правовых оснований. Для Обамы характерно использование прилагательных с семантикой легитимности и глагольных синтагм, включающих лексемы с семантикой обладания и трансформации, что актуализирует правовые и этические аспекты власти как морально легитимированного институционального ресурса, производного от правовых норм и демократических ценностей. Трамп использует глаголы с семантикой принуждения и перераспределения, акцентируя инструментально-принудительную природу власти как объекта перераспределения и централизации.

Таким образом, синтагматический анализ позволил выявить идеологические различия в концептуализации власти. Обама выстраивает модель «кооперативной гегемонии», где власть производна от демократических ценностей и международной легитимности. Трамп реализует парадигму «суверенного могущества», акцентируя национальные интересы и силовые аспекты власти. Эти различия объективируются через коллигационные и коллокационные свойства синтагм, что подтверждает методологическую ценность синтагматического анализа для выявления идеологических установок политической речи. Синтагматический анализ позволяет выявить различные идеологические парадигмы в концептуализации власти и показать, каким образом языковая репрезентация выступает в качестве диагностического маркера политико-мировоззренческих различий между исследуемыми дискурсами.

ГЛАВА III. ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВЫХ АКТОВ СО СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТОЙ «ВЛАСТЬ» В ДИСКУРСЕ БАРАКА ОБАМЫ

Исследование механизмов реализации прагматического потенциала политической речи предполагает системный анализ комплекса взаимосвязанных коммуникативных стратегий и тактик. Данный раздел фокусируется на выявлении мета-содержания публичных выступлений посредством выявления и классификации разноуровневых лингвистических маркеров, осуществляющих реализации типичных коммуникативных стратегий.

В качестве единицы анализа выступает речевой акт, включающий ключевые для концепта власти лексические единицы (*authority* и *power*). Материалом послужили 1093 текстовых фрагмента из публичных выступлений Барака Обамы (период с 2004 по 2019 гг.).

В ходе анализа материала идентифицированы следующие типы речевых актов: репрезентативы, декларативы, директивы, комиссивы. На рис. 1 приведена частотность использования указанных типов речевых актов в дискурсе Барака Обамы.

Рис. 1.

В результате анализа публичных выступлений Барака Обамы было выделено пять доминирующих дискурсивных стратегий:

интерпретационно-ориентационная стратегия;

информационная стратегия;

побудительная стратегия;

интеграционная стратегия;

агональная стратегия.

Качественные данные о частотности данных стратегий в исследуемом дискурсивном пространстве визуализированы на рисунке 2.

Рис.2

Ниже представлены результаты лингвистического анализа, демонстрирующие вербализацию метасодержания посредством комплекса разноуровневых языковых средств.

3.1. Интерпретационно-ориентационная стратегия

Интерпретационно-ориентационная стратегия в анализируемом материале является наиболее репрезентативной: она отличает более трети (37%) речевых актов. Данная стратегия зарегистрирована в двух типах РА – репрезентативных и декларативных.

Посредством репрезентативных РА президент осуществляет передачу информации, которая оказывает воздействие на существующую в сознании адресата картину политического мира. Основной тактикой в репрезентативах является идентифицирующая, т.е. тактика, связанная с индивидуализацией политического курса. Президент выражает собственную позицию относительно того, как должно функционировать демократическое общество, рассказывает о планируемых реформах и объясняет необходимость их принятия, а также освещает работу правительства. Примерами могут служить текстовые фрагменты, в которых президент затрагивает вопрос миграционной политики США (1), (2) и говорит о необходимости смены приоритетов во внешней политике государства (3):

(1) In the meantime, what I've asked Jeh Johnson to do is to look at what kinds of executive authorities we have in order to make the system work better. And we've had a lot of stakeholder discussions; that set of proposals is being worked up. And the one thing that I think has happened was the issue with unaccompanied children that got so much attention a couple of months back. And part of the reason that was important was not because that represented a huge, unprecedented surge in overall immigration at the border... (B. O. – On Iraq and Ukraine, 29.08.2014)

(2) And my hope is, is that after a number of the other issues that we're working on currently get cleared, that some quiet conversations start back up again, particularly in the Republican Party, about the shortsighted approach that they're taking when it comes to immigration. (B. O. – Post G7 Conference Presser, 8.06.2015)

(3) I made this decision with an appreciation of history – how the United States, as a Pacific power, has been a stabilizing presence here for seven decades. And I made it with an eye on the future – because as the home of half of humanity and some of the fastest-growing markets in the world, the security and prosperity of the Asia Pacific is vital to the national interests of the United States. (B.O. – ASEAN Business and Investment Summit Address, 21.11.2015)

В декларативных РА интерпретационно-ориентационная стратегия реализуется посредством дидактической тактики. Дидактическая тактика связана с идеями о провозглашении демократических ценностей и описания шагов, необходимых для построения демократического общества:

*(4) So no matter where it takes hold, government of the people and by the people sets a single standard for all who would hold power: You must maintain your **power through consent**, not coercion; you must respect **the rights of minorities**, and participate with **a spirit of tolerance and compromise**; you must place the **interests of your people and the legitimate workings of the political process** above your party. Without these ingredients, elections alone do not make true **democracy**. (B. O. – A New Beginning: Speech at Cairo University, 4.06.2009)*

Реализация интерпретационно-ориентационной стратегии в названных двух типах РА осуществляется, в первую очередь, через синтагмы, включающие лексическую единицу *strong* и ее производные. Многократное использование этих слов в составе речевого акта подтверждает идею о «вовлекающем потенциале» повторов как лексического средства выразительности политического текста [Симонян, 2005; Щербакова, Мирзоева, 2019; Чжао Янь, 2019; и др.], а также как средства, помогающего оратору выделить ключевые идеи речи и сконцентрировать на них внимание аудитории.

Лексические единицы со значением «сила, мощь» зарегистрированы в половине репрезентативных РА. Столь высокая частотность свидетельствует о том, что для Барака Обамы понятие власти сопряжено с идеей силы – сильной экономики, сильного вооружения, а также силы, заключённой в единстве

американского народа и в единении других государств, поддерживающих демократический путь развития:

(5) *That's why I'm asking both parties to give me **trade promotion authority** to protect American workers, with **strong new trade deals** from Asia to Europe that aren't just free but are also fair. It's the right thing to do.* (B. O. – Sixth Presidential State of the Union Address, 20.01.2015)

(6) *I believed that an invasion of Iraq without a clear rationale or **strong international support** would only strengthen the recruitment arm of al-Qaeda and erode the **good standing and moral authority** that took our country generations to build.* (B. O. – Senate Floor Speech on the Iraq War After 4 Years, 21.03.2007)

(7) *I know that the country will be **stronger** if we take this course* (B. O. – On The Use of Chemical Weapons by Syrian Government, 31.08.2013)

(8) *Their tanks were no equal to **the moral power of your voices**, united in song. Their walls were no match for the **strength of your people**, united in that **unbreakable chain**.* (B. O. – Address to the People of Estonia, 3.09.2014)

(9) *And just as the African Union has condemned coups and illegitimate transfers of power, the AU's **authority and strong voice** can also help the people of Africa ensure that their leaders abide by term limits and their constitutions.* (B. O. – Address to Representatives of the African Union, 28.07.2015)

(10) *Now, make no mistake: History is on the side of these brave Africans, not with those who use coups or change constitutions to stay in power. Africa – Africa doesn't need **strongmen**; it needs **strong institutions**.* (B.O. – Address to the Ghanaian Parliament, 11.07.2009)

В декларативных РА на первый план выходит идея ответственности – лексема responsibility встречается в 25% РА рассматриваемого типа. Президент говорит о разных проявлениях ответственности, используя субстантивные союзные и глагольные словосочетания:

authority and responsibility;

your power and your responsibility (власть и ответственность идут рука об руку);

responsibility to be open and transparent (ответственность правительства перед народом);

hard work and personal responsibility (личная ответственность каждого рассматривается как одна из ценностей американского народа);

the rights and responsibilities of all nations (права и обязанности – как основа международного сотрудничества);

put responsibility on me; to keep the responsibility (собственная ответственность перед народом); и др..

Контексты, в которых зарегистрирована данная лексема, связаны с идеей о том, что народ является главным «объектом» демократии, а его благосостояние – главной ценностью и показателем успеха реализуемой политики.

(11) *Through it all, we have never relinquished our skepticism of central authority, nor have we succumbed to the fiction that all societies ills can be cured through government alone. Our **celebration of initiative and enterprise, our insistence on hard work and personal responsibility**, these are constants in our character. ... But we have always understood that when times change, so must we; that fidelity to our founding principles requires new responses to new challenges; that preserving our individual freedoms ultimately requires collective action.* (B. O. – Second Presidential Inaugural Address. 21.01.2013)

Другой ключевой для декларативных РА единицей является слово people:

people need to feel safe in their home;

Burma's people can participate in shaping the future of their country;

...to promote reforms that would expand the political space for more people to contribute their voices;

...we are taking more steps to expand the connections between our two peoples.

Важное место в реализации интерпретационно-ориентационной стратегии занимают слова с ценностной составляющей. Высокая частотность подобной лексики зарегистрирована как в репрезентативах, так и в декларативах, однако количественный анализ показал, что в декларативных РА частотность использования лексем и словосочетаний, содержащих ценностный компонент, примерно на треть выше в сравнении с репрезентативными РА.

Анализ тематической принадлежности лексических единиц с аксиологической семантикой выявляет их системную направленность на репрезентацию базовых идеалов и ценностей американского социума. Все исследуемые единицы объединены общей функцией вербализации нормативно-ценностных ориентиров, формирующих ядро национальной идентичности. При этом наблюдается последовательная актуализация именно тех смысловых компонентов, которые отражают идеализированные представления о социальных и личностных качествах, традиционно ассоциирующихся с американской культурной парадигмой: *strength and diplomacy; you have to be persistent; new ideas, new energy and new insights; to advance the dreams of our citizens; people of faith; compassion and love; safe and respected; extraordinary confidence; the promise of freedom and dignity; generous America; compassionate America; tolerant America, open to the dreams*

Примером может служить фрагмент Послания о положении в стране, где президент утверждает право Америки вмешиваться в украинский вопрос, потому что американское правительство убеждено в правильности принципа «большие страны не имеют права запугивать маленькие»:

(12) *We need that authority. Second, we're demonstrating the power of American strength and diplomacy. We're upholding the principle that bigger nations can't bully the small – by opposing Russian aggression, and supporting Ukraine's democracy, and reassuring our NATO allies. Last year, as we were doing the hard work of imposing sanctions along with our allies, as we were reinforcing our presence with frontline states. (B.O. – State of the Union, 20.01.2015) (репрезентативный РА)*

Другим примером может служить отрывок из Второй инаугурационной речи Обамы, в котором политик артикулирует диалектику американской политической традиции, апеллируя к базовым ценностям американского общества (фрагмент 11).

В репрезентативных речевых актах частотны атрибутивные словосочетания, которые включают в себя лексемы, принадлежащие семантическому полю «правильно» и «важно»: *the right thing; critical to ensure; an important topic; vital strategic interests; the best ideas; fair elections; fair and impartial way.*

Такие словосочетания являются маркированными в плане категории коннотативности, однако экспрессивно-эмоциональные компоненты в синтагмах практически отсутствуют, степень коннотативности не является высокой и общий тон высказываний остаётся нейтральным.

В декларативных РА значительную функциональную нагрузку несут глагольные синтагмы, включающие модальные глаголы долженствования *should, need, must* (*we need more resources and authority... we should build a new framework*). Президент разъясняет те обязанности государственных структур, выполнение которых необходимо для достижения идеалов демократического общества либо для того, чтобы обозначить актуальную проблему и предложить способы её решения.

(13) *That's not how moral authority is claimed; that's how it is surrendered. Now is the time for Palestinians to focus on what they can build. The Palestinian Authority must develop its capacity to govern, with institutions that serve the needs of its peoples. Hamas does have support among some Palestinians, but they also have to recognize they have responsibilities.* (B. O. – A New Beginning: Speech at Cairo University, 4.06.2009)

(14) *...And the president should have blanket authority to do whatever he wants.* (B. O. – Speech on American Values and National Security, 21.05.2009)

Кроме того, зарегистрировано большое количество словосочетаний, включающих лексические единицы с высокой степенью пейоративной коннотации,

которые обозначают людей и явления, противоречащие демократическим ценностям американского общества:

(15) *And at the same time, I think the Caribbean, Latin America have to – Central America – have to cooperate with us to try to shrink the power of the transnational drug organizations that are **vicious and hugely destructive**. Barack Obama – Jamaica Town Hall. (B.O. – Town Hall Youth Leaders in Jamaica, 09.04.2015)*

Нижеследующий пример показателен в том плане, что он демонстрирует типичную для Барак Обама бинарную оппозицию свой/чужой.

(16) *We see ISIL, a brutal, vicious death cult that, in the name of religion, carries out **unspeakable acts of barbarism – terrorizing** religious minorities like the Yazidis, **subjecting women to rape** as a weapon of war, and claiming the **mantle of religious authority** for such actions. We see sectarian war in Syria, the **murder** of Muslims and Christians in Nigeria, religious war in the Central African Republic, **a rising tide of anti-Semitism and hate crimes** in Europe, so often perpetrated in the name of religion.[...] So how do we, as people of faith, reconcile these realities – the profound good, the strength, the tenacity, the compassion and love that can flow from all of our faiths, operating alongside those who seek to hijack religious for their own **murderous ends**? And lest we get on our high horse and think this is unique to some other place, remember that during the Crusades and the Inquisition, people committed terrible deeds in the name of Christ. (B. O. – National Prayer Breakfast Address, 05.02.2015)*

Президент противопоставляет американские ценности свободы, безопасности, гражданских прав и процветания терроризму, насилию, преступлениям и другим явлениям общественной жизни, противоречащим демократическим идеалам. При этом используется приём контраста, реализуемый с помощью словосочетаний, содержащих антонимические пары с разной ценностной коннотативной окраской: inequality – dignity; weakened – strongest; war – peace; threatened – safe; bigotry and blasphemy – tolerance.

Примером может служить отрывок из речи Барака Обамы по случаю победы в президентских выборах:

(17) *"We want our children to live in an America that isn't burdened by debt; that isn't weakened by inequality; that isn't threatened by the destructive power of a warming planet. We want to pass on a country that's safe and respected and admired around the world; a nation that is defended by the strongest military on Earth and the best troops this world has ever known – but also a country that moves with confidence beyond this time of war to shape a peace that is built on the promise of freedom and dignity for every human being. We believe in a generous America; in a compassionate America; in a tolerant America, open to the dreams of an immigrant's daughter who studies in our schools and pledges to our flag. To the young boy on the South Side of Chicago who sees a life beyond the nearest street corner."* (B. O. – Second Presidential Election Victory Speech, 07.11.2012)

Значительную роль играют отсылки к американскому прошлому, направленные на то, чтобы выразить идею единства народа на уровне не только общих ценностей, но и общего исторического прошлого:

(18) *That is the source, the moral source of America's authority. Since the **days of Franklin Roosevelt**, and the service and sacrifice of our grandparents and great grandparents, our country has borne a special burden in global affairs.* (B. O. – Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan, 1.12.2009)

(19) *It was another Republican, **Teddy Roosevelt**, who said, "**the object of government is the welfare of the people.**" And he's remembered for using the power of government to break up monopolies and establish our National Park system.* (B. O. – Commencement Address at the University of Michigan, 1.05.2010)

(20) *And like **America's Founding Fathers**, he would erect a constitutional order to preserve freedom for future generations – a commitment to democracy and rule of law ratified not only by his election, but by his*

willingness to step down from power after only one term. (B. O. – Memorial Address for Nelson Mandela, 10.12.2013)

Наибольшую частотность метафор среди речевых актов, реализующих интерпретационно-ориентационную стратегию, демонстрируют декларативные РА:

(21) *.... all societies ills can be **cured through government** alone.*
(B. O. – Second Presidential Inaugural Address, 21.01.2013)

(22) *For the American people can no more meet the demands of today's world by acting alone than American soldiers could **have met the forces of fascism or communism with muskets and militias.*** (B. O. – Second Presidential Inaugural Address. 21.01.2013)

(23) *We're going to continue to keep over a hundred individuals in a **no-man's land in perpetuity**, even at a time when we've wound down the war in Iraq, we're winding down the war in Afghanistan, we're having success defeating al Qaeda core, we've kept the pressure up on all these transnational terrorist networks, when we've transferred detention authority in Afghanistan...*
(B.O. – Press Conference on Syria and Sundry Topics, 30.04.2013)

Большое количество метафор объясняется стремлением президента сформировать «правильный» образ описываемых явлений в сознании аудитории. В этом смысле, можно сказать, что метафоры в декларативных РА носят онтологический характер и являются средством усиления воздействия, которое политик оказывает на своих слушателей.

В речевых актах обоих типов содержится большое количество словосочетаний, относящихся к формальному регистру лексики, а также политических и экономических терминов: ...if they're being replenished; interdict arms shipments; be in possession of other legal authorities; trade deals; the debt ceiling.

Это обеспечивает речи характер экспертности и весомости. В то же время практически в каждом РА присутствуют фразовые глаголы (ramped up the capacity; to isolate and wear out ISIL forces; that set of proposals is being worked up; the autonomy to chase down the truth; agree to step up crime cases; African economies are poised to

take off) и разговорная лексика (Look, I'm the first one to admit...; haven't always lived up to the hype; bigger nations can't bully the small...).

Использование разговорного регистра речи «разбавляет» формальный стиль Барака Обамы, делая речь понятной для широкой аудитории, не обладающей обширными знаниями в сфере политики. Общий же тон репрезентативных РА с интерпретационно-ориентационной стратегией можно охарактеризовать как нейтральный.

Подводя итоги, отметим, что основную нагрузку в реализации интерпретационно-ориентационной стратегии несут словосочетания, номинирующие базовые ценности американского общества и включающие лексику с ценностной составляющей. В репрезентативных РА ключевыми единицами являются слова с семантикой «сила, мощь», «правильно», «важно», в декларативных – «ответственность» и «народ».

Декларативы, в сравнении с репрезентативными РА, характеризуются значительной степенью экспрессивности (коннотативные словосочетания и метафоры), высокой частотностью модальных синтагм с семантикой долженствования, развернутыми бинарными оппозициями, служащими для противопоставления по линии «свой – чужой», использованием исторических отсылок к ключевым документам американского прошлого.

Будучи связанной с целевой установкой, направленной на провозглашение демократических ценностей и описание шагов, необходимых для построения демократического общества, интерпретационно-ориентационная стратегия представляет собой мощный инструмент убеждения и продвижения демократических идей. Основной прагматический потенциал высказываний заключается в провозглашении демократических идеалов и идеи о положительных сторонах демократического мироустройства. Президент стремится убедить свою аудиторию в том, что следование демократическим идеалам, которые предлагает Америка, несёт в себе положительные изменения политической жизни. Ключевыми понятиями данных идей являются понятия «народ» и «сила». При этом «народ» трактуется как центральный элемент демократии, а Америка выступает как

государство, обладающее достаточной силой для реализации демократических идеалов в обществе, и для того, чтобы помочь остальным странам в становлении демократии у себя в стране и в преодолении трудностей на данном пути. Метасодержание речевых актов, реализующих интерпретационно-ориентационную стратегию, может быть сформулировано следующим образом: «Американская модель управления ориентирована на процветание её граждан, и следование американским идеалам должно стать общемировой практикой».

3.2. Информационная стратегия

Информационная стратегия (30% всех исследуемых РА) зарегистрирована в трёх типах РА – репрезентативах, декларативах и комиссивах.

Информационная стратегия представлена двумя тактиками – констатации фактов (характерной для репрезентативов и декларативов) и обещания (характерной для комиссивов).

Общей для названных трех типов РА особенностью является использование словосочетаний, которые номинируют демократические ценности:

...but if they want to keep this responsibility;

...this is how democracy is supposed to work;

...our government is leaner, quicker and more responsive to the needs of the American people;

legitimate workings of the political process;

effective partnerships, diplomatic engagement and assistance;

...to increase independence;

freedom and liberty;

respect basic rights.

При этом частотность их употребления и прагматическая значимость значительно ниже в сравнении с высказываниями, реализующими интерпретационно-ориентационную стратегию.

Важная для данной стратегии идея безопасности реализуется посредством высокой частотности употребления лексических единиц, принадлежащим к семантическому полю «безопасность» – *security, secure, safe* (3.8 на 1000 слов).

Общим для названных типов РА является использование глагольных словосочетаний, включающих словосочетания с семантикой действия, связанных с описанием шагов по решению внутренних и внешних проблем, разъяснением действий, направленных на международное сотрудничество по устранению внешних угроз (кибертерроризм, израильско-палестинский конфликт, глобальные климатические проблемы и т. д) и обеспечение американской национальной безопасности:

(24) *I directed the full resources of the federal government to be made available to help state and local authorities in the investigation and to increase security as needed. Over the past week, close coordination among federal, state, and local officials – **sharing information, moving swiftly to track down leads** – has been critical to this effort.* (В. О. – Third Statement on the Boston Marathon Bombings, 19.04.2013) (репрезентативный РА)

(25) *We want to be able to better prosecute those who are involved in cyber-attacks, those who are involved in the sale of cyber weapons like botnets and spyware. We want to **ensure that we're able to prosecute insiders who steal corporate secrets or individuals' private information.** And we want **to expand the authority of courts to shut down botnets and other malware.*** (В. О. – National Cybersecurity Communications Integration Center Address, 13.04.2015) (Декларативный РА)

(26) *I've long believed that our power is rooted not just in our military might, but in our example as a government of the people, by the people, and for the people. And that's why **I've made a second decision: I will seek authorization** for the use of force from the American people's representatives in Congress.* (В. О. – On The Use of Chemical Weapons by Syrian Government, 31.08.2013) (комиссивный речевой акт).

Различия в реализации типов РА обнаруживаются, в первую очередь, в общем эмоциональном тоне высказываний. Репрезентативы отличаются нейтральным тоном. В них присутствует большое количество лексических единиц и словосочетаний – канцеляризмов и политических терминов (*immigration system, Carcieri decision, federally recognized Indian tribes, Medicare costs, contingency u m.đ.*):

(27) *And in the wake of the **Carcieri decision**, we've asked **Congress** to restore **the Secretary of the Interior's authority** to take land into trust for **federally recognized Indian tribes**. (B. O. – Tribal Nations Conference Address, 2.12.2011)*

(28) *That includes all elements of American power: **A political effort** aimed at isolating Iran; **a diplomatic effort** to sustain our coalition and ensure that the Iranian program is monitored; an economic effort that imposes crippling **sanctions**; and, yes, a military effort to be prepared for any **contingency**. (B. O. – Address to the American-Israel Public Affairs Committee, 04.03.2012)*

В то же время присутствует большое количество атрибутивных словосочетаний, содержащих оценочную лексику, которые, однако, не отличаются значительной степенью коннотативности, поскольку в них отсутствует экспрессивно-эмоциональные оттенки. Примерами могут служить фрагменты речей, в которых политик затрагивает вопросы взаимоотношений Америки с Палестиной, Китаем и Египтом:

(29) *But while I know you have had differences with the Palestinian Authority, I genuinely believe that you do have **a true partner** in President Abbas and Prime Minister Fayyad... (B.O. – Address at the Jerusalem International Convention Center, 21.03.2013)*

(30) *During my visit, **competent authorities** of both countries have reached **important consensus**... (B. O. – Joint Rose Garden Press Conference, 25.09.2015)*

(31) *This is an area where we've been seeking **deeper cooperation** with Turkish authorities...* (B. O. – Post G7 Conference Presser, 08.06.2015)

(32) *Our **overriding interest** throughout these past few years has been to encourage a government that **legitimately reflects** the will of the Egyptian people, and recognizes **true democracy** as requiring a respect for minority rights and the rule of law, freedom of speech and assembly, and a strong civil society.* (B. O. – 68th Session of the United Nations General Assembly Address, 24.09.2013)

Декларативные РА, реализующие информационную стратегию, отличаются наличием лексики с высокой степенью коннотативности: *there are no magic tricks here; clinging to rigid ideologies; a vigorous debate.*

Примером может служить отрывок из Третьего ежегодного послания Президента США о положении страны, в котором политик говорит о нецелесообразности двухпартийной системы в США:

(33) *We need to end the notion that the two parties must be locked in **a perpetual campaign of mutual destruction**; that politics is about clinging to **rigid ideologies** instead of building consensus around common-sense ideas. I'm a Democrat."* (B.O. – Third Presidential State of the Union Address, 24.01.2012)

Данный факт объясняется прагматическим потенциалом декларативных РА, направленных на изменение социальной реальности, процесс, который в политической речи осуществляется посредством воздействия на сознание массовой аудитории. Для этой же цели политик использует метафоры: *unless we lower the temperature in this town; we have pushed to the limits of my executive authority; so much at stake.*

Приведём пример из речи Обамы «О защите кибернетической инфраструктуры США», посвящённой критике недостатков национальной системы кибербезопасности:

(34) *We saw this in the disorganized response to Conficker, the Internet worm that in recent months has infected millions of computers around the world. This status quo is no longer acceptable – not when there's so much at stake.*" (Barack Obama – Cyber Infrastructure US, 29.05.2009))

Следует отметить, что в речевых актах данного типа концепт «власть» репрезентируется только посредством термина *authority*, лексема *power* зарегистрирована не была. Мы предполагаем, что это связано с актуализацией реляционного компонента понятия «власть». На первый план выходит деятельный характер власти и те политические действия, которые предпринимаются политическими акторами для изменения текущей ситуации.

Реализация информационной стратегии в комиссивных речевых актах отличается сочетанием торжественности речи и каламбуров и шуток, которые добавляют речи президента красочность и живость:

(35) *In the next hundred days, **our bipartisan outreach will be so successful that even John Boehner will consider becoming a Democrat.** After all, we have a lot in common. **He is a person of color.** Although not a color that appears in the natural world. What's up, John? In the next hundred days, I will meet with a leader who rules over millions with an iron fist, who owns the airwaves and uses his power to crush all who would challenge his authority at the ballot box. It's good to see you, Mayor Bloomberg. In the next hundred days, **we will houstrain our dog, Bo, because the last thing Tim Geithner needs is someone else treating him like a fire hydrant.** In the next hundred days, **I will strongly consider losing my cool.** Finally, I believe that my next hundred days will be so successful I will be able to complete them in 72 days. And on the 73rd day, I will rest.* (B.O. – First White House Correspondents Dinner Address, 9.05.2009)

Барак Обама позволяет себе подобные шутки, поскольку стремится быть неформальным, показать себя не только с позиции политика, отвечающего за благосостояние народа, но и с позиции обычного американца, заинтересованного в процветании собственной нации.

Наиболее частотным способом выражения обещания является субъектно-предикатная синтагма с глаголом с will:

(36) *That means whatever executive authority I have to help the middle class, I'll use it. Where I can't act on my own and Congress isn't cooperating, I'll pick up the phone – I'll call CEOs; I'll call philanthropists; I'll call college presidents; I'll call labor leaders. I'll call anybody who can help – and enlist them in our efforts. Because the choices that we, the people, make right now will determine whether or not every American has a fighting chance in the 21st century.* (B.O. – Address on the Economy at Knox College, 24.07.2013)

В ходе анализа выявляется функциональная дистрибуция слабой и сильной форм модального глагола will в исследуемых речевых актах. Слабая форма, сочетающаяся с местоимением первого лица единственного числа, выполняет преимущественно темпоральную функцию, маркируя футуральные значения. В противоположность этому, сильная форма, употребляемая с местоименным субъектом множественного числа, реализует модальное значение, актуализируя идею коллективного действия. Особенно релевантно данное различие проявляется в речевых актах, направленных на концептуализацию американской нации как объединённого общей конституцией сообщества, где модальный компонент усиливает идею совместной волевой направленности.

Таким образом, информационная стратегия реализуется в репрезентативных, декларативных и комиссивных речевых актах и используется президентом для легитимации власти через демонстрацию компетентности и системности действий. Целевые установки высказываний связаны с идеями обеспечения безопасности Америки и информированием граждан о том, какие шаги американская власть предпринимает для достижения этих целей. Власть является центральным понятием анализируемой группы РА, при этом на передний план выходит реляционный аспект власти, представленный такими характеристиками, как «решительная», «деятельная», «готовая защищать интересы своего государства и народа». В этом отношении прагматический потенциал высказываний связан, в

первую очередь, со стремлением президента, через информирование аудитории о проводимом политическом курсе, сформировать положительное отношение электората к своей администрации и её действиям. Метасодержание данной группы речевых актов можно сформулировать как «Высшая цель американской власти – обеспечение благополучия народа и процветания страны».

Основным средством репрезентации ключевой идеи является использование слов и терминологических сочетаний с семантикой безопасности; при этом их плотность и стилистическая окраска варьируются в зависимости от типа речевого акта: от нейтрально-экспертного тона в репрезентативах до эмоционально-патетического в декларативах и смешанного стиля в комиссивах. Дискурсивными маркерами информационной стратегии являются также глаголы действия и специализированная лексика, особенно в репрезентативах, где отмечается высокая концентрация канцеляризмов и политических терминов. В декларативах возрастает доля эмоционально окрашенной лексики и метафор, тогда как комиссивы отличаются частым использованием субъектно-предикатных синтагм, в которых глагол *will* выступает как форма будущего времени и как модальный глагол с семантикой волеизъявления.

3.3. Побудительная стратегия

В речи Барака Обамы побудительная стратегия реализуется только в директивных речевых актах. Доля высказываний, реализующих данную стратегию, составляет 15% от всех исследуемых РА.

Реализация побудительной стратегии осуществляется через две тактики – тактику призыва и дидактическую тактику.

Общий тон высказываний, реализующих побудительную стратегию, является нейтральным. Однако все они отличаются наличием модальности необходимости и долга, выраженной через модальные синтагмы с глаголами *must* (зарегистрирован в 45% речевых актов) / *have to* (в 25% речевых актов) / *should* (в 30% речевых актов). Приведём примеры фрагментов речей, в которых политик обращается к

правительствам других стран и затрагивает вопросы международного сотрудничества:

(37) *The Palestinian Authority **must develop** its capacity to govern, with institutions that serve the needs of its peoples. Hamas does have support among some Palestinians, but they also have to recognize they have responsibilities. To play a role in fulfilling Palestinian aspirations, to unify the Palestinian people, Hamas **must put an end** to violence, recognize past agreements, recognize Israel's right to exist. At the same time, Israelis **must acknowledge** that just as Israel's right to exist cannot be denied, neither can Palestine's.* (B. O. – A New Beginning: Speech at Cairo University, 04.06.2009).

(38) *Together, we established an Open Government Partnership so that increasingly transparency empowers more and more people around the globe. And together, now, we **have to open** our hearts and do more to help refugees who are desperate for a home. We **should all welcome** the pledges of increased assistance that have been made at this General Assembly gathering. I'll be discussing that more this afternoon.* (B. O. – Final Address to the United Nations General Assembly 20.09.2016)

Модальность долженствования присутствует и в тех высказываниях, в которых Барак Обама затрагивает вопросы внутренней политики. Обама призывает администрацию предпринять решительные шаги для устранения проблем либо призывает граждан страны относиться определённым образом к сложившейся ситуации:

(39) *So where I've got executive authorities to do that, we **should get started** on that.* (B. O. – Presser on Republican Midterm Election Victory, 5.11.2014)

(40) *We **need to work** together on tools like bipartisan trade promotion authority to protect our workers, protect our environment, and open*

new markets to new goods stamped "Made in the USA." (B.O. – Fifth Presidential State of the Union, 28.01.2014)

(41) *And those of us in authority should be doing everything we can to encourage the better angels of our nature.* (B.O. – Remarks on Trayvon Martin, 19.07.2013)

Во всех подобных случаях в высказываниях Барака Обамы прослеживается идея сотрудничества и интеграции между подразделениями американского госаппарата и Республиканской и Демократической партиями. Выражению этой идеи способствует употребление местоимения первого лица множественного числа *we* (*we need to work; we know that the nation; we should get started; and those of us in authority; we will continue*), а также лексических единиц с общей семой «единство и сотрудничество» (*engaging with me and Democrats both the House and the Senate; a more perfect union; work with both parties*).

Барак Обама использует метафоры: *it's sort of like herding cats; successful transitions do have certain ingredients; an engine of growth and opportunity; to walk the difficult road to peace*. Метафоры делают высказывание более красочными, однако не добавляют речевым актам эмоциональной окраски.

В речевых актах, реализующих дидактическую тактику, президент затрагивает вопросы внешней политики США, указывая властям других стран, какие шаги им необходимо предпринять для становления на демократический путь:

(42) *But Cuban authorities must take some meaningful actions to respect the basic rights of their own people – not because the United States insist upon, but because the people of Cuba deserve it [...] The lessons of Latin America, I believe, can be a guide – a guide for people around the world who are beginning their own journeys toward democracy. There is no one model for democratic transitions. But as this region knows, successful transitions do have certain ingredients.* (B. O. – Address on Latin America to the People of Chile, 21.03.2011)

Следует отметить, что лексический состав данной группы РА отличается высокой частотностью терминов международных отношений (*Palestinian Authority,*

community of nations, Open Government Partnership, General Assembly), которые помогают политику обозначить сферы влияния Америки на международной арене.

Основная идея здесь заключается в необходимости обеспечения простых людей демократическими свободами, соблюдения прав и удовлетворения потребностей людей. Выражение этой идеи обеспечивается за счет использования синтагм, содержащих лексемы, принадлежащие к семантическому полю «демократические права и свободы», употребляемые в устойчивых глагольных словосочетаниях: *serve the needs of its people; respect the basic rights of its people; journey towards democracy; to walk the difficult road to peace; recognize Israeli's right to exist.*

Кроме того, большую роль играет идея единства и равенства, выражаемая посредством различных словосочетаний:

to unify the Palestinian people;
people of any other country;
stop trying to tear down Israeli;
community of nations.

Дидактическая тактика выступает инструментом провозглашения идеи о том, что единство, равенство и соблюдение прав и свобод человечества выступают основными постулатами демократического миропорядка. Идеи «продвижения» демократии среди граждан тех стран, которые находятся на пути к демократическому строю (в данном случае Палестины и Кубы). Примером может служить следующее высказывание, в котором политик объясняет, какие действия необходимо предпринять, чтобы «встать на демократический путь развития»:

(43) *And those who speak on behalf of Palestinian self-government should help the Palestinian Authority politically and financially. [...] Those who long to see an independent Palestine must also stop trying to tear down Israel. After thousands of years, Jews and Arabs are not strangers in a strange land. After 60 years in the community of nations, Israel's existence must not be a subject for debate. (B. O. – Address to the United Nations General Assembly (65th Session), 23.09.2010)*

В речевых актах с тактикой призыва идеи демократизации выражены имплицитно. Слова с ценностной составляющей отсутствуют. Вместо них политик использует стилистически нейтральные номинации (*how they coordinate, work together*). Также отмечено использование контекстуальных антонимов, принадлежащих семантическим полям «граждане» – «акты насилия». Говоря о военном конфликте между Израилем и Палестиной, Обама перечисляет последствия, к которым приводит война, и указывает на демократическую ценность силы морали, используя антонимические пары:

(44) *It is a sign neither of courage nor power to shoot rockets at sleeping children, or to blow up old women on a bus. That's not how moral authority is claimed; that's how it is surrendered.* (B. O. – A New Beginning: Speech at Cairo University, 04.06.2009)

Проанализировав речевые акты, выстроенные с помощью побудительной стратегии, можно сделать вывод о том, что все они связаны с целевой установкой «призвать общественность к следованию демократическому пути развития общества» и содержат идею о необходимости следования демократическим принципам (как для США, так и других стран), слаженной совместной работы, соблюдения прав и свобод личности. Метасодержание, реализуемое побудительной стратегией, можно сформулировать следующим образом: «Американский народ и правительство вместе стремятся к процветанию страны, следуя демократическим идеалам, а все остальные государства должны последовать их примеру».

Побудительная стратегия реализуется в директивных РА (дидактическая тактика и тактика призыва) и характеризуется доминированием глагольных синтагм с семантикой долженствования и обязательства, а также использованием многочисленных словосочетаний, включающих лексические единицы с семой «единство и сотрудничество», предикативных словосочетаний с местоимением *we*, терминов международных отношений и внутренней политики. Реализацию дидактической тактики отличает наличие слов с ценностной составляющей принадлежащих, к семантическому полю «демократические права и свободы».

3.4. Интеграционная стратегия

Интеграционная стратегия в речи Барака Обамы отличает только один тип речевых актов – декларативные РА и реализуется через две тактики – инспиративную тактику и тактику консолидации. Общее число высказываний, выстроенных с помощью интеграционной стратегии, составляет порядка 8%.

При описании приоритетов демократического общества оратор использует инспиративную тактику, которая реализуется посредством словосочетаний, содержащих лексические единицы, связанные с идеями свободы, ценности человеческой жизни и равенства, религией и моралью (то есть семантически связанные с базовыми ценностями демократического общества): *nation under God; liberty and justice for all; the power of human dignity; you're judged by the content of your character; we are true to that system of self- government; life, liberty and the pursuit of happiness* и др..

Примерами могут служить фрагменты речей, посвящённых вопросам международного сотрудничества:

(45) *Let us remember that we can do these things not just because of wealth or power, but because of who we are: one nation, under God, indivisible, with liberty and justice for all.* (B. O. – On the Death of Osama Bin Laden, 01.05.2011)

(46) *You have the power to remind us all that human dignity is not just a universal aspiration, but a human right.* (B. O. – Young Southeast Asian Leaders Initiative Town Hall, 14.11.2014)

(47) *The universal right to speak your mind and to protest against authority, to live in a society that's open and free, that can criticize a President without retribution – a country where you're judged by the content of your character rather than what you look like, or how you worship, or what your last name is, or where your family came from – that's what separates us from tyrants and terrorists.* (B. O. – On the Administration's Approach to Counter-Terrorism, 06.12.2016)

Как и в декларативах, в РА с интеграционной стратегией наблюдаются интертекстуальные включения – президент использует отсылки к Декларации независимости и лозунги Французской революции, а также много исторических отсылок – к истории Америки, демократическому устройству Древней Греции, к отцам-основателям и второй мировой войне, выраженные в устойчивых формулах, традиционных для англоязычного политического дискурса:

(48) *In this great, imperfect, but necessary system of self-government, power and progress will always come from the demos – from “**We, the people.**” And I'm confident that as long as we are true to that system of self-government, that our futures will be bright.* (В. О. – Address to the People of Greece, 16.11.2016)

(49) *Propelled by the ideals of the Enlightenment, they would ultimately forge an **English Bill of Rights**, and invest the power to govern in an elected parliament that's gathered here today. What began on this island would inspire millions throughout the continent of Europe and across the world. ... As **Winston Churchill** said, the ...**Magna Carta, the Bill of Rights, Habeas Corpus**, trial by jury, and English common law find their most famous expression in the American Declaration of Independence.* (В. О. – Address to the British Parliament, 25.05.2011)

В описываемых фрагментах зарегистрировано большое количество слов, семантически связанных с ценностями морали, с идеями общественного долга США перед мировой общественностью, а также темой жертв, которые американское общество принесло в борьбе за демократические ценности (a special burden, moral authority, fought and bled to uphold these values).

В тех РА, где используется тактика консолидации, политик развивает идею международного сотрудничества, в котором Америка выступает в роли помощника в развитии демократии. Барак Обама, предлагая решения для проблем в Бирме и китайско-тибетского конфликта, провозглашает необходимость соблюдения демократических принципов. Ключевой единицей становится слово people:

...people need to feel safe in their home;

Burma's people can participate in shaping the future of their country;

...to promote reforms that would expand the political space for more people to contribute their voices;

...we are taking more steps to expand the connections between our two peoples.

Барак Обама транслирует идею о том, что демократия существует в первую очередь для обеспечения благополучия народа.

На основании проведенного анализа мы приходим к выводу о том, что интеграционная стратегия используется Бараком Обамой для провозглашения необходимости соблюдения демократических ценностей за пределами Америки и утверждения важности международной интеграции для осуществления этой цели. Реализация инспиративной тактики связана со стремлением президента создать образ Америки как государства, чьи демократические идеалы являются образцом для подражания. Обама ссылается на исторический опыт США и других стран, сравнивая современную Америку с великими державами прошлого с целью вдохновить аудиторию. В речевых актах, где Барак Обама использует тактику консолидации, политик создаёт образ Америки как государства-помощника, готового выступить консультантом по вопросам демократии. Целевая установка речевых актов – «навязать» демократические ценности, однако при этом Америка выступает не в качестве страны, чей опыт необходимо перенимать, а в качестве «равного» государства, готового к совместной работе и сотрудничеству. Метасодержание речевых актов данной группы можно сформулировать как «Совместными усилиями при помощи Америки можно сделать мир безопасным».

Основными языковыми средствами интеграционной стратегии являются интертекстуальные включения, заимствованные из текстов исторических документов; лексика, номинирующая базовые американские ценности и многократно повторяющаяся лексема "people".

3.5. Агональная стратегия

Агональная стратегия реализуется в дискурсе Барака Обамы в декларативных речевых актах. Доля высказываний, реализующих агональную стратегию, составляет порядка 7% от всех исследуемых речевых актов. Агональная стратегия представлена тактикой критики и оценки. В таких РА политик критикует органы государственного управления и их работу, а также систему государственного управления, которая, в силу существующих законов, препятствует успешному решению существующих проблем:

(50) *Regulators who were supposed to warn us about the dangers of all this but looked the other way or didn't have the authority to look at all. It was wrong. It combined the breathtaking greed of a few with irresponsibility all across the system. And it plunged our economy and the world into a crisis from which we're still fighting to recover.* (B. O. – “New Nationalism” Address at Osawatomie High School, 06.12.2011)

(51) *If we see signs that a voting machine or system is vulnerable to hacking, then we inform those local authorities who are running the elections that they need to be careful. If we see jurisdictions that are violating federal laws in terms of equal access and aren't providing ramps for disabled voters, or are discriminating in some fashion, or are otherwise violating civil rights laws, then the Justice Department will come in and take care of that.* (B. O. – Post Security Council Meeting Press Conference on ISIL, 04.08.2016)

(52) *These principles cannot be afterthoughts -- democracy and human rights are essential to achieving each of the goals that I've discussed today, because governments of the people and by the people are more likely to act in the broader interests of their own people, rather than narrow interests_of those in power. The test of our leadership will not be the degree to which we feed the fears and old hatreds of our people. True leadership will not be measured by the ability to muzzle dissent, or to intimidate and harass political opponents at home. The people of the world want change.* (B. O. – 70th Session of the United Nations General Assembly Address, 28.09.2015)

Основными средствами реализации агональной стратегии являются лексические единицы и словосочетания с ярко выраженной пейоративной коннотацией: *to muzzle dissent; breathtaking greed; irresponsibility; crisis; vulnerable; violating federal laws; disabled voters; discriminating; violating civil rights; narrow interests; exploit these fears and frustrations; the fears and old hatreds of our people; debt* и др.. Их частотность достаточно высока (2,8 на 1000 слов).

Также зарегистрировано использование контрастивных атрибутивных синтагм, содержащих оценочные прилагательные – *broader interests – narrow interests*.

При выражении критики Барак Обама использует метафоры с семантикой бремени (*saddles with more debt; hardworking Americans holding the bag; there's so much at stake; hold the bag*) и политические клише (*governments of the people and by the people*), для усиления эффекта воздействия, путём придания большей образности высказываниям о негативных последствиях неправильной работы государственных органов.

Также следует отметить частотность лексических повторов обвинительных терминов (1.2. на 1000 слов), направленных на оппонентов политического курса президента (наиболее частотными являются лексемы *violate, discriminate* и их производные) и повтор местоимения *they* (в 68% речевых актов при указании на оппонентов), служащий средством реализации оппозиции свой/чужой.

Усиление эффекта воздействия достигается и за счёт использования на синтаксическом уровне приёма градации и синтаксического параллелизма:

(53) *Regulators had looked the other way or didn't have the authority to stop the bad behavior. It was wrong. It was irresponsible. It combined the breathtaking greed of a few with irresponsibility all across the system. And it plunged our economy into a crisis that put millions out of work, saddled us with more debt, and left innocent, hardworking Americans holding the bag.* (B.O. – Third Presidential State of the Union Address, 24.01.2012)

(54) *In the United States, for example, those who wanted to maintain racial segregation consistently used the argument that states have the right to*

do what they want, and the federal government doesn't have the authority to enforce civil rights laws that are discriminating against minorities at the state level. (B.O. – Kenyan Civil Society Members Conversation. 26.07.2015)

Таким образом, в речи Барака Обамы использование агональной стратегии связано с целевой установкой «критика органов госуправления и противников политического курса». Президент использует агональную стратегию, реализуемую тактикой критики и оценки, исключительно в декларативных речевых актах, с целью критики корпоративной жадности, дискриминационных законов, финансовой безответственности. Прагматический потенциал связан с мобилизацией сторонников администрации президента через образ общего врага, а также с созданием контраста между курсом Обамы и «неправильными» действиями оппонентов (в первую очередь, Республиканской партии). Метасодержание речевых актов, реализующих агональную стратегию, можно сформулировать как «Наш курс — для народа, действия оппонентов — ради власти, выбирайте сторону прогресса».

Реализация агональной стратегии характеризуется системой экспрессивных средств с яркой негативной окраской. Активно используются лексические единицы с пейоративной ингерентной коннотацией (глаголы, имплицитные девиантную семантику и семантику бремени, а также обвинительные термины). Негативная оценка противников и оппонентов обеспечивается за счет дейктических единиц, выступающих средством выражения оппозиции свой/чужой, использования метафор и политических клише, контрастных по семантике и характеру коннотации атрибутивных словосочетаний.

3.6. Средства акцентуации и их функционально-прагматическая специфика

В политической речи приверженность определённым целям может выражаться имплицитно и эксплицитно. Имплицитная реализация связана преимущественно с метасодержательным уровнем дискурса, тогда как эксплицитное выражение достигается посредством системного использования языковых единиц, содержащих смысловые доминанты и ключевые идеологемы, что в лингвистической традиции получило обозначение как «формулы акцентирования» (Т. В. Юдина) или «средства акцентности (акцентуации)» (Ю. С. Волкова, Чжао Наньнань, Е.А. Якушевич).

Проведённый анализ научных работ, посвящённых исследованию средств акцентуации, позволил выявить методологическую неоднородность в понимании их лингвистической природы и функционального статуса. Наблюдаемая терминологическая и концептуальная дисперсия проявляется, в частности, в разноуровневом подходе к определению данных явлений: если в исследовании Т.В. Юдиной (2001) они интерпретируются как аргументативные модели макроуровня, эксплицирующие интенциональную структуру политического высказывания, то О.Н. Паршина (2006) рассматривает их в парадигме микролингвистического анализа как составной элемент коммуникативной тактики, обладающий чётко выраженной прагматической функцией – усилением персуазивного потенциала сообщения и конструированием определённого имиджа политического деятеля. Подобная терминологическая вариативность свидетельствует об отсутствии единой теоретико-методологической базы для изучения данного феномена в современной политической лингвистике.

Кроме того, в существующих исследованиях наблюдается тенденция к узкой интерпретации данного феномена, исключающей из рассмотрения субстантивные и атрибутивные синтагмы, которые выполняют важнейшую функцию в экспликации оценочных суждений и ключевых идеологических позиций.

В-третьих, остаётся недостаточно изученным вопрос функционирования данных формул в англоязычном политическом дискурсе, что обусловило необходимость проведения сравнительного анализа их использования в

коммуникативных практиках Барака Обамы и Дональда Трампа. Настоящее исследование направлено на преодоление указанных теоретических лакун посредством разработки более объёмной концепции формул акцентирования, учитывающей весь спектр их языковых реализаций и прагматических функций в современном политическом дискурсе.

Анализ публичных выступлений Барака Обамы демонстрирует системное использование средств акцентуации, функционально связанных с реализуемыми коммуникативными стратегиями.

В рамках интерпретационно-ориентационной стратегии, направленной на утверждение демократических ценностей и морального лидерства США, Обама использует синонимическую конденсацию, стилистический приём, при котором близкие или тождественные по значению слова употребляются совместно для усиления выразительности высказывания и более полного раскрытия мысли:

(55) *...what I'm saying to you is that there is no simpler solution, no **ready, credible solution**, other than Congress either give me the authority to raise the debt ceiling or exercise the responsibility that they have kept for themselves and raise the debt ceiling.* (В. О. – Final First Term Press Conference, 14.01.2013)

Среди фрагментов, приведённых в главе выше, примерами могут служить словосочетания: (1) – *huge, unprecedented surge*, (3) – *security and prosperity*), парные сочетания и трёхчленные образования, содержащие прилагательные и существительные с нейтральной либо положительной коннотативной окраской или связанные с семантикой демократических ценностей.

Не менее значим прием семантической детализации, реализуемый через повтор элементов, первый из которых представляет собой референт, обозначающий явления политической жизни, а конструкция-перифраз содержит морально-этический компонент, выражающий оценку описываемого явления. Примером может служить фрагмент выступления на совместной пресс-конференции с Дау Аун Сан Су Чжи (14.11.2014):

(56) “*People need to be empowered to pursue their dreams. And as Burma approaches important national **elections** next year, it will be critical to ensure that all of Burma’s people can participate in **shaping the future of their country**”.* (B. O. – Joint Press Conference with Daw Aung San Suu Kyi, 14.11.2014)

Здесь повтор референтов, обозначающих явления политической жизни, создает семантическое поле активного гражданского участия, а конструкция-перифраз (elections – shaping the future) содержит морально-этический компонент, выражающий оценку описываемого явления.

Другими примерами могут служить фрагменты, в которых употребление семантической детализации (at setting a course – a general direction, your example – your victory) организовано подобным образом:

(57) *The second thing, I’m pretty good at **setting a course**, a general direction, and being able to hopefully unify that team around that **general direction**.* (B. O. – Nown Hall with Young Leaders of the United Kingdom, 23.04.2016)

(58) *Today, **your example – your victory** – gives hope to people all over the world.* (B. O. – Address to the People of Estonia, 3.09.2014);

(59) *And your country is better off if you have **new blood and new ideas**. I’m still a pretty young man, but I know that **somebody with new energy and new insights** will be good for my country.* (B. O. – Address to Representatives of the African Union, 28.07.2015)

Для информационной стратегии характерно, в первую очередь, использование синтаксического параллелизма, содержащего герундиальные синтагмы с предлогом и инфинитивные фраземы со значением цели. Примерами могут служить речи, в которых политик описывает конкретные действия, предпринимаемые политическими акторами для улучшения жизни народа:

(60) *...to prevent a third world war – by forging alliances with old adversaries; by supporting the steady emergence of strong democracies*

accountable to their people instead of any foreign power... (В. О. – 70th Session of the United Nations General Assembly Address, 28.09.2015)

В данном примере политик использует герундиальный параллелизм: "by forging... by supporting...", который создаёт ритмическую упорядоченность, привлекая внимание аудитории и помогая усилить оказываемое воздействие.

Ещё одним примером является отрывок из речи, в которой политик затрагивает вопрос взаимоотношений с Кубой:

(61) *A future of greater peace, security and democratic development is possible if we work together – not to maintain power, not to secure vested interest, but instead to advance the dreams of our citizens.* (В. О. – Statement by the President on Cuba Policy Changes, 17.12.2014)

В данном фрагменте используется тоекратный параллелизм в сочетании с отрицательным контрастом not to...but to, выражающим лексическую антитезу. Создавая особую ритмическую организацию речи, подобный параллелизм позволяет политику сделать смысловой акцент и усилить оказываемое на аудиторию воздействие.

Во фрагменте из выступления на пресс-конференции в Мьянме политик использует синтаксический параллелизм в сочетании с приёмом градации (от институциональных (make government) к социальным (contribute voices) изменениям):

(62) *Aung San Suu Kyi is working hard to make government more transparent, more accountable, to protect the rights of all the Burmese people, to promote reforms that would expand the political space for more people to contribute their voices.* (В. О. – Joint Press Conference with Daw Aung San Suu Kyi, 14.11.2014)

В данном речевом акте наблюдается семантическая интенсификация – последовательное нагнетание лексических единиц с возрастающей семантической интенсивностью, создающий эффект смыслового усиления и эмоционального нарастания: "transparent" → "accountable" → "protect" → "promote". Лексические единицы расположены в порядке усиления значимости действий, от базовых

институциональных изменений к активному гражданскому участию, что соответствует демократическим идеалам США.

Другим важным средством акцентуации является структурная симметрия (однородные члены с союзами and/but):

(63) *But I do recognize that as President, I've got some convening power, and there are a lot of good programs that are being done across the country on this front. And for us to be able to gather together business leaders and local elected officials and clergy and celebrities and athletes, and figure out how are we doing a better job helping young African American men feel that they're a full part of this society and that they've got pathways and avenues to succeed...* (B. O. – Remarks on Trayvon Martin, 19.07.2013)

В данном примере перечисление через союз *and* (business leaders and local elected officials and clergy and celebrities and athletes) создает эффект всеобъемлющего охвата проблемы. Постепенное наращивание однородных членов визуализирует масштаб вовлеченных сил и формирует впечатление системного подхода.

(64) *And part of my challenge since I've been President is trying to find ways in which our government can be a part of the positive change that's taking place and can help convene and catalyze folks in the private sector and the non-profit sector to be part of the broader civic community in tackling some of our biggest challenges.* (B. O. – Remarks at South by Southwest Interactive, 11.03.2016)

В данном фрагменте повтор союза *and* создаёт ритмический паттерн, облегчающий восприятие сложного перечисления, и позволяющее аудитории осмыслить каждый элемент высказывания.

В речевых актах, реализующих интеграционную стратегию, также зарегистрировано частотное использование средств акцентуации, наиболее важными из которых являются приём синонимической конденсации,

синтаксический параллелизм, а также приём контраста и фонетические средства акцентуации.

Следует отметить, что синонимическая конденсация, используемая в рамках интеграционной стратегии, всегда содержит лексемы, связанные с демократическими ценностями и идеалами (примеры (45) – *liberty and justice*; (47) – *open and free*, (48) – *power and progress*).

Синтаксический параллелизм зарегистрирован в более чем трети речевых актов, реализующих интеграционную стратегию (синтаксический параллелизм (например, (47) – *to live in a society that's open and free, that can criticize a President without retribution – a country where you're judged by the content of your character rather than what you look like, or how you worship, or what your last name is, or where your family came from*; (49) – *they would ultimately forge an English Bill of Rights, and invest the power to govern in an elected parliament that's gathered here today*).

Примерами использования синтаксического параллелизма могут служить фрагменты речей, посвящённых вопросам кибербезопасности США:

(65) *We want to be able to better prosecute those who are involved in cyber-attacks, those who are involved in the sale of cyber weapons like botnets and spyware. We want to ensure that we're able to prosecute insiders who steal corporate secrets or individuals' private information. And we want to expand the authority of courts to shut down botnets and other malware.* (B. O. – National Cybersecurity Communications Integration Center Address, 13.04.2015)

В приведённом отрывке параллельные синтаксические конструкции, выраженные через использование придаточных предложений (*those who are involved in cyber-attacks, those who are involved in the sale of cyber weapons*), позволяет конкретизировать абстрактное понятие «киберпреступления» и сделать речь более понятной для широкой, не-экспертной аудитории; а повтор предикатной группы *we want* помогает политике сделать акцент на коллективной воле народа, обеспечивая трансляцию идеи общности американской нации.

Другим примером служит фрагмент, в котором синтаксический параллелизм реализован с использованием эмфатических оборотов, создающих патетический эмоциональный тон высказывания:

(66) *No single official oversees cybersecurity policy across the federal government, and no single agency has the responsibility or authority to match the scope and scale of the challenge. Indeed, when it comes to cybersecurity, federal agencies have overlapping missions and don't coordinate and communicate nearly as well as they should – with each other or with the private sector. We saw this in the disorganized response to Conficker, the Internet worm that in recent months has infected millions of computers around the world. This status quo is no longer acceptable – not when there's so much at stake.* (B. O. – Remarks by the President on Securing Our Nation's Cyber Infrastructure, 29.05.2009)

В приведённом речевом акте эмфатические конструкции (No single official...; ...no single agency...) трансформирует техническую проблему кибербезопасности в эмоционально значимую угрозу, при этом используемые в сочетании с приёмом драматического контраста (single official – scope and scale) и риторическим усилением (millions of computers) формируют нарастающее ощущение кризисной ситуации, где патетика служит катализатором для восприятия срочности мер.

Ещё одним средством акцентуации, зарегистрированным в речевых актах, реализующих интеграционную стратегию, является приём контраста ((45) – not just because of wealth or power, but because of who we are; (46) – not just a universal aspiration, but a human right; (48) – great, imperfect, but necessary system), который помогает политику трансформировать противоречия в диалектические единства и заменить риторическую оппозицию «или/или» на интеграцию «и/и» объединяя, таким образом, существующие в обществе полярные мнения.

На фонетическом уровне к средствам акцентуации, используемых в речевых актах с интеграционной стратегией, можно отнести приём фонологического повтора: повтор звуков [b] и [r] (but because; be able to better; or power; responsibility or authority), которые традиционно ассоциируются с негативными эмоциями, несёт

в себе идею энергичности и даже некоторой агрессии [Вандриес, 1937: 174-175; Чукарькова, 2013: 208]. Повтор «неблагозвучной» (Чиглинцева, 2017: 261) фонестемы [gr] (great, progress, integration) усиливает данный эффект, а многократное повторение звуков [s] и [z] (scope and scale; oversees cybersecurity policy; insiders who steal) «уравновешивает» резкость высказываний, придавая речи более спокойный и величественный характер. Повтор звука смычных глухих [k], [t] и [p] (content of your character rather than what you look like; coordinate and communicate; power and progress) позволяет создать ритмическую организацию речи, делая её больше простой для восприятия широкой аудиторией.

В побудительной и агональной стратегиях прагматический потенциал используемых средств акцентуации проявляется меньше всего. В первую очередь, это проявляется в низкой частоте использования средств акцентуации, в сравнении с остальными стратегиями. Во-вторых, речевые акты, содержащие данные стратегии, показывают наименьшее разнообразие средств акцентуации. В речевых актах, реализующих данные стратегии единственным статистически значимым зарегистрированным средством, является синтаксический параллелизм:

(67) ... to defeat extremists throughout the region, and embolden those who are prepared to build a better future. (В. О. – 68th Session of the United Nations General Assembly Address, 24 September 2013)

(68) ...how Mexican authorities work with each other; how they coordinate... how they're dealing... (В. О. – Syria Press Conference, 30.04.2013)

(69) ...to shoot rockets at sleeping children, or to blow up old women on a bus.. (В. О. – A New Beginning: Speech at Cairo University, 04.06.2009)

В приведённых речевых актах реализуется агональная стратегия. Здесь синтаксический параллелизм является инструментом демонизации политических оппонентов президента США. Параллельные инфинитивы "to shoot... to blow up..." объединяют разнородные акты насилия в единый образ "абсолютного зла", а использование лексем с семантикой «уязвимые группы населения» (*children, old*

women) усиливают эмоциональное воздействие. Кроме того, использование в параллельных конструкциях семантической оппозиции "*defeat extremists... embolden those who build*" позволяет политику «поделить мир» на «разрушителей и созидателей», упрощая при этом политический конфликт до простого морального выбора. Такая постановка вопроса позволяет легитимизировать принимаемые решения. Во фрагменте, где президент затрагивает мексиканский вопрос, конструкции "*how they work... coordinate... deal*" акцентируют хаотичность действий других, «чужих», оправдывая необходимость внешнего вмешательства.

Другим примером служит отрывок их второго инаугурационного обращения Барака Обамы:

(70) ...*So we must harness new ideas and technology to remake our government, revamp our tax code, reform our schools, and empower our citizens with the skills they need to work harder, learn more, reach higher...*
(B. O. – Second Presidential Inaugural Address, 21.01.2013)

В данном примере реализуется побудительная стратегия. Синтаксически параллельные конструкции содержат в себе градацию глаголов *harness* → *revamp* → *reform* → *empower*, что создаёт логическую последовательность действий по решению проблем, трансформируя абстрактные цели политика в конкретные шаги. При этом использование модального глагола *must* в сочетании с параллельными императивами исключает альтернативы, представляя предлагаемый курс как единственно возможный. Тройной параллелизм "*work harder, learn more, reach higher*" также является градацией, разворачивающей семантический переход от «труда» к «знаниям» и «достижениям», что соответствует идеи об американских общественных идеалах.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

В дискурсе Барака Обамы идейное содержание политических речей реализуется через систему взаимодополняющих стратегий, формирующих целостный образ демократического лидерства.

Интерпретационно-ориентационная стратегия, реализуемая через идентифицирующую и дидактическую тактики, представляет Америку как носителя универсальных ценностей («сила через единство»); она призвана создать положительный образ демократии и обосновать необходимость следования политическим и ценностным идеалам американского общества. Информационная стратегия (тактики констатации фактов и обещания) демонстрирует власть как механизм эффективных действий («власть как компетентный менеджмент»); она направлена на разъяснение необходимости соблюдения демократических принципов. Интеграционная стратегия позиционирует США как интегратора мирового демократического процесса («вместе к процветанию»); посредством инспиративной тактики и тактики консолидации политик осуществляет легитимацию власти через демонстрацию компетентности своей администрации. Побудительная стратегия (тактика призыва и дидактическая тактика) формулирует императивы демократического развития («следуйте нашему примеру»); реализуя идею сотрудничества и интеграции. Агональная стратегия, представленная тактиками критики и оценки, создает образ внутренних/внешних угроз («враги прогресса») и направлена на создание положительного образа администрации президента и мобилизацию его сторонников через образ общего врага.

Используемый в описании стратегий и тактик инструментарий включает коммуникативные цели говорящего, в соответствии с которыми выделяются речевые действия, трактуемые в терминах речевых актов. Интерпретационно-ориентационная стратегия реализуется в репрезентативах и декларативах; информационная стратегия в репрезентативах, декларативах и комиссивах; интеграционная стратегия зарегистрирована в декларативных РА; побудительная стратегия – в директивных РА; агональная стратегия – в декларативных РА.

В составе речевых актов со смысловой доминантой «власть» у Барака Обамы преобладают репрезентативы, целевая установка которых связана с необходимостью поддерживать высокий уровень осведомлённости граждан о деятельности правительства. Число декларативов оказывается более чем в два раза меньшим по сравнению с репрезентативными РА, однако они обладают значительным прагматическим весом, реализуя три из пяти зарегистрированных стратегий и имея своей целью пропагандировать демократические ценности и идею за их соблюдение. Целевая установка директивных речевых актов связана с утверждением идеи о моральном праве Америки на демократизацию других стран, комиссивных – с обещанием сделать всё возможное для решения актуальных проблем Америки.

Можно выделить определённую взаимосвязь между избираемой стратегией и реализуемым метасодержанием. Интерпретационно-ориентационная стратегия утверждает Америку как носителя универсальных ценностей («сила через единство»), речевые акты с информационной стратегией демонстрируют власть как механизм эффективных действий, интеграционная позиционирует США как интегратора мирового демократического процесса («вместе к процветанию»), побудительная стратегия формулирует императивы демократического развития («следуйте нашему примеру»), а агональная создает образ внутренних/внешних угроз. Таким образом создаётся мета-метасодержание, которое может быть сформулировано следующим образом: «Америка – носитель универсальных демократических ценностей, чье глобальное лидерство обусловлено моральной легитимностью, институциональной эффективностью и открытостью».

На языковом уровне пласт метасодержания и мета-метасодержания находит реализацию через комбинаторные сочетания определённых языковых средств. Основную функциональную нагрузку в реализации интерпретационно-ориентационной стратегии несут словосочетания, номинирующие базовые ценности американского общества и включающие лексику с ценностной составляющей. В репрезентативных РА ключевыми единицами являются слова с семантикой «сила, мощь», «правильно», «важно», в декларативных –

«ответственность» и «народ». Декларативы характеризуются значительной степенью экспрессивности, высокой частотностью модальных синтагм с семантикой долженствования, развернутыми бинарными оппозициями, служащими для противопоставления по линии «свой – чужой», использованием исторических отсылок к ключевым документам американского прошлого.

Для речевых актов, реализующих информационную стратегию, характерно использование слов и терминологических сочетаний с семантикой безопасности; при этом их плотность и стилистическая окраска варьируются в зависимости от типа речевого акта. Дискурсивными маркерами данной стратегии являются также глаголы действия и специализированная лексика, особенно в репрезентативах, где отмечается высокая концентрация канцеляризмов и политических терминов. В декларативах возрастает доля эмоционально окрашенной лексики и метафор, тогда как комиссивы отличаются частым использованием субъектно-предикатных синтагм, в которых глагол *will* выступает как форма будущего времени и как модальный глагол с семантикой волеизъявления.

Основными языковыми средствами интеграционной стратегии являются интертекстуальные включения, заимствованные из текстов исторических документов; лексика, номинирующая базовые американские ценности и многократно повторяющаяся лексема «people».

Реализация агональной стратегии характеризуется системой экспрессивных средств с ярко выраженной пейоративной окраской. Негативная оценка противников и оппонентов обеспечивается за счет дейктических единиц, выступающих средством выражения оппозиции свой/чужой, использования метафор и политических клише, контрастных по семантике и характеру коннотации атрибутивных словосочетаний.

Проведённый лингвостилистический анализ выявил системную корреляцию между коммуникативными стратегиями и используемыми средствами акцентуации. Интерпретационно-ориентационная стратегия преимущественно реализуется посредством синонимической конденсации и семантической детализации (развёрнутые перифразы с ценностными компонентами), что способствует

концептуализации демократических идеалов. Информационная стратегия опирается на синтаксический параллелизм, структурную симметрию, фонетические повторы, обеспечивая логическую строгость изложения технических аспектов политики. Интеграционная стратегия характеризуется комплексным использованием контрастных оппозиций, синонимического параллелизма и фонологического повтора, которые помогают политику подчеркнуть идею единства и интеграции. Побудительная и агональная стратегии демонстрируют ограниченный потенциал средств акцентуации, что обусловлено доминированием директивных речевых актов, снижающих необходимость дополнительной маркировки, приоритетом семантической эксплицитности над имплицитным воздействием в ситуациях конфронтации, а также жанровыми особенностями (краткость императивных конструкций оставляет меньше пространства для стилистических разработок).

ГЛАВА IV. ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВЫХ АКТОВ СО СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТОЙ «ВЛАСТЬ» В ДИСКУРСЕ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Аналогично предыдущему разделу, в данной главе мы ставили перед собой цель через описание средств, осуществляющих основную функцию политической речи – функцию воздействия, раскрыть идейное (мета-) содержание, на создание которого, собственно, и направлено публичное выступление, и которое реализуется через определенный набор речевых тактик и стратегий, выражаемых комплексом разноуровневых языковых и речевых единиц.

Корпус исследования составили 834 текстовых фрагмента из предвыборных и президентских выступлений Дональда Трампа (2015-2021 гг.). Количественный анализ выявил следующее соотношение типов речевых актов:

- репрезентативы (45%)
- декларативы (25%)
- директивы (20%)
- комиссивы (10%)

На рис. 3 приведены результаты количественного анализа распределения типов речевых актов в дискурсе Дональда Трампа:

Рис. 3

Проведенный анализ публичных выступлений Дональда Трампа позволил идентифицировать пять ключевых коммуникативных стратегий: интеграционную, агональную, побудительную, интерпретационно-ориентационную и информационную. Количественное распределение выявленных стратегий в исследуемом корпусе текстов представлено на рисунке 4.

Рис. 4

Далее мы рассмотрим особенности каждой стратегии с позиции используемых тактик, типов речевых актов и реализуемых языковых и речевых средств.

4.1. Интеграционная стратегия

Наиболее репрезентативной является интеграционная стратегия, представленная в более трети высказываний (34%). Данная стратегия зарегистрирована в трёх типах речевых актов – декларативах, репрезентативах и комиссивах.

Реализация интеграционной стратегии осуществляется посредством фатической тактики (характерной для всех трёх типов речевых актов) и тактики отсылки (представленной исключительно в декларативных речевых актах).

Реализация обеих тактик сопряжена с культивацией американской идентичности, связанной с апелляцией к традиционным ценностям (трудолюбие, патриотизм, религиозность) и идеей о коллективной ответственности: каждый гражданин (особенно «простые труженики») является хранителем величия нации, а местные власти (а не федеральный центр) представляют собой движущую силу социальных перемен:

(1) And these are the values our country was built upon, these are the values that unite our citizens and these are the values that powered our civilization towards its towering heights... (D. T. Delivers an Address at the Dream City Church in Phoenix – June 23, 2020)

(2) Loyal citizens like you helped rebuild this country and together we are taking back our country, returning power to the everyday, smart, brilliant, wonderful, hard-working American people. We are standing on the shoulders of the American patriots who settled the frontier, scaled the Rockies, and won the American west. These are great, incredible, strong tough, tough people. This state was forged by pioneer men and women who braved the cold and tamed the wilderness to build a home on the plains and a life for their families. (D.T. Holds a Political Rally in Fargo, North Dakota – June 27, 2018) (декларативный РА)

(3) Devoted citizen like you – all citizens like you helped build this country, and together we are taking back our country and returning power to the American people. It's what happened. Greatest movement in history. This incredible state was built by tough frontier men and strong pioneer women who braved the wilderness to build a life and home with their own two hands. (D. T. Holds a Political Rally in Cape Girardeau, Missouri – November 5, 2018) (репрезентативный РА)

(4) No longer will federal bureaucrats micromanage your local police. And we will work with, upon request, local police to help them, not to hinder

them. And we're waiting for a call from Chicago, because there's no place that we would rather help than Chicago. (D. T. Addresses the International Association of Chiefs of Police – October 28, 2019) (комиссионный РА).

На лексическом уровне наблюдается корреляция между избираемыми тактиками и используемыми языковыми средствами, где фактическая тактика реализуется посредством синонимической конденсации, выраженной мелиоративно маркированными прилагательными (smart, brilliant, wonderful, great, incredible), а также частотным повтором аксиологических маркеров (values – 4.2 на 1000 слов, together – 3.5 на 1000 слов, hard-working – 6.1 на 1000 слов), репрезентирующих ключевые характеристики американского социума. Воздействующий потенциал дискурса усиливается за счет использования глагольных синтагм с акциональной семантикой (get stuff done, sending people to help), которые в сочетании с лексемами, выражающими идею консолидации (we, together), формируют концептуальное поле национального процветания, что способствует реализации персуазивной функции политической коммуникации.

Примером может служить отрывок речи, посвящённой борьбе с последствиями разрушительного урагана Харви:

*(5) We are sending tremendous amounts of supplies, tremendous amounts of food and water, and we are sending **great** people to help. I know that it's been devastating, I know your police force and everything else has been absolutely hurt, but we're **sending people to help**, and it's getting **better** on a daily basis.* (D. T. Weekly Address – Washington, DC – September 29, 2017)

Кроме того, фатическая тактика реализуется через риторический приём сторителлинга, в котором политик «персонифицирует» ответственность за американское благополучие. Национальные ценности и достижения воплощаются в конкретных биографиях или действиях рядовых граждан, которые создают процветающее государство:

*(6) It is the story of **Lieutenant Jack Powers**, a Navy flier. He grew up just miles from here, in a modest apartment in Washington Heights, right up the*

road. He then went on to the United States Naval Academy, incredible place.

(D. T. Commemorates the Anniversary of Battle of the Coral Sea – May 4, 2017)

Дональд Трамп осуществляет героизацию рядовых граждан, конструируя их образ как социально значимых персонажей, достойных подражания. Данная риторическая техника реализуется через систему лингвистических маркеров с выраженной мелиоративной коннотацией: *great pastors; great people; smart, brilliant, wonderful, hard-working American people; incredible person; the right of peaceful protesters; everybody loved her* и др.

Подобные словосочетания формируют аксиологически позитивный портрет репрезентируемых субъектов. Моделирование социальных прототипов выполняет важную персуазивную функцию, способствуя идентификации целевой аудитории с предлагаемыми ценностными ориентирами:

*(7) And we're joined today by many **great pastors and faith leaders** – some of whom I know pretty well – who trust the **power of prayer and the mercy of God** to transform their lives. And I want to thank you all for being here. Thank you. **Great, great faith leaders.** (D. T. Delivers Address at Hope For Prisoners Graduation – February 20, 2020)*

Персонализация дискурса достигается за счёт использования наименований должностей конкретных людей, работающих на благо общества (*Attorney General and the Justice Department; Iowa authorities*). Таким образом реализуется идея ответственности каждого госслужащего за процветание Америки, идея, которая характеризует весь дискурс Дональда Трампа: процветание Америки зависит от действий каждого гражданина и каждого, кто занимает должность в госаппарате.

Примером может служить отрывок из предвыборной речи 2020 года, котором политик обращается к своим сторонникам, подчеркивая, что именно простые граждане – а не политическая элита – являются истинными хозяевами страны:

*(8) We are returning power to you, **the American people**. With your help, your devotion, and your drive, we are going to keep on working, we are going to keep on fighting, and we are going to keep on winning, winning, winning. We are **one movement, one people, one family, and one glorious nation under God.***

And together with the incredible people of Wisconsin, we will make America wealthy again. (D. T. Holds a Campaign Rally in Mosinee, Wisconsin – September 17, 2020)

Важным средством создания фатической тактики является использование притяжательного местоимения второго лица *youг* в сочетании с лексическими единицами с семантикой «личная вовлеченность» (*your help, your devotion, your drive*), выражающую идею совместных усилий правительства и обычных граждан, направленные на решение возникающих проблем.

Интеграция, реализуемая посредством тактики отсылки, выражается через упоминания исторического наследия американского общества – исторических деятелей США (*the giants of our past; American Heroes; the greatest Americans*), отсылок к прошлому, из которого проистекает сегодняшнее величие народа Америки. Примером может служить отрывок из речи, посвящённой строительству Национального Сада Американских Героев – мемориального комплекса, который, по указу Дональда Трампа, должен быть построен как ответ американскому движению по сносу памятников, которое президент обвинил в стремлении разрушить историю, институты и самобытность страны (“When the forces of anti-Americanism have sought to burn, tear down, and destroy, patriots have built, rebuilt, and lifted up. That is our history”) [<https://www.gpb.org/>, 18.01.2021]:

*(9) I am announcing the creation of a new monument to the **giants of our past**. I am signing an executive order to establish the National Garden of American Heroes, a vast outdoor park that will feature the statues of **the greatest Americans to ever live**. (D. T. Attends a Fourth of July Fireworks Show at Mount Rushmore – July 3, 2020)*

Другим примером может служить отрывок из речи, произнесённой на предвыборном митинге в Лейтробе, где политик апеллирует к традиционным ценностям Америки и выдвигает на передний план тему возрождения национальной гордости, упоминая героев битвы при Геттисберге, а также возводя в ранг героев простых рабочих, которые трудились на благо Америки:

(10) *This is the commonwealth where our Union was saved by the heroes of Gettysburg and where generations of tough, strong Pennsylvania workers, mined the coal, worked the railroads, forged the steel that made America into the greatest and most powerful nation in the history of world.* (D. T. Delivers Campaign Remarks in Latrobe, Pennsylvania – September 3, 2020)

В дискурсе Дональда Трампа американская идентичность представлена как основанная на величии прошлого. Использование тактики отсылки характерно только для декларативных речевых актов, следовательно, можно сделать вывод о том, что декларативы создают ценностный каркас интеграционной стратегии, легитимируя подобную самоидентификацию.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реализация интеграционной стратегии в дискурсе Дональда Трампа осуществляется через систему взаимосвязанных языковых и риторических средств, формирующих целостную картину национальной идентичности. Ядро стратегии составляют три ключевых компонента:

- i. утверждение исключительности американской нации через постоянные отсылки к базовым ценностям (трудолюбие, патриотизм, религиозность) и историческому наследию («отцы-основатели», «герои Геттисберга»);
- ii. акцентирование коллективной ответственности, где особое внимание уделяется роли местных сообществ и рядовых граждан в противовес федеральным институтам;
- iii. последовательное противопоставление «истинных американцев» (фермеров, рабочих, ветеранов) бюрократической элите.

Лингвистически это выражается через:

- 1) частотное употребление мелиоративной лексики ("brilliant", "incredible", "tough") в сочетании с глаголами коллективного действия ("rebuild", "unite");
- 2) использование исторических прецедентов как доказательства национального величия;

3) лексика с ценностным компонентом, основным способом реализации которой является синонимическая конденсация.

Особенностью реализации стратегии является ее конкретно-персонифицированный характер – интеграция достигается не через абстрактные принципы, а через апелляцию к локальным практикам и индивидуальным примерам («истории героев»), что отражает характерный для Трампа популистский стиль политической коммуникации.

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать вывод о том, что метасодержание РА, реализующих интеграционную стратегию, может быть сформулировано следующим образом: «Великая Америка строится руками простых тружеников, объединённых традиционными ценностями – наше прошлое доказывает это, а будущее зависит только от нашей сплочённости».

4.2. Агональная стратегия

В дискурсивной практике Дональда Трампа агональная стратегия реализуется преимущественно через два типа иллокутивных актов – декларативы и комиссивы, составляя приблизительно 26% от общего корпуса анализируемых РА. Данная стратегия операционализируется посредством двух ключевых тактик: тактики угрозы и тактики критики и обвинения. Лингвопрагматический анализ выявляет в этих речевых актах бинарную оппозицию «свой–чужой», которая проявляется:

1) в антиномическом противопоставлении сторонников текущего политического курса («американский народ», «республиканцы») и политических оппонентов («демократы», «бюрократы», «Хиллари Клинтон»);

2) в диахронической оппозиции негативно оцениваемого прошлого и позитивно маркированного настоящего, достигнутого, согласно дискурсу, благодаря политике Трампа

3) в интенсивном использовании лексики с ценностным наполнением, основным способом реализации которой является синонимическая конденсация, Данный приём служит для усиления полярности оппозиции «свой–чужой» и придания ей максимальной эмоциональной насыщенности и образности, что способствует более эффективному мобилизационному воздействию на целевую аудиторию:

(11) *History has said, "Don't sell good equipment to the enemy." Our message to the bloodthirsty terrorists is clear: You will not escape your wretched fate, because the long reach and the really **awesome power of the United States military** is unstoppable. We have **the most powerful military in the world, by far. There's nobody close.** And we're going to keep it that way. (D. T. Addresses Troops on Thanksgiving in Afghanistan – November 28, 2019) (декларативный РА)*

(12) *If **crooked Hillary** would have **won this election**, and if she **came here**, which is about a zero percent change, after the election,... she'd have 200 people in a conference room in a small hotel. (D. T. Holds a Political Rally in Fargo, North Dakota – June 27, 2018) (декларативный РА)*

(13) *In all fairness, we've been after him for a long time, who stood up to the House Democrats and the **outrageous abuse of power** that you see going on right now. (D. T. Holds a Political Rally in Wildwood, New Jersey – January 28, 2020) (декларативный РА)*

(14) *The ICC claims near-universal jurisdiction over the citizens of every country, **violating all principles of justice, fairness, and due process.** We will never **surrender American sovereignty** to an **unelected, unaccountable, global bureaucracy.** (D. T. Addresses the 73rd Session of the United Nations – September 25, 2018) (комиссивный РА)*

Дональд Трамп также затрагивает вопросы нацбезопасности США, говоря о внешних угрозах (международный терроризм нелегальная иммиграция):

(15) *Military power alone will not bring peace to Afghanistan or stop the terrorist threat arising in that country. But strategically-applied force aims*

to create the conditions for a political process, to achieve a lasting peace. America will work with the Afghan government as long as we see determination and progress. However, our commitment is not unlimited, and our support is not a blank check. (D. T. Delivers Primetime Speech on Afghanistan – August 21, 2017)

(16) *The Democrat Party's immigration policies empower bloodthirsty cartels that maim, murder, and torture; that smuggle and traffic innocent human beings; that flood our communities with poisonous drugs. The Left's immigration policies are not compassionate; they are heartless, merciless, and cruel. Countless Americans are killed every year by criminal aliens. These are illegal aliens that come in, and they are, in many cases, very bad people.* (D. T. Delivers a Speech at the 2020 CPAC Convention in Maryland – February 29, 2020)

Следует отметить, что все высказывания, в которых президент говорит о внешних угрозах, являются комиссивными РА.

Речевые акты, реализующие агональную стратегию, объединяет высокая степень эмоциональности и агрессивный тон, при этом агрессия, направленная на внешнего врага США, выражается с помощью дисфемизированных словосочетаний, содержащих лексику с негативной коннотацией: *violence and chaos; ability to export terror; criminal networks* и др.

Основным средством реализации агональной стратегии, общим для обеих используемых тактик, является использование синтагм, содержащих лексемы с ярко выраженной пейоративной коннотацией, которые можно разделить на два семантических поля:

- a. характеристика людей (*crooked Hillary, stupid people, bloodthirsty cartels, dangerous criminals, illegal aliens*)
- b. описание проблем и угроз американского общества (*disastrous trade deals, pure evil, outrageous abuse of power, brazen and lawless attack, meddle in your faith; unelected, unaccountable, global bureaucracy*).

Реализуя тактику угрозы, политик строит высказывание на приёме прямого устрашения, реализуемого через субъектно-предикатные синтагмы с глаголом с will:

(17) *The killers need to know they have nowhere to hide, that no place is beyond the reach of American might and American arms. Retribution will be fast and powerful* (D. T. Delivers Primetime Speech on Afghanistan – August 21, 2017);

(18) *You will not escape your wretched fate, because the long reach and the really awesome power of the United States military is unstoppable.* (D. T. Addresses Troops on Thanksgiving in Afghanistan – November 28, 2019)

В РА, реализующих тактику угрозы, доминирует идея американской мощи, дискурсивно конструируемая через призму национального единства и военной силы:

...swift, decisive and overwhelming force...

...the most powerful and righteous force on the face of the planet...

We have a great country and we all, together, will make it even better...

и др.

Данная идея составляет идеологическую основу политического курса Дональда Трампа, актуализация которой осуществляется посредством следующих средств:

1) повтор, маркирующий доминантные смыслы (respected, together, real, the greatest);

2) союзные сочинительные словосочетания с союзом 'and', создающие эффект кумулятивного усиления;

3) синтаксический параллелизм, акцентирующий внимание аудитории на наиболее важных идеях.

Через указанные средства политический актер формирует образ Америки как монолитного субъекта, обладающего неоспоримой способностью к противостоянию существующим угрозам:

(19) *You are now leaders in the **most powerful and righteous force on the face of the planet**. The United States military. And we are respected again, I can tell you that. We are respected again. (D. T. Delivers Speech at U.S. Naval Academy Graduation – May 25, 2018)*

(20) *They are won in the field drawing upon the judgment and expertise of wartime commanders and frontline soldiers, acting in **real time with real authority** and with a clear mission to defeat the enemy. (D. T. Delivers Primetime Speech on Afghanistan – August 21, 2017)*

(21) *But the Democrats want to turn back the clock, put America in reverse, and give power back to a corrupt, selfish ruling class that only looks for power and for themselves. But we are not going back. We are only going forward. We need you to vote for a Republican House and a Republican Senate so we can continue this incredible movement, **the greatest movement in political history, the greatest movement** our country has ever seen. (D. T. Holds a Political Rally in Belgrade, Montana – November 3, 2018)*

Как видно из примеров выше, Трамп использует синтагмы, содержащие мелиоративно окрашенную лексику для описания «своих» – военных, полиции, избирателей (*incredible people, the greatest movement*). «Свои» ассоциируются с традиционными ценностями (свобода, демократия, законность), «чужие» – с коррупцией, преступностью и угрозами национальной безопасности:

(22) *The **federal authorities** are on the scene and leading an **aggressive federal investigation**. **State and local law enforcement** has been **incredible**. (D. T. Holds a Political Rally in Murphysboro, Illinois – October 27, 2018)*

(23) *Some **incredible people in the press** – **brilliant, powerful, smart, and fair people in the press**. And I want to thank you. My greatest wish is that we can **all work together to make America safe, and just, and free for all Americans**. We have a great country and we all, together, will make it even better. (D. T. Delivers a Comedic Speech at the Annual Gridiron Club Dinner)*

Тактика критики и обвинения сопровождается номинациями конкретных людей (the mayor of Oakland, Pelosi). Для выражения критики президент использует приём детализации, называя примеры преступлений, ссылки на законы:

(24) *Rocky's killer had been previously arrested many, many times, but under California's totally **insane and outrageous sanctuary law**, authorities were ordered to set him free. (D. T. Holds a Political Rally in Manchester, New Hampshire – February 10, 2020)*

(25) *Last weekend the mayor of Oakland warned criminal aliens of a coming ICE enforcement action **giving them time to scatter and hide from authorities** (D. T. – Weekly Address – Washington, DC – March 10, 2018)*

(26) *So, yesterday I sent Pelosi a letter denouncing and condemning her party's **outrageous abuse of power**. That's what it is, they have nothing. They're the **ones that should be impeached**, every one of them. (D. T. Holds a Political Rally in Battle Creek, Michigan – December 18, 2019)*

Контент-анализ высказываний показал, что критика направлена не на абстрактные группы, а на конкретных индивидов, что усиливает эффект адресности и эмоционального воздействия. Это создает образ «врага», персонифицируя угрозу и упрощая ее восприятие аудиторией. Кроме того, это придает критике видимость объективности, хотя отбор фактов носит тенденциозный характер. Данная тактика соответствует модели «ad hominem» в политическом дискурсе [Хазагеров, 2006: 119], где атака на личность оппонента сочетается с псевдорациональной аргументацией (детализация). Ее ключевая цель — не столько опровергнуть позицию противника, сколько дискредитировать его в глазах аудитории.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что агональная стратегия в дискурсе Дональда Трампа реализуется преимущественно через декларативные и комиссивные речевые акты, и операционализируется посредством двух ключевых тактик — тактики угрозы и тактики критики и обвинения, направленных на конструирование устойчивой бинарной оппозиции «свой–чужой», которая проявляется как в антиномическом противопоставлении

сторонников текущего политического курса («американский народ», «республиканцы») и политических оппонентов («демократы», «бюрократы», «Хиллари Клинтон»), так и в диахронической оппозиции негативно оцениваемого прошлого и позитивно маркированного настоящего, достигнутого, по утверждению Трампа, благодаря его политике.

Для данной стратегии характерна высокая степень эмоциональности и агрессивный тон, направленный как на внешних врагов (террористические группировки, нелегальные мигранты), так и на внутренних оппонентов, что выражается через дисфемизированную лексику с негативной коннотацией. Тактика угрозы реализуется через субъектно-предикатные синтагмы с модальным глаголом *will*, подчеркивающим неизбежность возмездия, тогда как тактика критики строится на приёме детализации и персонализации обвинений, что усиливает эффект адресности (упоминание конкретных лиц, таких как “the mayor of Oakland” или “Pelosi”).

Важным аспектом агональной стратегии является конструирование образа Америки как монолитного субъекта, обладающего неоспоримой мощью, что достигается через лексический повтор, синтагматические конструкции с сочинительным союзом *and*, а также мелиоративно окрашенную лексику при описании «своих». Таким образом, агональная стратегия в дискурсе Трампа служит инструментом мобилизации сторонников через создание упрощённой картины мира, где угрозы персонифицированы, а противостояние им подаётся как моральный императив, требующий безусловной поддержки его политического курса.

Основываясь на проведённом анализе, можно сделать вывод о том, что метасодержание речевых актов, реализующих агональную стратегию, может быть сформулировано следующим образом: «Только бескомпромиссная сила, единство и воля могут защитить американский образ жизни от внутренних и внешних врагов».

4.3. Побудительная стратегия

В дискурсивной практике Дональда Трампа побудительная стратегия реализуется преимущественно в двух типах РА – декларативов и директивов, составляя приблизительно 23% от общего корпуса анализируемых высказываний. Данная стратегия реализуется через две основные тактики: прескриптивную тактику и тактику призыва. Речевые акты с побудительной интенцией фокусируются на актуальных внутривнутриполитических проблемах, включая:

- 1) иммиграционный кризис,
- 2) криминогенную ситуацию,
- 3) так называемую «наркотическую эпидемию»,
- 4) вопросы энергетической политики.

В указанных контекстах Дональд Трамп актуализирует императивную модальность, направленную на мобилизацию общественного сознания вокруг обозначенных проблем:

(27) *We want to end the border crisis by finally giving us the legal authorities and the resources to detain and remove illegal immigrant families all together and bring them back to their country. We **have to** bring them back to their country.* (D. T. Delivers a Speech at the Federation of Independent Businesses – June 19, 2018)

В отличие от Барака Обамы, в речевых актах данной группы Дональд Трамп редко затрагивает внешнеполитические вопросы, фокусируясь на национальной повестке.

Общий тон высказываний, реализующих побудительную стратегию, может быть охарактеризован как эмоциональный. В зависимости от используемой тактики средства создания эмоциональности различаются. В речевых актах, реализующих тактику призыва, политик стремится мобилизовать аудиторию на поддержку политических инициатив. С этой целью в речевых актах используются синтагмы, содержащие дебитивные глаголы императивно-категоричной модальности (“have to”, “must”), а также другие лексические единицы, служащие средством выражения дебитивной модальности:

...using any means necessary...

...owe it to our children...,

...of due process...

We are lifting self-imposed restrictions...

и др.

Примером могут служить фрагменты речей 2018 и 2020 гг., в которых политик рассказывает о предпринятых политических инициативах:

(28) *So what I'm asking Congress to do is to give us a third option, which we have been requesting since last year – the legal authority to detain and promptly remove families together as a unit. We **have to** be able to do this. This is the only solution to the border crisis. We **have to** stop child smuggling.* (D. T. Delivers a Speech at the Federation of Independent Businesses – June 19, 2018)

(29) *They've taken their authority and their dignity away. We are giving it back now. **We have to, we have to.*** (D. T. Holds a Campaign Rally in Mosinee, Wisconsin – September 17, 2020)

В примерах (28) и (29) повтор модального глагола *have to* используется для усиления патетического эффекта призыва.

Кроме того, эмоциональная окраска создаётся за счёт риторического приёма драматизации как намеренного преувеличения напряжённости ситуации. Политик не стремится эвфемизировать существующие проблемы, что является типичной для Трампа чертой политического имиджа. На языковом уровне это выражается через использования словосочетаний с яркой коннотативной окраской, принадлежащих тематическому полю «социальные проблемы».

Приведём два фрагмента из речи, посвящённой проблеме распространения «опиоидного кризиса»:

(30) *We owe it to our children and our country to do everything in our power to address this **national shame** and this **human tragedy**. We must stop the flow of all types of illegal drugs into our communities. [Applause] For too long, dangerous criminal cartels have been allowed to infiltrate and spread*

throughout our nation. An astonishing 90 percent of the heroin in America comes from south of the border, where we will be building a wall which will greatly help in this problem. (D. T. on Combatting Drug and Opioid Demand – October 26, 2017)

*(31) That is why, effective today, my administration is officially declaring the **opioid crisis a national public health emergency** under federal law, and why I am directing all executive agencies to use every appropriate emergency authority to fight the opioid crisis. (D. T. – On Combatting Drug and Opioid Demand – October 26, 2017)*

В приведённых примерах драматизация формирует у аудитории представление о ситуации как о критической (через лексемы "crisis", "tragedy", "shame"), а также обосновывает необходимость немедленных действий (через глагольные синтагмы императивной семантики: "must stop", "to do everything in our power", "to use every appropriate emergency authority").

Для реализации побудительной стратегии, прескриптивной тактики, характерно использование императивных форм глаголов:

*(32) Anytime you do, **report** them to the authorities. The authorities are waiting and watching. From Akron to Columbus, from Cincinnati, Queen City, I know it well... (Donald Trump Holds a Campaign Rally in Swanton, Ohio – September 21, 2020)*

В РА, реализующих прескриптивную тактику, на передний план выходит стремление президента к легитимации собственных решений через демонстрацию уже достигнутых успехов. Примером может служить фрагмент речи на митинге в Сидар-Рапидс (Айова), в которой политик говорит об энергетической политике США:

*(33) In our drive to make Washington accountable, **we have eliminated** more regulations in our first year than any administration in the history of our country. They wanted to take that power and that wealth away from us. And **we've ended** the war on clean, beautiful coal. And we're putting*

our miners back to work. (D. T. Holds a Political Rally in Cedar Rapids, Iowa – June 21, 2017)

Использование перфектных форм глагола выполняет важную прагматическую функцию: акцентируя уже достигнутые результаты администрации, они формируют у аудитории представление о преемственности между прошлыми успехами и будущими политическими решениями, что способствует легитимации текущего курса и создает дискурсивные основания для призыва к дальнейшей электоральной поддержке действующей власти.

Проведённый анализ речевых актов показал, что побудительная стратегия в дискурсе Дональда Трампа реализуется преимущественно через декларативные и директивные речевые акты, и операционализируется посредством двух ключевых тактик – прескриптивной тактики и тактики призыва. Данные РА концентрируются на актуальных внутриполитических вопросах, таких как иммиграционная политика, криминогенная ситуация, наркотическая эпидемия и энергетическая стратегия, при этом внешнеполитическая тематика не затрагивается, что составляет существенное отличие от дискурса Барака Обамы. Использование глаголов императивно-категоричной модальности, повторов и лексики с ярко выраженной коннотативной окраской, относящейся к семантическому полю социальных проблем, способствует драматизации описываемых ситуаций и формирует у аудитории восприятие их как критических, требующих немедленного вмешательства. В рамках прескриптивной тактики важную роль играет использование перфектных глагольных форм, которые, акцентируя уже достигнутые администрацией успехи, создают дискурсивные основания для легитимации текущего политического курса и мобилизации электоральной поддержки. Таким образом, побудительная стратегия в дискурсе Трампа служит эффективным инструментом формирования общественного мнения, направленным на консолидацию сторонников вокруг обозначенных политических инициатив через сочетание эмоционального воздействия и рациональной аргументации, основанной на демонстрации практических результатов. Это формирует дискурс срочных действий, где аудитория побуждается не только к поддержке мер, но и

к отвержению альтернативных позиций (демократов, «слабых» законов). Такой подход характерен для популистской коммуникации, где сложные проблемы сводятся к простым решениям (“build a wall”, “stop the flow”).

Метасодержание речевых актов, реализующих побудительную стратегию, может, на наш взгляд, быть сформулировано следующим образом: «Америке нужны решительные действия, а не пустые разговоры, и только сильное лидерство может вернуть стране порядок, безопасность и процветание».

4.4. Интерпретационно-ориентационная стратегия

Реализация интерпретационно-ориентационной стратегии в дискурсе Дональда Трампа осуществляется только в репрезентативных РА. Доля высказываний, содержащих анализируемую стратегию, составляет 9% всех исследуемых речевых актов. Данная стратегия представлена проективной тактикой. Политик затрагивает вопросы, связанные с внутренней политикой США. Главная целевая установка данной группы РА заключается в представлении действий правительства как успешных и ориентированных на нужды граждан. Примером может служить отрывок из речи, обращенной к Совету по национальной политике:

(34) *You know, when they used to do powerful things, when they knew what the hell they were doing. [Laughter] I took an old bill, and I gave a nice, beautiful, brand-new executive order. It says, very easily – **could you imagine** getting this today? – **you rip down** a statue, a federal statue, you go to **jail** – prison; they use the term "prison" – you go to prison for 10 years..* (D. T. Addresses the 2020 Council for National Policy in Arlington – August 21, 2020)

Отличительной особенностью всех РА, выстроенных посредством интерпретационно-ориентационной стратегии, является использование прямого обращения к аудитории и разговорной лексики. Употребление разговорного стиля отвечает стремлению президента «быть на одной волне» со своими гражданами и быть понятным широкой аудитории и создавать впечатление честности и

открытости перед народом. Президент убеждён, что в простых американцах заключается сила Америки, и мнение народа должно учитываться в принятии политических решений:

(35) *But we know that families and churches, not government officials, know best how to create a strong and loving community.* (D.T. Addresses the Faith and Freedom Coalition's Conference - June 8, 2017)

Кроме того, описанные выше языковые средства помогают создать доверительный настрой – политик выстраивает диалог с народом без посредников, показывая заинтересованность в проблемах простых людей и общаясь с ними на равных. Как и в речевых актах, реализующих агональную и интеграционную стратегии, Дональд Трамп использует приём персонификации, упоминая политиков, с которыми он работает, по именам и должностям:

(36) *A federal judge Friday questioned **Special Counsel Robert Mueller's** authority to bring tax and bank fraud charges unrelated – unrelated.... Unrelated to the 2016 election against former Trump campaign manager chairman **Paul Manafort**.* (D. T. Addresses the National Rifle Association Leadership Forum – May 4, 2018)

(37) ***Tom Price**, our Secretary of Health and Human Services, to use his authority to reduce regulations that are driving up costs of care.* (D. T. Weekly Address – Washington, DC – March 10, 2017)

(38) *We've been working closely with local authorities, and I remain in close communication with **Governor Abbott of Texas** and **Governor Edwards of Louisiana**.* (D. T. Weekly Address – Washington, DC – September 1, 2017)

(39) *We have a very, very strong, powerful, brilliant governor with us tonight, **Kim Reynolds**. And she came through with an amazing victory.* (D. T. Delivers Remarks at Iowa GOP Fundraising Dinner in Iowa – June 11, 2019)

Во многих подобных высказываниях присутствуют фатические элементы – президент отзывается о политиках положительно и с благодарностью, называя их друзьями и давая им мелиоративные характеристики:

I fully endorse you;

He has done a great job;
 Thank you, John;
 They're so great;
 Incredible people; great friends
 и т. д.:

(40) *And I know most of you in this room – I think probably everybody in this room – **works brilliantly** with our federal authorities. And it's our honor to do it – including funding, by the way – including funding. **Thank you.*** (D. T. Addresses the International Association of Police Chiefs – October 8, 2018)

Интерпретационно-ориентационная стратегия Дональда Трампа направлена на конструирование образа правительства как высокоэффективного экспертного сообщества, обладающего компетенцией для решения широкого спектра социально-политических проблем. В рамках данной стратегии осуществляется антропоморфизация государственного аппарата: посредством языковых средств политик репрезентирует правительственные структуры не как бюрократическую систему, а как персонифицированное сообщество граждан США, объединённых общей целью национального процветания. Подобная репрезентация способствует формированию позитивного имиджа власти и сокращению дистанции между политическими институтами и электоратом.

Как и в других группах речевых актов, политик использует ключевые слова, семантически связанные с ценностями американского общества:

(41) *We have it in our power to build this future together, **a future of patriotism, prosperity and pride.** We all share **one home and one glorious destiny.** And whether we are young or old – I feel very young, do you feel young? Whether we are from the city or the country, and whether we are black or brown or white, you've heard it before, **we all bleed the same red blood.** We all salute the same **great American flag.*** (D. T. Holds a Political Rally in Pensacola, Florida – December 8, 2017)

(42) *We support **the right of peaceful protesters**, and we hear their pleas.* (D. T. Delivers Address at the Kennedy Space Center After SpaceX Launch – May 30, 2020)

(43) *If you want to end sanctuary cities in Michigan, if you want to protect your families from criminal aliens, if you want to have **a safe life**, frankly, it's so crazy what they're doing. You wouldn't even believe it.* (D. T. Holds a Political Rally in Battle Creek, Michigan – December 18, 2019)

В приведённых примерах упоминаются базовые, по убеждению Трампа, ценности Американского общества – безопасность, процветание и права граждан, которые являются основой демократии. И хотя использование аксиологической лексики является характерным и для других типов РА, в данной группе прагматический потенциал подобных лексических единиц приобретает особую значимость в силу нескольких взаимосвязанных факторов. Во-первых, актуализация базовых ценностей ("patriotism, prosperity and pride", "safe life", "right of peaceful protesters") выполняет важную идентификационную функцию, позволяя говорящему конструировать коллективную идентичность аудитории через апелляцию к разделяемым идеалам. Во-вторых, семантическое поле ценностей («безопасность», «процветание», «права граждан») выступает как концептуальная основа для легитимации политического курса, поскольку отсылки к ним создают впечатление соответствия между декларируемыми действиями власти и фундаментальными принципами американской демократии. Особенно показательным в этом отношении намеренное включение в дискурс даже тех ценностных категорий («право на мирный протест»), которые могут противоречить текущей политике администрации, что демонстрирует стратегическое использование ценностного каркаса для расширения персуазивного воздействия.

При этом прагматическая эффективность таких речевых актов обусловлена их способностью функционировать как «элементы идеологического каркаса» (ideological frameworks) [Ван Дейк, 1998: 287], соединяющие абстрактные принципы с конкретными политическими инициативами. Например, концепт «безопасности» в примере (43) метонимически связывается с проблемой «sanctuary

cities», что позволяет трансформировать сложный иммиграционный вопрос в простую бинарную оппозицию «защита семьи» vs. «угроза». Аналогично, в примере (41) триада "patriotism-prosperity-pride" создает семантическое поле, в котором экономическая политика ("prosperity") неразрывно связана с гражданской идентичностью ("patriotism") и эмоциональным самоощущением ("pride"). Такая стратегия обеспечивает двойной прагматический эффект: с одной стороны, мобилизует эмоциональную поддержку через апелляцию к глубинной системе ценностей, с другой – рационализирует политические решения, представляя их как логичное продолжение этих ценностей. Именно поэтому в данной группе РА ценностно-маркированная лексика не просто сопровождает аргументацию, но становится ее структурной основой, определяя как семантическую организацию высказывания, так и его перлокутивный потенциал.

Создается эффект контраста относительно противников политического курса Трампа: упоминание ценностей всегда связано с чем-то положительным, с идеалами, к которым стремится американское общество, в то время как упоминание противников Трампа всегда соседствует с лексическими единицами с пейоративной коннотацией либо с лексемами, приобретающими негативную окраску в контексте идеи демократического общества (*lower-paid; an illegal alien; seek to collapse the values, criminal networks traffic drugs, weapons, people* (пример 13), *threaten our borders, blood money* и т. д.), таким образом политик создаёт оппозицию «свои–чужие»:

(44) *And in their **lust for power**, the Democrats have become totally **unhinged**. They've gone – they've **gone crazy**. No, they've **gone crazy**. Now the Democrats – or as some people would say, **the Dims** – the Dims – who says that? Lou Dobbs, the great Lou Dobbs. (D. T. Holds a Political Rally in Council Bluffs, Iowa – October 9, 2018)*

(45) *When I learned that the Tennessee Valley Authority laid off hundreds of American workers and forced them to train their **lower-paid foreign replacements**, I promptly removed the chairman of the board. (D. T. Accepts the Republican Nomination for President – August 27, 2020)*

(46) *Just this week, we learned that Iowa authorities have changed an illegal alien in the murder of – and they charged an illegal alien in the murder of a college student, Mollie Tibbetts.* (D. T. Addresses Ohio Republican Party State Dinner – August 24, 2018)

(47) *To combat these wicked extremist organizations, I signed legislation to withhold U.S. taxpayer dollars from the Palestinian Authority until they stop rewarding terrorists with blood money.* (D. T. Addresses the Israeli American Council Summit in Florida – December 7, 2019)

Такой дискурсивный механизм позволяет политику конструировать бинарную оппозицию «свой–чужие» по принципу аксиологической асимметрии, где «свои» ассоциируются с демократическими ценностями (патриотизм, безопасность, законность), а «чужие» – с их антиподами (хаос, угроза, аморальность). Подобные речевые акты соответствуют модели «морального диспута» [Lakoff, 2010], где политическое противостояние фреймируется как борьба добра со злом, что существенно усиливает персуазивный эффект.

Таким образом, интерпретационно-ориентационная стратегия в дискурсе Дональда Трампа реализуется исключительно через репрезентативные РА и характеризуется проективной тактикой, направленной на конструирование образа эффективного правительства, действующего в интересах граждан. Специфическими средствами реализации данной стратегии являются использование разговорного регистра и прямых обращений к аудитории, что создает эффект доверительного общения, и персонификация государственного аппарата (через упоминание конкретных политиков с мелиоративными характеристиками), которая способствует антропоморфизации власти, представляя ее как сообщество компетентных специалистов, а не безликую бюрократическую систему. Особую значимость приобретает актуализация базовых американских ценностей (*patriotism, prosperity and pride, safe life*), которые выполняют двойную функцию: с одной стороны, служат инструментом конструирования коллективной идентичности, с другой – обеспечивают легитимацию политического курса через демонстрацию его соответствия фундаментальным принципам демократии.

Бинарная оппозиция «свой–чужой», реализуемая через контраст между позитивно маркированными ценностями, ассоциируемыми с текущей администрацией, и пейоративной лексикой, характеризующей оппонентов, позволяет трансформировать сложные политические вопросы в простые моральные дихотомии, что значительно усиливает убедительность дискурса для целевой аудитории. Таким образом, интерпретационно-ориентационная стратегия в речи Трампа представляет собой сложный механизм конструирования политической реальности, где языковые средства различных уровней системно взаимодействуют для создания целостного образа власти, одновременно компетентной и близкой к народу.

Основываясь на проведённом анализе, можно сделать вывод о том, что метасодержание речевых актов, реализующих интерпретационно-ориентационную стратегию, может быть сформулировано следующим образом: «Истинная Америка — это страна, где важны традиционные ценности и здравый смысл простых людей, где сильные лидеры принимают быстрые решения, а единство нации крепче любых различий».

4.5. Информационная стратегия

Реализация информационной стратегии в дискурсе Дональда Трампа осуществляется только в репрезентативных речевых актах. Доля высказываний, содержащих анализируемую стратегию, составляет 7% всех исследуемых речевых актов. Данная стратегия представлена документирующей тактикой. Политик отчитывается о проделанной работе, и в качестве аргументации к своим тезисам приводит точные статистические данные или точные цифры:

(48) *We're taking power out of Washington and giving it back to the great people of our country and to the people of New Mexico. We've got a record number of job-killing regulations, **saving** the average American household \$3,000. We passed the largest package of tax cuts and reforms in American*

*history, and what that means is a typical family of four in New Mexico, **making \$75,000 dollars** has seen their tax bill **reduced by more than \$2,000**. And it's one of the reasons that as the world is not doing great, you look at Europe and you look at Asia and China is not doing too well. (D.T. Holds a Political Rally in Rio Rancho, New Mexico – September 16, 2019)*

Прагматический потенциал статистической аргументации проявляется в трёх основных аспектах:

- 1) легитимации властных полномочий главы государства и правительственного аппарата через демонстрацию конкретных достижений:

*(49) Federal authorities recently **discovered and rounded up more than 20 vile MS-13 gang members in Central Ohio** and they will be sent to jail, or frankly if they hold them. (D. T. Holds a Political Rally in Toledo, Ohio – January 9, 2020);*

- 2) дискредитации политических оппонентов статистическими показателями обоснования критики:

*(50) Last year alone, sanctuary cities declined more than **17,000 requests from federal authorities** to hand over criminal aliens already in their custody. In other words, **17,000 criminal aliens were released** by these cities directly into U.S. communities. (D. T. Holds a Political Rally in Manchester, New Hampshire – August 15, 2019)*

- 3) иллюстрированию сложных политико-экономических вопросов с помощью доступных для понимания цифровых показателей:

*(51) Too much power, too many unions, too many people that just don't want it done. You had people in Arizona that **robbed \$300,000** and they could – they agreed. Everybody agreed. (D. T. Holds a Political Rally in Fargo, North Dakota – June 27, 2018)*

Через конкретные цифры и разговорный тон политик сочетает экспертность с имиджем «человека из народа», что усиливает доверие целевой аудитории. Критический подтекст (обвинения в адрес оппонентов) служит дополнительным инструментом мобилизации поддержки.

Представленная детализация способствует конструированию имиджа главы государства и правительственного аппарата, ориентированного на массовую аудиторию. Реализация информационной стратегии посредством указанных лингвистических средств преследует цель повышения перлокутивного эффекта высказываний, что, в итоге, направлено на укрепление доверительного отношения электората и усиление символического капитала политического деятеля.

Кроме того, для исследуемого корпуса речевых актов характерна доминанта глагольных форм прошедшего времени:

...sanctuary cities declined more than 17,000 requests...

Federal authorities discovered and rounded up more than 20 members...

...approved a disaster declaration.

Данная лингвистическая особенность выполняет функцию репрезентации уже реализованных политических инициатив, что способствует формированию образа эффективной и деятельной власти. Посредством фактологического дискурса политик конструирует нарратив о результативности собственной администрации.

В исследуемом материале также отмечается активное использование риторических вопросов:

What are they doing?

How long would it take you to straighten out this problem?

Anybody know Kent County?

Get them the hell out of our country, right?

Isn't that nice?

Риторические вопросы выполняют функцию интерактивного вовлечения аудитории. Использование данного средства в сочетании с элементами разговорного регистра (*what the hell; send to jail; frankly; send the hell back home*) помогает политику реализовать стратегию популистского дискурса и стремление быть понятным для своей аудитории, реализуя имидж обычного американца, «человека из народа».

Проведённый анализ показал, что информационная стратегия в дискурсе Дональда Трампа реализуется исключительно через репрезентативные РА и характеризуется документирующей тактикой, основанной на фактологической аргументации с активным использованием статистических данных и количественных показателей.

Особенностью реализации данной стратегии является сочетание формальных статистических данных с элементами разговорного регистра, что создает эффект «экспертного популизма» – соединения компетентностного и народного дискурсов. Доминирование глагольных форм прошедшего времени способствует формированию нарратива о результативности администрации, в то время как риторические вопросы выполняют функцию интерактивного вовлечения аудитории. Таким образом, информационная стратегия Трампа представляет собой синтез фактологического и эмоционально-оценочного дискурсов, где статистические данные выступают не столько как объективные показатели, сколько как риторические инструменты конструирования образа эффективной власти и мобилизации электоральной поддержки.

Основываясь на проведённом анализе, можно сделать вывод о том, что метасодержание речевых актов, реализующих информационную стратегию, может быть сформулировано следующим образом: «Только политика администрации Трампа возвращает власть народу, создаёт экономическое процветание и обеспечивает безопасность».

4.6. Функционально-прагматическая специфика средств акцентуации речи Дональда Трампа

В рамках интеграционной стратегии Дональд Трамп концептуализирует идею американской идентичности, используя специфические средства акцентуации. Наиболее репрезентативным инструментом выступает синтаксический параллелизм, выполняющий функцию базового конструктивного элемента

высказываний. Данный прием создает эффект процессуальности и динамики позитивных изменений, достигаемых благодаря проводимым реформам, что иллюстрируют следующие примеры:

(52) *That's in the history of the world, and we are making it greater than it's ever been before. That's what's going to happen. Proud citizens like you helped build this country, and together we are taking back our country from these very, very deranged people.* (D. T. Delivers Campaign Remarks in Latrobe, Pennsylvania – September 3, 2020)

(53) *Every single day for the next 10 months, we will keep on working, we will keep on praying, and we will keep on driving to victory, victory, victory.* (D. T. Addresses the Evangelicals for Trump in Miami – January 3, 2020)

Характерной особенностью синтаксического параллелизма Трампа является структурная простота, однородных членов, придающих высказываниям категоричный и резкий характер:

Пример (5) – *We are sending tremendous amounts of supplies, tremendous amounts of food and water, and we are sending great people to help....*

Пример (8) – *With your help, your devotion, and your drive, we are going to keep on working, we are going to keep on fighting, and we are going to keep on winning...*

Пример (10) – *...generations of tough, strong Pennsylvania workers, mined the coal, worked the railroads, forged the steel...*

В этом отношении параллельные конструкции в речи Дональда Трампа отличаются от параллелизма, используемого Бараком Обамой, чья речь воспринимается как более плавная и сложная, содержащая структурно более длинные синтагмы.

В подобных примерах лексический повтор выполняет функцию мнемонического закрепления политических лозунгов и ключевых идей, а также создает эффект настойчивого внушения (прием, близкий к политической пропаганде).

Ещё одним средством, имеющим большой прагматический потенциал, является синонимическая конденсация, реализуемая посредством употребления лексических единиц с ярко выраженной мелиоративной окраской:

пример (2) *smart, brilliant, wonderful, hard-working; tough, strong;*

пример (8) *your help, your devotion, and your drive* и др..

Приём повтора является средством оказания эмоционального воздействия и служит для эмоциональной мобилизации базового электората.

Отдельно следует сказать о повторе лексических единиц, репрезентирующих символы американской истории – в первую очередь, обозначающих великих людей прошлого, пилигримов, осваивающих американский континент:

пример (2) *American patriots who settled the frontier, won the West;*

пример (3) *tough frontier men;*

пример (9) *the giants of our past;*

пример (10) *heroes of Gettysburg and where generations of tough, strong Pennsylvania workers.*

Подобный повтор способствует созданию мифологизированной версии прошлого как основу для интеграции нации, объединённой общим прошлым и общей историей. Политик упоминает великих людей прошлого, героев, и современные американцы являются продолжателями их традиций и великих дел.

Сравнительный анализ выявляет существенные различия между риторическими стратегиями Трампа и Обамы. Если первый опирается на конкретную предметную лексику (*coal, steel, frontier*), то второй предпочитает абстрактно-ценностные понятия (*democracy, transparency*). Ритмическая организация речи Трампа характеризуется маршеобразной простотой, в то время как Обама использует сложные полиритмические структуры. Трамп использует средства акцентуации как инструмент примитивной, но эффективной интеграции, где повтор заменяет аргументацию, ритмическая навязчивость компенсирует отсутствие сложных смыслов. Это соответствует его общей риторической

стратегии — сведение сложных проблем к бинарным оппозициям с опорой на эмоции, а не рациональные доводы.

В рамках побудительной стратегии Дональд Трамп использует комплекс средств акцентуации, направленных на мобилизацию аудитории и убеждение в правильности проводимого курса. Наиболее значимым и частотным с этой точки зрения является синтаксический параллелизм словосочетаний с союзной связью:

пример (27) *...the legal authorities and the resources to detain and remove illegal immigrant families all together and bring them back to their country.*

пример (30) – *.....to do everything in our power to address this national shame and this human tragedy.*

Такие конструкции характеризуются бинарной симметрией компонентов и нарастающей семантической интенсивностью используемых лексем. В приведённых примерах использование двухчленных синтагм с сочинительным союзом *and* создаёт особую симметрию высказывания, направленную на трансляцию идеи всеобъемлющего подхода к решению проблем, что помогает политику визуализировать комплексность предпринимаемых мер – в примере (27) сочетание лексем "legal authorities" и "resources" демонстрирует единство правовых и материальных аспектов в действиях политиков. В примере (30) использование лексических единиц "children" и "country" объединяет семейные и национальные ценности. Кроме того, за счёт использования симметричных параллельных конструкций политик обеспечивает ритмическую сбалансированность высказывания – четкий бинарный ритм способствует лучшему запоминанию информации, а симметричная структура воспринимается как логически завершенная.

Другим важным средством акцентуации являются эмфатические конструкции.

(54) *That is why, effective today, my administration is officially declaring the opioid crisis a national public health emergency under federal*

law, and why I am directing all executive agencies to use every appropriate emergency authority to fight the opioid crisis. (D. T. – Combatting Drug and Opioid Demand – October 26, 2017)

(55) *For too long, dangerous criminal cartels have been allowed to infiltrate and spread throughout our nation.* (D. T. – Combatting Drug and Opioid Demand – October 26, 2017)

В приведённых примерах основной функцией эмфатических конструкций является акцентуация идеи безотлагательности действий и необходимости срочного решения проблем. Таким образом политик стремится создать образ деятельной администрации, работающей на благо американского общества.

Также следует отметить высокий прагматический потенциал лексического повтора с вариативным расширением, который используется Дональдом Трампом для трансформации нейтральных понятий в коннотативно окрашенный символ. Во фрагменте предвыборной речи, произнесённой в Висконсине в 2020 году, наблюдается характерный для американского политического дискурса прием семантико-синтаксической трансформации нейтральной номинации через повтор с оценочной модификацией: пример (26) *They've taken the authority away from our police, our great police. They've taken their authority and dignity away.*

Первичное употребление нейтральной лексики *"police"* при повторном упоминании дополняется эксплицитно положительным эпитетом *"great"*, что приводит к постепенной аксиологизации исходного понятия. Этот процесс завершается расширением семантического поля через синонимическую конденсацию (*authority and dignity*), что придает высказыванию дополнительную эмоциональную нагрузку.

На прагматическом уровне данный прием демонстрирует механизм постепенной нормализации оценки, где повторяемое утверждение создает иллюзию объективности характеристики, несмотря на ее очевидную субъективность. Подобная стратегия содержит выраженный манипулятивный потенциал, поскольку подменяет рациональную аргументацию эмоциональным утверждением, формируя у аудитории заранее заданное восприятие описываемого

явления. С позиций дискурсивного анализа подобные приемы отражают приём идеологического позиционирования [Wodak, 2015] или идеологического конструирования дискурса [ван Дейк, 1998], а с точки зрения прагматики, повторения демонстрируют, как риторическая итерация способна менять восприятие исходного концепта [Johnstone, 1994]. Таким образом, анализируемый пример представляет собой не просто стилистическую фигуру, а сложный механизм конструирования политической реальности через управление оценочными компонентами языкового сознания.

В агональной стратегии Дональд Трамп использует комплекс языковых средств, направленных на дискредитацию оппонентов и мобилизацию сторонников через создание образа внешней угрозы. Основными приемами выступают лексический повтор с семантической детализацией, синонимическая конденсация и синтаксический параллелизм.

Для лексического повтора семантической детализацией, характерно поступательное наращивание негативной семантики, создающее эффект «нагнетания» обвинений и конкретизации абстрактных угроз:

(56) *And they gave us the authority **to protect our nation, keep our nation safe – to keep it safe**. As you know, there's now a vacancy on the Supreme Court. (D.T. Holds a Political Rally in Great Falls, Montana – July 5, 2018)*

(57) *So, the same illegal alien was then **arrested for a third time in September and charged with multiple sexual assaults, including sexual assault of a child**. (D.T. Holds a Political Rally in Milwaukee, Wisconsin – January 14, 2020)*

В первом случае (56) повтор фразы "to keep it safe" акцентирует внимание на угрозе, которую необходимо предотвратить, усиливая ощущение опасности. Во втором примере (57) перечисление однотипных обвинений ("sexual assaults... sexual assault of a child") конкретизирует и усугубляет восприятие преступлений, формируя у адресата ощущение системности и тяжести нарушений.

Важным для реализации агональной стратегии также является использование синонимической конденсации:

insane and outrageous sanctuary law,
 justice, fairness (в ироническом контексте),
 brazen and lawless attack,
 heartless, merciless, and cruel.

Анализ данных примеров показывает, что синонимические ряды строятся на основе лексики с пейоративной коннотацией, что позволяет говорящему усиливать степень воздействия в рамках оппозиции «свой – чужой» при описании оппонентов или враждебных явлений. Данный приём способствует не только интенсификации критики, но и её детализации, а также формирует у аудитории устойчивое отрицательное восприятие обозначаемых явлений за счёт кумулятивного эффекта синонимического повтора.

Аналогичная прагматическая функция реализуется посредством синтаксического параллелизма в речевых актах, построенных на агональной стратегии, что иллюстрируется следующими примерами:

(58) *Bureaucrats think they can run your lives, overrule your values, meddle in your faith, and tell you how to live, what to say, and how to pray.* (D. T. Addresses the Value Voters Summit – October 13, 2017)

(59) *As far as America is concerned, the ICC has no jurisdiction, no legitimacy, and no authority.* (D. T. Addresses the 73rd Session of the United Nations – September 25, 2018)

Как демонстрируют приведённые примеры, двойной и тройной параллелизм способствуют интенсификации воздействия, усиливая драматизацию негативных последствий действий оппонентов. Данный синтаксический приём выполняет важную роль в формировании устойчивой отрицательной оценки описываемых явлений, аккумулируя пейоративность высказывания, тем самым, помогая политике добиться желаемого воздействия на аудиторию.

На фонетическом уровне наблюдается активное использование фонологического повтора, реализуемого через повторение глухого смычного [k]

(think they can run over your lives) и щелевых согласных [s], [r] (never surrender; American sovereignty). Данный фонетический приём выполняет важную прагматическую функцию: повторение указанных согласных способствует созданию агрессивной тональности высказывания, формируя на подсознательном уровне ощущение потенциальной угрозы. Подобная звуковая организация речи усиливает её эмоциональное воздействие на адресата, что соответствует стратегическим задачам агонального дискурса, направленного на конфронтацию и поляризацию аудитории.

В рамках интерпретационно-ориентационной стратегии Дональд Трамп использует комплекс языковых средств, направленных на формирование ценностных ориентиров и интерпретацию политической реальности. Основными средствами акцентуации выступают, как и в агональной стратегии, лексический повтор, синонимическая конденсация, синтаксический параллелизм. Следует, однако, заметить, что различается прагматическая направленность используемых средств.

Лексический повтор выступает уже не как средство интенсификации коннотативной окраски, а как механизм акцентуации ключевых смыслов. Так, намеренное дублирование лексических единиц *unrelated, including funding, charged an illegal alien* служит инструментом смыслового выделения, способствуя экспликации доминантных тезисов высказывания. Подобная риторическая техника преследует две взаимосвязанные цели: во-первых, она придает речи характер экспертной аргументации за счет акцентирования значимых элементов сообщения; во-вторых, обеспечивает когнитивное упрощение восприятия за счет структурного и семантического дублирования.

Прагматическая функция синонимической конденсации сопряжена с интенсификацией положительной оценки «своих» – членов администрации и граждан США:

very, very strong, powerful, brilliant governor;
strong and loving community.

Использование лексических единиц с позитивной коннотацией способствует кумулятивному усилению одобрительной оценки. Данный приём выполняет важную персуазивную функцию: во-первых, он создаёт эффект всесторонней характеристики объекта, подчёркивая его исключительные качества; во-вторых, формирует эмоционально-оценочный фон, способствующий консолидации аудитории вокруг положительно маркированных концептов. В отличие от агональной стратегии, где синонимические ряды используются для эскалации критики, в данном случае они служат инструментом формирования позитивного имиджа и укрепления групповой идентичности.

Наконец, для интерпретационно-ориентационной стратегии важным является использование синтаксического параллелизма:

- 1) we all bleed the same red blood. We all salute the same great American flag
- 2) If you want to end..., if you want to protect...
- 3) systems and alliances that prevented conflict and tilted the world toward freedom

В приведённых примерах синтаксический параллелизм выполняет функцию структурирования ключевых смыслов и усиления их персуазивного воздействия. В примере 1 параллельная конструкция подчёркивает идею национального единства, создавая ритмический и семантический баланс, который способствует эмоциональному восприятию. В примере 2 параллелизм организует аргументацию, делая её более чёткой и запоминающейся. В третьем примере параллельная структура усиливает экспрессивность утверждения, подчёркивая причинно-следственную связь между действиями США и глобальными изменениями. Таким образом, синтаксический параллелизм в рамках данной стратегии служит не только инструментом логического выделения значимых идей, но и средством гармонизации речи, что способствует её лучшему восприятию и повышает убедительность высказывания.

Речевые акты, реализующие информационную стратегию, имеют ограниченный прагматический потенциал средств акцентуации. Данное положение подтверждается двумя ключевыми факторами: во-первых, количественной

редукцией частотности использования акцентирующих средств по сравнению с другими дискурсивными стратегиями; во-вторых, ограниченным репертуаром применяемых приёмов, сводящимся исключительно к лексическому повтору.

Так, в речах, посвящённых вопросам преступности и миграционному кризису, ("17,000 requests...17,000 criminal aliens", "Too much power, too many unions, too many people", "We're taking power out...and giving it back to the great people...and to the people of New Mexico"), функциональная нагрузка лексического повтора заключается в необходимости сфокусировать внимание аудитории на ключевых аспектах сообщения. Этот приём обеспечивает когнитивное выделение значимых количественных показателей («17,000») и концептуально важных элементов (power, people), выполняя тем самым не столько эмотивно-оценочную, сколько информационно-структурирующую функцию. Подобная избирательность в использовании средств акцентуации соответствует базовой установке информационной стратегии на денотативную точность и концептуальную ясность сообщения.

Проведённый анализ выявил системные закономерности реализации прагматического потенциала средств акцентуации.

Интеграционная стратегия характеризуется приоритетом синтаксического параллелизма (с использованием конструкций с кратким ритмическим шагом) и лексического повтора (содержащего символические референции к национальной истории), что помогает политику в конструировании коллективной идентичности. Побудительная стратегия системно опирается на бинарный синтаксический параллелизм с союзной связью (структурирование императива) и оценочную трансформацию номинаций через повторы (реализуя таким образом поэтапную аксиологизацию концептов), тем самым усиливая и закрепляя в сознании адресата базовые бинарные оппозиции. Агональная стратегия доминирует за счёт пейоративно окрашенной лексики, реализуемой посредством синонимической конденсации, градуированного лексического повтора (реализующего поступательную конкретизацию обвинений) и фонологического повтора

согласных ([k], [s]), что прагматически реализует эскалацию конфликта через придание звучащей речи эмоциональной окраски.

Интерпретационно-ориентационная стратегия реализуется преимущественно через мелиоративно окрашенные словосочетания, реализуемые с помощью синонимической конденсации (всесторонняя позитивная характеристика) и сбалансированный параллелизм, прагматически направленные на экспертно-оценочную самопрезентацию. Информационная стратегия минимизирует экспрессивный потенциал, ограничиваясь повтором стилистически нейтральной лексики (фактологическая фокусировка), что подчёркивает её референциальную направленность.

Таким образом, ключевая закономерность в использовании средств акцентуации заключается в стратегической редукции сложности речи, когда средства акцентуации являются инструментами эмоциональной интенсификации, где синонимическая конденсация и параллелизм придают речи эмоциональный характер, помогая политику свести сложные социальные проблемы к бинарным схемам, а фонологические паттерны и ритмические повторы создают эффект навязчивой убедительности. Данный принцип контрастирует с дискурсом 44-го президента США Барака Обамы, где аналогичные средства служили концептуализации абстрактных идеалов, тогда как в дискурсе Дональда Трампа они системно работают на прагматику упрощённого эмоционального воздействия.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV

В дискурсе Дональда Трампа интеграционная стратегия, реализуемая через фатическую тактику и тактику отсылки, раскрывает национальную идентичность и помогает обосновать идеи американской исключительности, основанной на историческом наследии. При этом политик конструирует идеологему национальной солидарности, основанную на антитезе «локальные сообщества vs федеральная бюрократия». Агональная стратегия, реализуемая через тактики угрозы, критики и обвинения, продуцирует модальность перманентного конфликта, где оппоненты репрезентируются как источники экзистенциальных угроз. Побудительная стратегия, воплощаемая посредством прескриптивной тактики и тактики призыва, актуализирует идею безотлагательного действия, осуществляя редукцию сложных социально-политических проблем до бинарных решений. Интерпретационно-ориентационная стратегия (прескриптивная тактика), утверждает примат «здравого смысла» над экспертной оценкой, представляя политику как прямое волеизъявление народа. Информационная стратегия (документирующая тактик) трансформирует факты в инструмент убеждения, где количественные показатели служат доказательством эффективности курса администрации. В совокупности эти стратегии создают целостный дискурсивный режим, в котором политика предстаёт как борьба «простых истин» с «множеством угроз», требующая безусловной мобилизации сторонников. В отличие от диалогической риторики Барака Обамы, дискурс Дональда Трампа характеризуется большей категоричностью, предполагающей наличие только одного верного пути развития государства.

Все описанные стратегии работают на реализацию популистского дискурса, отличающегося простотой восприятия, содержащего персонализацию, и реализующего кризисный нарратив.

Наибольшее разнообразие в части речеактовой реализации обнаруживает интеграционная стратегия – она зарегистрирована в декларативах, репрезентативах и комиссивах. Агональная стратегия реализуется в декларативах и комиссивах, побудительная стратегия – в декларативах и директивах; интерпретационно-

ориентационная стратегия и информационная стратегия реализуются только в репрезентативных речевых актах.

Преобладают декларативные РА (около половины исследуемого корпуса текстов), целевая установка которых связана с провозглашением величия нации, объединенной общими идеалами. Эта установка коррелирует с главным лозунгом политического курса президента – «Make America great again!». Вторым по частотности типом являются репрезентативные РА, прагматический потенциал которых связан с легитимизацией политического курса Дональда Трампа и стремлением президента обосновать проводимую политику. Целевые установки самых малочисленных групп РА (директивы и комиссивы) связаны с побуждением к конкретным действиям и с выражением обязательств по решению актуальных социально-политических проблем. В комиссивах и директивах политик акцентирует внимание на существующих проблемах, драматизируя их масштаб и последствия, что служит стратегическим целям мобилизации общественного сознания. Посредством директивных высказываний Трамп не только обозначает проблемное поле, но и конструирует образ неизбежных катастрофических последствий в случае бездействия. В комиссивах, реализующихся через обещания и обязательства, политик, с одной стороны, подчеркивает остроту социальных проблем, а с другой — позиционирует себя как единственную силу, способную их разрешить.

В результате складывается целостный нарратив, раскрывающий мета-метасодержание которого может быть сформулировано следующим образом: «Америка находится в состоянии исключительности, где только радикальные действия истинных патриотов под руководством сильного лидера могут предотвратить катастрофу и восстановить утраченное величие».

Языковая реализация рассмотренных стратегий в дискурсе Дональда Трампа характеризуется системным использованием специфических языковых средств, формирующих целостный механизм персуазивного воздействия.

Для интеграционной стратегии характерно преобладание мелиоративной лексики с семантикой единства, исторических реминисценций, а также фатических

конструкций, устанавливающих коммуникативную близость. Агональная стратегия реализуется через дисфемизацию оппонентов с использованием пейоративной лексики, модальных конструкций с семантикой угрозы, и риторических повторов, усиливающих конфронтационный потенциал. Побудительная стратегия опирается на императивные формы глаголов, лексику с семантикой безотлагательности и конкретные количественные показатели, редуцирующие сложные проблемы до простых дихотомий. Интерпретационно-ориентационная стратегия использует разговорные маркеры, риторические вопросы и персонифицированные примеры. Информационная стратегия характеризуется сочетанием статистических данных с оценочными квалификаторами, что трансформирует факты в инструмент эмоционального воздействия.

Важнейшим объединяющим принципом для всех стратегий выступает системное применение бинарных оппозиций на всех языковых уровнях – от лексико-семантического до дискурсивного, что способствует созданию упрощенной, но эмоционально заряженной картины политической реальности. Особого внимания заслуживает стратегическое использование временных форм глаголов: презенс для актуализации ценностей, перфект для демонстрации достижений, футуральные конструкции для выражения угроз и обещаний.

Таким образом, языковая реализация стратегий представляет собой сложную систему взаимосвязанных средств, где языковые средства становятся инструментами конструирования особой популистской картины мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертации была поставлена цель описать механизм формирования персуазивного воздействия, оказываемого политиком посредством публичной речи через анализ речевых актов, содержащих смысловую доминанту «власть», систему языковых средств, обеспечивающих создание идейного метасодержания в публичных выступлениях американских президентов начала XXI века. Основные результаты состоят в следующем.

Проведённый анализ научно-теоретической литературы позволил составить представление о политической коммуникации как сложном, многоаспектном явлении, характеризующемся публичностью, манипулятивным потенциалом и стремлением к легитимации власти. В настоящем исследовании политическая коммуникация рассматривается в лингвистическом аспекте, и в этом отношении центральным понятием является политический дискурс, который рассматривается как когнитивный процесс, конечным результатом которого является текст.

Анализ существующих подходов к изучению англоязычного политического дискурса (критический дискурс-анализ, когнитивное направление, риторический анализ) выявил их методологическую ценность для исследования механизмов языкового воздействия. Особое внимание было уделено концепту «власть» как центральному элементу политического дискурса, при этом установлено, что существующие работы демонстрируют непоследовательность в определении его структуры и недостаточно исследуют конкретные языковые средства его вербализации. Это обусловило необходимость разработки интегративной методики, сочетающей тактико-стратегический анализ речевых актов с лингвопрагматическим изучением их реализации в дискурсе, что позволит выявить системные закономерности формирования идеологического метасодержания в политических выступлениях.

Рассмотрение в первой главе диссертации существующих классификаций коммуникативных стратегий и тактик выявило необходимость обращения к классификации Е. Р. Левенковой как наиболее полно отражающей

функциональную специфику англоязычного политического дискурса. Кроме того, особое внимание было уделено теории речевых актов Дж. Серля, которая, в сочетании с методом синтагматического анализа и методом трёхуровневого анализа О. С. Ахмановой и В. Я. Задорновой, позволяет проследить трансформацию ментальных интенций говорящего в конкретные языковые средства и выявить механизмы формирования метасодержания политической речи. Применение данной методики к анализу речей американских президентов даёт возможность не только систематизировать используемые ими речевые акты (репрезентативы, директивы, комиссивы, декларативы), но и раскрыть взаимосвязь между тактико-стратегическими целями говорящего и выбором определённых языковых средств, направленных на реализацию данных целей и оказание воздействия. Такой подход заполняет существующий в современной лингвистике пробел в исследованиях англоязычного политического дискурса.

Предложенная интегративная методика обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности существующих подходов к изучению англоязычного политического дискурса, где традиционно отдельно рассматриваются стратегические цели и языковая реализация, при этом механизм формирования метасодержания оказывается за пределами фокуса исследователей. Разработанная методика учитывает такие параметры, как тип речевого акта, тактико-стратегическую организацию речи, морфо-синтаксические и лексико-фразеологические свойства синтагм, что позволяет установить системную связь между интенциональными установками политика, выбором типов речевых актов и конкретными языковыми средствами, реализующими персуазивный потенциал через семантические и мета-метасемиотические механизмы. Особую значимость представляет адаптация трёхуровневого анализа, традиционно применяемого в исследованиях художественной речи, к материалу политических выступлений, что расширяет методологический инструментарий политической лингвистики и позволяет выявить ранее не изучавшиеся закономерности вербализации власти в англоязычном дискурсе.

Комплексность подхода обеспечивает адекватность анализа многослойной природе политической коммуникации, где идеологические смыслы формируются через системное взаимодействие стратегических установок, прагматики речевых актов и коллигационных и коллокационных свойств синтагм, что особенно актуально для исследования речей Барака Обамы и Дональда Трампа, демонстрирующих контрастные модели речевого воздействия.

Во второй, третьей и четвёртой главах исследования описанная интегративная методика была применена для анализа публичных речей двух американских президентов – Барака Обамы и Дональда Трампа. В качестве материала исследования были избраны речевые акты, содержащие смысловую доминанту «власть», репрезентируемую через лексемы *power* и *authority*.

Концентрация исследования на лексемах *power* и *authority* обусловлена их ключевой ролью в концептуализации феномена власти в англоязычном политическом дискурсе, где они выступают ядерными репрезентантами соответствующего концепта. Выбор именно этих терминов объясняется их семантической ёмкостью и дискурсивной функциональностью: *power* актуализирует идею силы и способности к действию, тогда как *authority* подчёркивает легитимность и институциональную обоснованность властных полномочий. Подобная дихотомия позволяет выявить не только явные, но и имплицитные аспекты метасодержания, поскольку употребление данных лексем неизбежно влечёт за собой активизацию связанных с ними концептуальных полей (сила, контроль, право, единство и др.). Их частотность в политическом дискурсе и способность выступать в качестве смысловых узлов, вокруг которых формируются ключевые идеологемы, делают эти лексемы оптимальными маркерами для анализа, так как их использование непосредственно отражает стратегические интенции говорящего и характер вербализации властных отношений.

По результатам проведённого анализа было установлено, что стратегии политической коммуникации в анализируемых индивидуальных дискурсах реализуются через избирательное использование типов речевых актов:

репрезентативы доминируют в интеграционных и информационных стратегиях (осуществляя легитимация через фактологию), директивы и комиссивы играют ключевую роль в реализации побудительной стратегии (осуществляя мобилизационную функцию), декларативы являются средством создания агональной стратегии (принимая участие в конструировании бинарных оппозиций «свой/чужой»).

Проведённое исследование выявило существенные различия в языковой реализации дискурсивных стратегий Барака Обамы и Дональда Трампа, отражающие их принципиально разные подходы к политической коммуникации. Если Барак Обама выстраивает сложную систему аргументации, опираясь на абстрактные ценности и исторические параллели, то Дональд Трамп делает ставку на конкретику, эмоциональную заряженность и упрощённые бинарные оппозиции. В интеграционной стратегии это проявляется в противопоставлении «размытых» идеалов демократии у Обамы (лексика с ценностной семантикой, интертекстуальные отсылки) и конкретных примеров «величия Америки» у Трампа (персонифицированные случаи, локальные истории). Агональная стратегия у Обамы строится на имплицитной критике через систему оппозиций, тогда как Трамп использует прямую дисфемизацию оппонентов с помощью резкой пейоративной лексики и модальных конструкций угрозы.

Особенно показательное различие в реализации информационной стратегии: если Обама сочетает специализированную терминологию с эмоционально окрашенной лексикой, создавая образ компетентного управления, то Дональд Трамп трансформирует факты в инструмент эмоционального воздействия через сочетание статистики с оценочными квалификаторами. Побудительная стратегия у Обамы выражается через сложную систему модальных конструкций, в то время как Трамп предпочитает прямые императивы и лексику с семантикой безотлагательности. Важнейшее отличие заключается в темпоральной организации дискурса: Обама актуализирует историческую перспективу и преемственность, тогда как Трамп делает акцент на «здесь и сейчас», используя презенс для ценностей и перфект для достижений.

Объединяющим элементом выступает системное использование бинарных оппозиций, однако если у Обамы они служат для создания сложной системы аргументации, то у Трампа редуцируют политическую реальность до простых дихотомий. Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует два принципиально разных подхода к политической коммуникации: рационально-аргументативный в речи Барака Обамы и эмоционально-популистский в речи Дональда Трампа, что находит непосредственное отражение в выборе и комбинации языковых средств реализации стратегий.

Сделанные выводы о стратегическом потенциале языковых средств в конструировании политической реальности на материале публичных выступлений американских политиков могут внести вклад в теорию и практику политической коммуникации, а также могут быть полезны для спичрайтеров, работающих на различные политические институты в нашей стране.

Особенностью подхода, предложенного в настоящей диссертации, является синтез различных методов анализа публичной речи, направленных на выявление средств создания воздействия на разных уровнях и систематизацию механизмов трансформации коммуникативных интенций в комплекс языковых маркеров, позволяющих реконструировать целостную модель персуазивного воздействия от стратегического замысла до его вербальной реализации. Применяемый подход позволил подтвердить гипотезу о том, что раскрытие того идейного метасодержания, которое имплицитно заложено говорящим в структуру высказывания и определяет его персуазивный потенциал, невозможно без обращения к синтагматике. Именно в линейном соположении языковых единиц, их комбинаторике и контекстуальном взаимодействии происходит конденсация скрытых смыслов, формирующих тот идеологический подтекст, который говорящий стремится транслировать аудитории.

Политическая речь, будучи отражением социальных изменений в стране изучаемого языка, активно используется в учебном процессе при подготовке студентов-журналистов, зарубежных регионоведов и филологов. В этой связи материалы и выводы исследования имеют прикладное значение и могут быть

использованы в разработке таких дисциплин как «Основы политической коммуникации» и «Политическая лингвистика».

Перспективной представляется возможность использования предложенного алгоритма исследования в ходе анализа публичных выступлений современных политиков других стран, а также в ходе сопоставительного хронологического анализа текстов англоязычного политического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Источники теоретического материала**

1. Адорно, Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / Т. Адорно. – М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. – 192 с.
2. Аكوпова, Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д.Р. Аكوпова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6-1. – С. 403–409.
3. Аникин, Е.Е. Тактика имплицитного сопоставления в рекламном дискурсе США / Е.Е. Аникин // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 175–179.
4. Байков, В.Г. Манипулятивная семантика и контрпропаганда / В.Г. Байков // Функционирование языка как средства идеологического воздействия. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 1988. – С. 5–113.
5. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / А.Н. Баранов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
6. Баранов, А.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов ; М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1991. – 193 с.
7. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170–194.
8. Беляева, Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е.И. Беляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 167 с.
9. Бенвенист, Э. Уровни лингвистического анализа / Э. Бенвенист // Лингвистика XX века: система и структура языка : [сборник]. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – Ч. I. – С. 206–220.
10. Бенуа, Л.В. Функциональная теория дискурса политической кампании / Л.В. Бенуа // Политическая лингвистика [Электронный ресурс]. – 2006. – № 19. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-teoriya-diskursa-politicheskoy-kampanii> (дата обращения: 03.04.2024).

11. Бережная, Т.М. Современная американская риторика как теория и практика манипулирования общественным сознанием : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т.М. Бережная. – М., 1986. – 211 с.
12. Бойцова, О.Ю. "Власть" как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии / О.Ю. Бойцова // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. – 2018. – № 1. – С. 55-61.
13. Бокмельдер, Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д.А. Бокмельдер. – Иркутск, 2000. – 210 с.
14. Болотнова, Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н.С. Болотнова // Вестник ТГПУ [Электронный ресурс]. – 2007. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodike-izucheniya-assotsiativnogo-sloya-hudozhestvennogo-kontsepta-v-tekste> (дата обращения: 15.11.2023).
15. Бордвик, Й. В режиме разговора: некоторые мысли о свободе коммуникации в сети проводной страны / Й. Бордвик, Б. ван Каам. – Barn : Bosch & Keuning, 1982. – 161 с.
16. Борисова, Е.Б. Лингвопоэтический анализ художественного текста: история, методология и методика исследования / Е.Б. Борисова // Проблемы истории, филологии, культуры [Электронный ресурс]. – 2008. – № 22. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoeticheskiy-analiz-xudozhestvennogo-teksta-istoriya-metodologiya-i-metodika-issledovaniya> (дата обращения: 04.04.2023).
17. Братанич, О.В. Verbal communication strategies of the political media discourse / О.В. Братанич // Молодой ученый. – 2016. – № 12.1 (40). – С. 294–297.
18. Бутахина, Л.А. Манипулятивный аспект политической коммуникации / Л.А. Бутахина, А.В. Филиппова // Вестник ВУиТ [Электронный ресурс]. – 2016. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnyy-aspekt-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 12.03.2024).

19. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес ; пер. с фр. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
20. Вартанова, Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды / Е.Л. Вартанова // Меди@льманах [Электронный ресурс]. – 2022. – № 2 (109). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-posledstviyah-tsifrovoy-transformatsii-mediasredy> (дата обращения: 16.04.2023).
21. Веретенкина, Л.Ю. Стратегия, тактика и приемы манипулирования / Л.Ю. Веретенкина // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тезисы докладов Международной научной конференции (Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 177–179.
22. Верещагин, Е.М. Коммуникативные тактики как поле воздействия языка и культуры / Е.М. Верещагин // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики : [сборник]. – М. : Просвещение, 1991. – С. 32–43.
23. Викулина, А.С. Лингвопоэтический анализ стихотворения Марины Цветаевой «Я тебя отвоюю...» / А.С. Викулина // Филология и литературоведение [Электронный ресурс]. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <https://philology.snauka.ru/2013/01/399> (дата обращения: 24.02.2023).
24. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография : избранные труды / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
25. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. Л. Добросельского. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 347 с.
26. Влавацкая, М.В. Зарождение и развитие теории синтагм в зарубежной лингвистике / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. – 2008. – № 2 (2). – С. 15–21. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/article/phil20080205/pdf> (дата обращения: 06.11.2022).
27. Власова, Л.И. Инвариантное и вариативное структурно-семантических характеристик субстантивных синтагм / Л.И. Власова // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы тринадцатой

- международной научно-практической конференции. – Самара : Изд-во СГСПУ, 2018. – С. 50–54. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35661374_10967843.pdf (дата обращения: 12.06.2022).
28. Гайкова, О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале англ. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.В. Гайкова. – Волгоград, 2003. – 19 с.
29. Гальчук, Д.С. Стратегии и тактики речевого воздействия Д. Трампа (на материале постов об иммиграционном кризисе на южной границе США) / Д.С. Гальчук // Политическая лингвистика. – 2021. – № 4 (88). – С. 29–34. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-rechevogo-vozdeystviya-d-trampa-na-materiale-postov-ob-immigratsionnom-krizise-na-yuzhnoy-granitse-ssha> (дата обращения: 02.06.2025).
30. Гончаров, М.Ю. Риторика политической коммуникации / М.Ю. Гончаров // Массовая коммуникация в современном мире : сборник научных трудов / под ред. Ю.П. Буданцева [и др.]. – М. : МГМО, 1991. – С. 55–60.
31. Грачёв, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н. Грачёв. – М. : Прометей, 2004. – 328 с.
32. Гремин, А.Е. Политический текст в период выборной кампании: функциональные возможности и реальность / А.Е. Гремин // Молодой ученый. – 2017. – № 19 (153). – С. 385–387. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/153/43354/> (дата обращения: 23.05.2022).
33. Грязнова, А.Т. Лингвопоэтический анализ художественного текста: подходы и направления / А.Т. Грязнова. – М. : МПГУ, 2018. – 323 с.
34. Гурин, В.В. Анализ стратегий и тактик в политическом дискурсе Дэвида Кэмерона / В.В. Гурин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76), Ч. 3. – С. 89–92.
35. Двойнина, Е.В. Стратегии и тактики речевой манипуляции в инаугурационной речи Д. Трампа / Е.В. Двойнина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-4 (78). – Режим

- доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-rechevoy-manipulyatsii-v-inauguratsionnoy-rechi-d-trampa> (дата обращения: 30.10.2023).
36. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
37. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть : репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
38. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. 3. Политический дискурс: история и современные исследования. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – С. 32–43.
39. Диманте, И.В. Инструментарий профессионального коммуникатора (приёмы речевого воздействия) / И.В. Диманте // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 4 (6). – С. 52–64.
40. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-obekt-lingvistiki-i-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 19.11.2025).
41. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. — Изд. 3-е. — Москва : КРАСАНД, 2009. — 286 с.
42. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления/ Т. Г. Добросклонская – [б.м]: [б.и.], 2020 – 180с.
43. Дунас, Д.В. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях «цифровой молодежи» / Д.В. Дунас, Е.А. Салихова, А.В. Толоконникова, Д.А. Бабына // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2022. – № 4. – С. 47–78.
44. Дьякова, Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу / Е.Г. Дьякова // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 109–119.

45. Дьяченко, И.А. Средства манипуляции в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Трампа) / И.А. Дьяченко, Т.А. Королева, О.П. Петрухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 9. – С. 212–215. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-manipulyatsii-v-politicheskom-diskurse-na-materiale-vystupleniy-d-trampa> (дата обращения: 27.03.2024).
46. Ешмамбетова З. Б., Соотношение авторской речи и речи персонажа как лингвопоэтическая проблема : на материале английского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04. - Москва, 1984. - 183 с.
47. Желтухина, М.Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие - восприятие - интерпретация / М.Р. Желтухина // Язык, сознание, коммуникация. – М. : ООО "МАКС Пресс", 2003. – Вып. 23. – С. 38–51.
48. Жучкова, И.И. Тезаурусное моделирование английской терминологии лингвистики текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.И. Жучкова ; Сам. гос. соц.-пед. ун-т. – Самара, 2016. – 25 с.
49. Задорнова, В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста : учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков / В.Я. Задорнова. – М. : Высшая школа, 1984. – 152 с.
50. Зазаева, Н.Б. Политическая коммуникация: лекция / Н.Б. Зазаева // Философия и общество. – 2007. – № 4 (48). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kommunikatsiya-lektsiya> (дата обращения: 30.10.2023).
51. Захарова В. А. Особенности использования лексем-ассоциантов в выступлениях Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник ЮУрГГПУ. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-leksem-assotsiantov-v-vystupleniyah-b-obamy-i-d-trampa> (дата обращения: 09.05.2026).
52. Зигманн, Ж.В. Структура современного политического дискурса (речевые жанры и речевые стратегии) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ж.В. Зигманн. – М., 2003. – 239 с.

- 53.Иванова, О.В. Функционально-когнитивные особенности репрезентации ключевых концептов американского политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.В. Иванова ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2010. – 183 с.
- 54.Иванова, Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю.М. Иванова. – Волгоград, 2003. – 137 с.
- 55.Игнатова, И.В. Особенности актуализации концепта "power" в речи президента США Б. Обамы на Саммите ЕС-США (Брюссель, 26 марта 2014 г.) / И.В. Игнатова // СибСкрипт [Электронный ресурс]. – 2015. – № 2-3 (62). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-aktualizatsii-kontsepta-power-v-rechi-prezidenta-ssha-b-obamy-na-sammite-es-ssha-bryussel-26-marta-2014-g> (дата обращения: 26.03.2024).
- 56.Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
- 57.Каган Е. Б. Коммуникационные стратегии и тактики в прощальной речи д. Трампа и языковые средства их реализации // Лингвокультурология. 2022. №16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnye-strategii-i-taktiki-v-proschalnoy-rechi-d-trampa-i-yazykovye-sredstva-ih-realizatsii-1> (дата обращения: 10.05.2026).
58. Казаков, А.А. Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня: анализ основных подходов / А.А. Казаков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – № 3. – С. 55–61.
- 59.Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
- 60.Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
- 61.Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
- 62.Карпова, Л.С. Лингвопоэтика повествовательных типов и другие методы лингвопоэтического исследования / Л.С. Карпова // Вестник ИГЛУ

- [Электронный ресурс]. – 2009. – № 2 (6). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoetika-povestvovatelnyh-tipov-i-drugie-metody-lingvopoeticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 04.04.2023).
63. Катынская, М.В. К вопросу о комплексном подходе к изучению политической публичной речи / М.В. Катынская, А.В. Замятина // Вестник КГУ. – 2017. – № 3. – С. 160–165. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30561289> (дата обращения: 04.06.2022).
64. Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации : учебное пособие / В.Б. Кашкин. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
65. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация: Коммуникативные стратегии. Коммуникативные тактики. Успешность речевого взаимодействия : учебное пособие для университетов и институтов / Е.В. Клюев. – М. : Приор, 1998. – 224 с.
66. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика : учебник для вузов / И.М. Кобозева. – М. : УРСС, 2000. – 350 с.
67. Козеняшева Л. М., Лингвопоэтические средства создания образа слуги в английской литературе XIX-XX веков : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Сам. гос. пед. ун-т. - Самара, 2006.
68. Колесникова, С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация / С. Н. Колесникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politicheskogo-diskursa-i-ego-interpretatsiya> (дата обращения: 01.10.2024).
69. Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб. : ЮНА, 2002. – 444 с.
70. Колмогорова, А.В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа / А.В. Колмогорова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 33–39.
71. Колобов, О.А. Доктринальные основы внешней политики США при администрациях Дж. Буша-мл. и Б. Обамы / О.А. Колобов, Ю.В. Тумина //

- Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 1. – С. 277–284.
72. Колосова Т.Ю., Маренич А.А. Манипулятивные стратегии в американском политическом дискурсе (на примере предвыборной кампании президента США 2024 г.) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2025. – № 04 (120). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/manipulyativnye-strategii-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse-na-primere-predvybornoj-kampanii-prezidenta-ssha-2024-g.html> (Дата обращения: 15.04.2025).
73. Конашенко А. А. Реализация коммуникативных стратегий и тактик в американском общественно-политическом дискурсе // Вестник науки. 2024. №2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kommunikativnyh-strategiy-i-taktik-v-amerikanskom-obschestvenno-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 03.02.2026).
74. Коноваленко, И.В. Лингвистическая модель концепта «Народ» (опыт ассоциативного исследования) / И.В. Коноваленко // Филология и человек. – 2011. – № 4. – С. 179–185.
75. Коноваленко, И.В. Структура концепта «Власть» (по данным ассоциативного эксперимента) / И.В. Коноваленко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 3 (61). – С. 168–171. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование : учебное пособие / Г.А. Копнина. – 6-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 176 с.
76. Кучеренко, К.В. Речевое манипулятивное воздействие в политической коммуникации : на материале выступлений испанских политиков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / К.В. Кучеренко ; Воен. ун-т МО РФ. – М., 2013. – 24 с.
77. Левенкова, Е.Р. Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ / Е.Р. Левенкова. – Самара : ПГСГА, 2011. – 308 с.

78. Левенкова, Е.Р. Концептосфера политического дискурса Великобритании на рубеже XX-XXI веков / Е.Р. Левенкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, № 4. – С. 226–231.
79. Лобанова, Е.А. Политическая коммуникация в контексте политологического анализа : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Е.А. Лобанова ; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2006. – 29 с.
80. Лукина, О.И. Особенности метаязыка лингвистики и лингвистической терминологии / О.И. Лукина // Сопоставительная лингвистика. – 2016. – № 5. – С. 111–117.
81. Любимова, О.В. Концепт "власть" в русской и английской лингвокультурах / О.В. Любимова, В.Б. Крячко // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 100–102.
82. Гаврилова, М.В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов / М.В. Гаврилова // Политэкс. – 2006. – Т. 2, № 1. – С. 98–108.
83. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
84. Маркузе, Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике / Г. Маркузе ; пер. с англ. А.А. Юдина. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 382 с.
85. Минаева, Л.В. Речевая коммуникация в политике / Л.В. Минаева, Л.В. Бондарева, Т.В. Валентей [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 248 с.
86. Минаева, Л.В. Речь в мире политики / Л.В. Минаева. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 224 с.
87. Минаева, Л.В. Об интертекстуальности и гипертекстуальности политического дискурса / Л.В. Минаева // Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление (государство и общество) [Электронный ресурс]. – 2014. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-intertekstualnosti-i-gipertekstualnosti-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 27.09.2025).

88. Митриев, И.М. Основные концепты современного политического дискурса / И.М. Митриев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук [Электронный ресурс]. – 2022. – № 11-5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-kontsepty-sovremennogo-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 15.11.2023).
89. Михалёва, О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. – М. : Либроком, 2009. – 252 с. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/mihaleva-o-l-politicheskiiy-diskurs-specifika-manipulyativnogo-vozdeystviya_7cbcb7156d4.html (дата обращения: 06.02.2002).
90. Михальская, А.К. Политическое интервью как речевой жанр / А.К. Михальская // Риторическая культура в современном обществе : тезисы IV Междунар. конф. по риторике (26-28 янв. 2000 г.). – М. : ГИРЯП, 2000. – С. 67–69.
91. Морозов, А.Ю. Функциональная специфика рекламного текста / А.Ю. Морозов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, № 4. – С. 232–237. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12954950> (дата обращения: 25.05.2022).
92. Морозов, А.Ю. Синергетический подход к процессу воздействия как основа для исследования языковой структуры / А.Ю. Морозов, А.Н. Морозова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14, № 2 (3). – С. 759–762.
93. Морозова, А.Н. К проблеме описания лексического значения в учебном словаре (на примере слова “time”) / А.Н. Морозова // Поволжский педагогический вестник. – 2017. – Т. 5, № 3 (16). – С. 34–40.
94. Морозова, А.Н. О способах реализации интеграционной стратегии в политическом дискурсе США / А.Н. Морозова // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения : сборник материалов IX Международной научной конференции (Москва, 24–25 сентября 2020 г.) : в 2 ч. – М. : РУДН, 2020. – Ч. 1. – С. 228–230.

95. Муслех, Х.А. Стратегия убеждения в политическом дискурсе : на материале выступлений британских, российских и арабских политиков: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Х.А. Муслех ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2018. – 25 с.
96. Немыкина, А.А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А.А. Немыкина ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2017. – 39 с.
97. Нефёдова, Л.А. Роль репрезентативного речевого акта в агитационном тексте политического характера / Л.А. Нефёдова, А.Ю. Любавина // Вестник ИГЛУ [Электронный ресурс]. – 2009. – № 1 (5). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-representativnogo-rechevogo-akta-v-agitatsionnom-tekste-politicheskogo-haraktera> (дата обращения: 02.10.2023).
98. Осипов, Г.А. «Конституция», «свобода», «президент»: когнитивно-прагматические особенности политических идеологем в современном американском политическом дискурсе / Г.А. Осипов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 95–98.
99. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.Н. Паршина ; Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. – 48 с. – Режим доступа: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002882356.pdf (дата обращения: 06.03.2022).
100. Патюкова, Р.В. Дискурс - коммуникация - текст: к вопросу о корреляциях и системных характеристиках / Р.В. Патюкова // Научная мысль Кавказа [Электронный ресурс]. – 2010. – № 4 (64). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-kommunikatsiya-tekst-k-voprosu-o-korrelyatsiyah-i-sistemnyh-harakteristikah> (дата обращения: 04.12.2023).
101. Пекарская, И.В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) / И.В. Пекарская // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова [Электронный ресурс]. – 2017. – № 21. – Режим

- доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschestvuyuschih-tipologiyah-stilisticheskikh-figur-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 28.11.2022).
102. Попова, Е.С. Рекламный текст и проблемы манипуляции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.С. Попова. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.
103. Попова, З.Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Культура общения и ее формирование : межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 2001. – Вып. 8. – С. 34–56.
104. Порческу, Г. В. Лингвостилистические особенности политических выступлений (на примере публичных выступлений Дональда Трампа) / Г. В. Порческу, О. С. Рублёва. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2019. — Т. 12, вып. 1. — С. 60-63.
105. Посикера, Л.Р. Политическая коммуникация в условиях избирательных кампаний: анализ концепций и технологий : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Л.Р. Посикера. – М., 1994. – 163 с.
106. Постникова, Л.В. Просодическая реализация ядра концепта «власть» в современном англоязычном политическом дискурсе (на материале речей американских президентов) / Л.В. Постникова // Вестник МГЛУ. – 2010. – Вып. 1 (580). – С. 121–131. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15105594> (дата обращения: 08.05.2022).
107. Потапова, Н.М. Метасемиотика как ключ к пониманию целей геополитической коммуникации / Н.М. Потапова // JSRP [Электронный ресурс]. – 2014. – № 2 (6). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metasemiotika-kak-klyuch-k-ponimaniyu-tseley-geopoliticheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 15.11.2023).
108. Прокопенко, А. А. Ключевые стратегии и тактики в президентском дискурсе Барака Обамы / А. А. Прокопенко. — Текст: непосредственный // Филологические трактаты. — 2015. — Т. 7, № 2. — Сумы : СумДу. — С. 116-122.

109. Рассинская, О.В. Речевые особенности политической коммуникации / О.В. Рассинская // Молодой ученый. – 2015. – № 1 (81). – С. 412–413. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/81/14775/> (дата обращения: 01.08.2023).
110. Рыбакова, Л.А. Репрезентация концепта «Власть» в англоязычной политической речи и способы его передачи при переводе на русский язык / Л.А. Рыбакова // Вестник Башкирского университета [Электронный ресурс]. – 2013. – Т. 18, № 3. – С. 1022-1025. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezentatsiya-kontsepta-vlast-v-angloyazychnoy-politicheskoy-rechi-i-sposoby-ego-peredachi-pri-perevode-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 10.04.2023).
111. Рябцева И. Г., Жанровая специфика речевого акта опровержения в оппозиционном политическом дискурсе / И.Г. Рябцева // Гуманитарные и социальные науки [Электронный ресурс]. – 2016. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-rechevogo-akta-oproverzheniya-v-oppozitsionnom-politicheskim-diskurse> (дата обращения: 02.10.2025).
112. Рядовая, Н.С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации: на материале речей президентов США и России : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.С. Рядовая ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2013. – 28 с.
113. Семкин, М.А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик (на материале третьего этапа дебатов президентской предвыборной кампании США 2012 г.) / М.А. Семкин // Политическая лингвистика [Электронный ресурс]. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-rechevye-taktiki-konfrontatsionnyh-elektoralnyh-ritorik-na-materiale-tretiego-etapa-debatov-prezidentskoj> (дата обращения: 14.06.2024).
114. Серио П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 199–416 с.

115. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов – С. 151–1969.
116. Симонян, А.А. Лексический повтор в свете теории политического дискурса / А.А. Симонян // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки [Электронный ресурс]. – 2005. – № S7. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskiy-povtor-v-svete-teorii-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 23.08.2023).
117. Скепская, Г.И. Введение в синтагматику: пособие по теоретической грамматике французского языка для институтов и факультетов иностранных языков / Г.И. Скепская. – М. : Высшая школа, 1979. – 135 с.
118. Скулимовская, Д.А. Стратегии и тактики в политическом дискурсе (на материале выступлений Б. Обамы) / Д.А. Скулимовская // Политическая лингвистика [Электронный ресурс]. – 2017. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-v-politicheskom-diskurse-na-materiale-vystupleniy-b-obamy> (дата обращения: 28.01.2023).
119. Соловьева, Е.В. Речевой акт возмущения как средство самопрезентации в политическом дискурсе (на примере текстов дебатов в Бундестаге) / Е.В. Соловьева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена [Электронный ресурс]. – 2012. – № 150. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-vozmuscheniya-kak-sredstvo-samoprezentatsii-v-politicheskom-diskurse-na-primere-tekstov-debatov-v-bundestage> (дата обращения: 02.10.2025).
120. Стексова, Т.И. Декларативность в политическом дискурсе / Т.И. Стексова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5 (59). – С. 56–61.
121. Степанова, Н.В. Персуазивность vs эвазивность: стратегии в современном политическом интервью / Н.В. Степанова // Дискурс. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 79–89.
122. Сумарокова, Н. А. Просодические трансформации публичной речи Дональда Трампа между первой и второй президентскими кампаниями / Н. А. Сумарокова,

- О. Е. Карачина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6 (102). — С. 131-140.
123. Талипова, Ф.Р. Дебитивное долженствование и способы его выражения в английском языке / Ф.Р. Талипова // МНИЖ [Электронный ресурс]. – 2016. – № 6–4 (48). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/debitivnoe-dolzhenstvovanie-i-sposoby-ego-vyrazheniya-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 23.06.2025).
124. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с фр. И.М. Богуславского [и др.]; вступ. ст., общ. ред. и коммент. В.Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
125. Федоровских, А.А. Политическая власть: опыт аналитики понятия / А.А. Федоровских // Вопросы управления. – 2015. – № 6 (37). – С. 41–50. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26704946> (дата обращения: 05.06.2022).
126. Фортунатов, Ф.Ф. Избранные труды / Ф.Ф. Фортунатов. – М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1956. – Т. 1. – 450 с.
127. Хазагеров, Г. «Аргументы ad hominem, или «Ты меня уважаешь?» / Г. Хазагеров // Социальная реальность. – 2006. – № 10. – С. 119–121.
128. Хлопотунов, Я.Ю. Аксиологический аспект реализации конфронтационных коммуникативных стратегий в американском политическом дискурсе / Я.Ю. Хлопотунов, Д.С. Храмченко // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – № 6 (4). – С. 65–74.
129. Хоркхаймер, М. Затмение разума. К критике инструментального разума / М. Хоркхаймер. – М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. – 224 с.
130. Чернобровкина, Е.П. Речевое поведение президента США Барака Обамы: роль стратегий и тактик в создании имиджа популярного и успешного политика / Е.П. Чернобровкина // Вестник БГУ. Язык, литература, культура [Электронный ресурс]. – 2013. – № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevloe-povedenie-prezidenta-ssha->

- baraka-obamy-rol-strategiy-i-taktik-v-sozdanii-imidzha-populyarnogo-i-uspeshnogo-politika (дата обращения: 30.10.2023).
131. Червиньски, П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (5) / П. Червиньски // Политическая лингвистика [Электронный ресурс]. – 2010. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sovetskoj-deystvitelnosti-semantika-pozitiva-v-oboznachenii-lits-5> (дата обращения: 03.04.2024).
132. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса : учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/chernyavskaya-ve-diskurs-vlasti-i-vlast-diskursa_f9bc9ef93f1.html (дата обращения: 26.01.2023).
133. Чжао Наньнань. Структурно-семантическая организация категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе / Наньнань Чжао // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2018. – № 2. – С. 103–113.
134. Чиглинцева, Д.В. Передача аллитерации при переводе (на примере переводов рассказа Эдгара По «Тишина») / Д.В. Чиглинцева // Молодой ученый. – 2017. – № 23 (157). – С. 260–262. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/157/44264/> (дата обращения: 05.07.2023).
135. Чикилева, Л.С. Политический дискурс парламентских дебатов: прагмалингвистический аспект / Л.С. Чикилева, А.Г. Сергеева // Российский гуманитарный журнал [Электронный ресурс]. – 2020. – Т. 9, № 1. – С. 45-53. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-parlamentskih-debatov-pragmalingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 30.10.2023).
136. Чиронова, И.И. Национальная специфика концепта власть в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах / И.И. Чиронова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 48-56.

137. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика : учебное пособие / А.П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 254 с.
138. Чукарькова, О.В. Звукоизобразительная гиперэкспрессивность (на материале англоязычных рекламных текстов) / О.В. Чукарькова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4 (22), Ч. 2. – С. 206–211.
139. Шабанова, А.А. Лингвистический анализ концепта «власть»/«power» / А.А. Шабанова // Актуальные вопросы филологических наук : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита : Издательство Молодой ученый, 2011. – С. 144–147. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/25/1237/> (дата обращения: 04.10.2021).
140. Шаззо, А.А. Тенденция к демократизации языка в качественной прессе начала третьего тысячелетия / А.А. Шаззо // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение [Электронный ресурс]. – 2012. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsiya-k-demokratizatsii-yazyka-v-kachestvennoy-presse-nachala-tretiego-tysyacheletiya> (дата обращения: 25.04.2023).
141. Шварценберг, Р.-Ж. Политическая социология : в 3 ч. / Р.-Ж. Шварценберг ; пер. с фр. – М., 1992. – Ч. 1. – 180 с.
142. Шевелева, Е.О. Семантические доминанты смыслового пространства “Power” («Сила») в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.О. Шевелева. – М., 2015. – 230 с.
143. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
144. Шейгал, Е.И. Агональность в коммуникации: структура понятия / Е.И. Шейгал, В.В. Дешевова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 34 (172). Филология. Искусствоведение. – Вып. 36. – С. 145–148.

145. Шейгал, Е.И. Культурные концепты политического дискурса / Е.И. Шейгал // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация-2002». – Пятигорск, 2002. – С. 24–26.
146. Шехтман, Н.А. Понимание речевого высказывания и гипертекст / Н.А. Шехтман. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. – 167 с.
147. Щерба, Л.В. Фонетика французского языка / Л.В. Щерба. – М. : Высшая школа, 1963. – 309 с.
148. Щербак, И.В. Языковые средства формирования образа патриота в публичных выступлениях американских политиков / И.В. Щербак // Политическая лингвистика. – 2019. – № 6 (78). – С. 125–131. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41579006> (дата обращения: 28.05.2022).
149. Щербакова, О.Ю. Лингвистические экспрессивные особенности текстов устных выступлений (на примере текстов на английском языке) / О.Ю. Щербакова, Ф.Р. Мирзоева // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 565–567.
150. Эпштейн, О.В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе : на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.В. Эпштейн ; Поволжская гос. социально-гуманитарная акад. – Самара, 2010. – 209 с.
151. Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Т.В. Юдина ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2001. – 237 с.
152. Якушевич, Е.А. Способы выражения акцентуации в политическом предвыборном англоязычном дискурсе / Е.А. Якушевич // Когнитивные и социокультурные аспекты дискурса : материалы Республиканской научно-теоретической конференции (Брест, 23 марта 2018 г.) / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: Н.А. Тарасевич [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2018. – С. 90–92.

153. Akhmanova, O.S. *Semantics* / O.S. Akhmanova // *Folia Anglistica*. A Festschrift for Olga S. Akhmanova on World Englishes from her Disciples, Friends and Colleagues. – Moscow : Dialogue-MSU, 1998. – № 1. – P. 44–47.
154. Bennett, W.L. *The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation* / W.L. Bennett // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2012. – Vol. 644, No. 1. – P. 20–39.
155. Bach, K. *Linguistic Communication and Speech Acts* / K. Bach, R.M. Harnish. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1979. – 332 p.
156. Burton, M.J. *Campaign Craft: The Strategies, Tactics, and Art of Political Campaign Management* / M.J. Burton, D.M. Shea. – 4th ed. – Santa Barbara : Praeger, 2010. – 250 p.
157. Blommaert, J. *Political Discourse in Post-Digital Societies* / J. Blommaert // *Applied Linguistics and Politics* / ed. by C.W. Chun. – London : Bloomsbury Academic, 2022. – P. 21–32.
158. Brazeal, L.M. *A functional analysis of Congressional television spots, 1986-2000* / L.M. Brazeal, W.L. Benoit // *Communication Quarterly*. – 2001. – Vol. 49, No. 4. – P. 418-429.
159. Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor* / J. Charteris-Black. – 2nd ed. – London : Palgrave Macmillan, 2011. – 308 p.
160. Chilton, P. *Language, Space and Mind: The Conceptual Geometry of Linguistic Meaning* / P. Chilton. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 333 p.
161. Clyne, M.G. *Linguistic analysis and the 1972 Bundestag election campaign* / M.G. Clyne // *Linguistic Method: Essays in Honor of Herbert Penzl* / ed. by I. Rauch, G.F. Carr. – The Hague : Mouton, 1979. – P. 163-174
162. Deutsch, K. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control* / K. Deutsch. – New York : Free Press, 1966. – 316 p.
163. Dijk, T.A. van. *What is Political Discourse Analysis* / T.A. van Dijk. – Amsterdam, 1998. – 78 p.
164. Douglas, W. *Promoting Democracy* / W. Douglas, M. Samuels // *The Washington Quarterly*. – 1981. – Vol. 4, No. 3. – P. 52–65.

165. Entman, R. Media framing biases and political power: Explaining slant in news of Campaign 2008 / R. Entman // *Journalism*. – 2010. – Vol. 11, No. 4. – P. 389-408.
166. Fairclough, N. Critical discourse analysis and critical policy studies / N. Fairclough // *Critical Policy Studies*. – 2013. – Vol. 7, No. 2. – P. 177-197.
167. Fraser, B. Hedged Performatives / B. Fraser // *Syntax and Semantics*. – New York : Academic Press, 1975. – Vol. 3 : Speech Acts. – P. 187-210.
168. Fukuyama, F. After the Neocons: America at the Crossroads / F. Fukuyama. – London : Profile Books, 2006. – 192 p.
169. Halliday, M.A.K. Language Structure and Language Function / M.A.K. Halliday // *New Horizons in Linguistics* / ed. by J. Lyons. – Harmondsworth : Penguin, 1970. – P. 140-165.
170. Leech, G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London ; New York : Longman, 1983. – 250 p.
171. Kampes, C.F. The German Online Media Market: Online-Born Information Offerings and Their Audiences – a Shift Towards Digital Inequalities? / C.F. Kampes, I. Brentel // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. – 2020. – No. 4. – P. 5–34.
172. Kazemian, B. Critical discourse analysis of Barack Obama's 2012 speeches: Views from systemic functional linguistics and rhetoric / B. Kazemian, S. Hashemi // *Theory and Practice in Language Studies*. – 2014. – Vol. 4, No. 6. – P. 1178–1187.
173. Lakoff, G. Why it Matters How We Frame the Environment / G. Lakoff // *Environmental Communication*. – 2010. – Vol. 4, No. 1. – P. 70-81.
174. Landau, M.J. The power of metaphor: Examining its influence on social life / M.J. Landau, M.D. Robinson, B.P. Meier. – Washington, D.C. : American Psychological Association, 2013. – 301 p.
175. Lasswell, H.D. Power and Personality / H.D. Lasswell. – New York : Norton, 1948. – 262 p.
176. Levy, D.M. Communicative goals and strategies: Between discourse and syntax / D.M. Levy // *Syntax and Semantics*. – New York : Academic Press, 1979. – Vol. 12 : Discourse and Syntax. – P. 183–210.

177. McCombs, M.E. The Agenda-Setting Function of Mass Media / M.E. McCombs, D.L. Shaw // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Vol. 36, No. 2. – P. 176–187. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/209410047_The_Agenda-Setting_Function_of_Mass_Media (дата обращения: 11.03.2021).
178. Moody, S. Political discourse, code-switching, and ideology / S. Moody, R.E. Zohreh // *Russian Journal of Linguistics*. – 2020. – Vol. 24, No. 2. – P. 325–343.
179. Nguyen, V.L. Commissive Speech Acts of Persuasion in English Political Discourse / V.L. Nguyen, T.T. Thanh // *International Journal of Science and Research (IJSR)*. – 2022. – Vol. 11, Issue 4. – P. 576–582. – Режим доступа: <https://www.ijsr.net/getabstract.php?paperid=SR22410170151>. (Дата обращения: 29.09.2023)
180. Nisar et al., 2020 – The Study on Lexical Discourse Analysis of Trump’s Political Speeches / M. Nisar, X. Fushou, M. Asif, A. H. Malik // *European Academic Research*. 2020. Vol. VIII, Iss. 6. P. 3265–3279
181. Norris, P. Political communication / P. Norris // *Comparative politics* / ed. by D. Caramani. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – P. 353–370.
182. Rue, L. Political Communication / L. Rue // *The Blackwell Encyclopaedia of Political Institutions*. – Oxford ; New York : Blackwell, 1987. – 667 p.
183. Ruler, B. van. The communication grid: an introduction of a model of four communications strategies / B. van Ruler // *Public Relations Review*. – 2004. – Vol. 30. – P. 123–143.
184. Salayo, J. Women’s Right, a Call for Life: A Critical Discourse Analysis of Pres. Donald Trump’s Speech for the 2020 March for Life / J. Salayo // *Journal of English Education and Linguistics Studies*. – 2020. – Vol. 7, No. 1. – P. 115–135.
185. Searle, J.R. A taxonomy of illocutionary acts / J.R. Searle // *Language, Mind and Knowledge. Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1975. – Vol. 7. – P. 344–369.
186. Shannon, C.E. The mathematical theory of communication / C.E. Shannon, W. Weaver. – Urbana : University of Illinois Press, 1949. – 117 p.

187. Schramm, W. How communication works. The process and effects of mass communication. / W. Schramm – Urbana : University of Illinois Press, 1954. – P. 3-26.
188. Trier, J. Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie / J. Trier. – The Hague : Mouton, 1973. – 216 p.
189. Wodak, R. The politics of fear / R. Wodak. – London : SAGE Publications, 2015. – 258 p.
190. Wolff, G. Sprache im Wahlkampf / G. Wolff // Praxis Deutsch. – 1976. – Н. 18. – S. 13–21.
191. Wunderlich, D. Methodological remarks on speech act theory / D. Wunderlich // Speech act theory and pragmatics / eds. by J. Searle, F. Kierfer, M. Bierwisch. – Dordrecht ; Boston ; London : D. Reidel, 1980. – P. 291–312.

Лексикографическая литература:

192. СЛТ - Ахманова О.С. – Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова – Изд-е стереотип. – М.: USSR, 2014 – 576с.
193. НПС -Новейший политологический словарь/ авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. - Ростов н/Д : Феникс, 2010. - 318 с. - (Словари).
194. ОПКСТП - Основы политологии: Краткий словарь терминов и понятий. / Под ред. д.ф.н., проф. Белова Г.А. и д.ф.н., проф. Пугачева В.П. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, О-во “Знание” России, 1993. – 168 с.
195. СЛТ - Розенталь, Д.Э. Справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1985. – 357 с.
196. СРК - Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001 – 590 с.
197. IESBS - International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / eds. in chief N.J. Smelser, P.B. Baltes. – Oxford : Pergamon Press, 2001. – 11631 p.
198. LASD - Longman Active Study Dictionary, (5th edition), Harlow: Longman, Pearson ELT 2010.

199. LLA - Longman Language Activator, the World's First Production Dictionary, London: Longman Gr. Limited, 2000.
200. MEDAL - Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, Second Edition, Oxford: Macmillan Education, 2007.
201. MWDO - Merriam-Webster Dictionary Online: URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Дата обращения: 16.10.2020).
202. CE - The Cambridge Encyclopedia (2nd, ed. by D. Crystall), Cambridge: Cambridge univ. press, 2004.

Источники фактического материала

1. Donald Trump Speech and Interview Transcripts. [Электронный ресурс] URL: <https://factba.se/transcript/>. (Дата обращения: 20.12.2020).
2. Travel ban: Trump hails 'tremendous' Supreme Court ruling [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-44619976>. (Дата обращения: 20.12. 2020).
3. Города-убежища в США (Sanctuary city) [Электронный ресурс]. URL: <https://state-usa.ru/goroda/492-sanctuary-city-in-usa>. (Дата обращения:14.01.2021).
4. Obama Speeches [Электронный ресурс]. URL: <http://obamaspeeches.com/>
5. American Rhetoric. Online speech bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americanrhetoric.com> (Дата обращения:10.01.2021).
6. Donald J. Trump Transcript Search [Электронный ресурс]. URL: <https://factba.se> (Дата обращения: 17.01.2021).